Л. МАЛАХОВ

ЗНАКИ БЕССМЕРТИЯ

Л. Малахов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА

Средне-Уральское
Книжное Издательство
Свердловск,
1970

При бурении нефтяной скважины
на глубине 760 метров
найден камень
с таинственными знаками.
Такие же знаки
обнаружены и на других камнях.
Откуда они?
Не следы ли это древнейших цивилизаций?
А что вы знаете
о поведении магнитного поля Земли
четверть миллиарда лет назад?
Был ли «разум»
у древнейших насекомых?
Об этих и других интереснейших проблемах
и вопросах современной науки
рассказывает в своей новой книге
ученый и писатель
Анатолий Алексеевич Малахов,
известный читателям как автор многих
научно-популярных книг.
Предлагаемая книга представляет собой
сборник повестей и рассказов,
насыщенных познавательным материалом.
Автор уводит читателя
в воображаемое путешествие в эру палеозоя,
увлекательно рассказывает
о жизни древнейших
обитателей нашей планеты.
В книге собран
интереснейший комплекс
современных научных идей,
которые поданы в форме,
доступной широкому кругу
читателей.

ОТ АВТОРА. Разнообразны письмена природы. Их много. К ним можно отнести и единичные пожелтевшие листья среди свежей листвы, и пятна густо-зеленой растительности на фоне выжженной солнцем травы, и нежные белые махровые гвоздики на скалах...

Посвященному в таинства природы эти знаки рассказывают и о нехватке важнейших примесей в пищевом рационе дерева, и о близости к поверхности подземного водотока, и о присутствии углекислого кальция в горных породах скалы...

Но иногда даже знатоков природы заставляет задуматься какой-либо «хитрый» знак. Почему эмблема смерти начертана на туловище бабочки Мертвая голова? Что означает сочетание точек и тире на надкрыльях саранчи? Ответы на эти вопросы иногда можно получить, вчитываясь в легенды и сказания различных народов. Наука же не расшифровала пока значение таких «хитростей».

Издавна казались таинственными странные письмена на скалах, напоминающие еврейскую клинопись. Горные породы, на которых начертаны эти знаки, получили название письменных гранитов, или еврейских камней.

За расшифровку знаков письменного гранита принимались многие. Наблюдательность древних охотников за драгоценными камнями привела к неожиданному выводу: следи за жилкой писанца, как бы тонка она ни была. Жилка приведет тебя к подземным погребам — занорышам.

А что значит «следи»? В переводе на понятный рабочему человеку язык это означает недели и месяцы утомительного труда. Примитивными орудиями нужно разбивать и долбить крепчайшие горные породы, рыть шурфы, проходить штольни.

В случае удачи — награда велика. В занорыше можно встретить и горные хрустали, и тяжеловесные топазы, и василькового цвета сапфиры...

Законы происхождения таких пустот-занорышей еще и сейчас не вскрыты до конца, хотя общие основы их формирования намечены современной наукой.

Вот еще группы знаков. Их так и назвали «гиероглифы», чтобы подчеркнуть «головоломность» расшифровки их значений. Порой, действительно, проще расшифровать египетские надписи (иероглифы), чем докопаться

до сути происхождения бугорков, валиков, сетчатости, слагающих сложный рисунок на плитках некоторых горных пород.

Иногда расшифровка гиероглифов до смешного проста. Оказалось, что некоторые из них возникли в результате ползания червей, проедающих себе путь в породе. Сами черви давным-давно исчезли с лица земли. Но след их деятельности держится вот уже десятки и сотни миллионов лет!

Кажущиеся простота и обыденность некоторых знаков привели к их уничтожению. Всем известна печальная история разорения (в прошлом столетии) ценнейших памятников старины. А уничтожили их ученые-археологи. В погоне за золотыми, бронзовыми, медными вещами они выбрасывали, как ненужное, кусочки угля, полусгнившее сено... В те времена не знали, что в этом «ненужном» сосредоточены атомные документы эпохи захоронений. В этих документах с удивительным постоянством распадается изотоп углерода (С-14). По оставшимся количествам изотопа в наши дни легко определяют абсолютный возраст захоронений.

Чтение таинственных знаков составляет увлекательнейшую часть следопытской науки о камне. В этой книге я стремился сосредоточить внимание читателя на рассказах о многом, еще пока не познанном. Вот почему мне порой приходится переходить на язык научной фантастики. Гипотезы и догадки подсказывали разнообразные люди, встречавшиеся на жизненном пути.

Об одном из таких знаков повествует краевед Григорий Вячеславович Гапенко. Он рассказал о своих невероятных приключениях — встречах с царями ледяных полей далекого прошлого — тараканотермитами. Гапенко, преодолев барьер времени, отправился путешествовать в неведомый мир палеозойской эры. Преодолев «расстояние» в четверть миллиарда лет, он стал очевидцем возникновения некоторых знаков на скалах. Гапенко практически познал бессмертие. Может быть, и сейчас он экскурсирует в прошлом или в будущем. Он расшифровал знаки бессмертия!

Рассказы Гапенко я дополнил записями спора студентов-геологов Лили Р., Вадима Х., Егора И., Сони Ш., Любы М. Они ведут дискуссию о встреченных ими знаках на скалах и сейчас после окончания университета.

Однажды мне пришлось провести часть своего зимнего отпуска в доме отдыха на Среднем Урале. Зимой, как известно, главное развлечение — лыжи, а после прогулки — бесконечные разговоры в теплой комнате.

Моим соседом по палате был Павел Сахаров, почти юноша. Большую часть времени он сидел один и молчал, что-то писал или просматривал записи в толстых тетрадях.

Разговорился он только в последние дни. Рассказ его, порой бессвязный, порой удивительно стройный и логичный, был настолько интересным, что я решил записать все услышанное.

Так как все эти истории не закончены, я изменил места действия героев рассказов, дал им другие имена и фамилии. Люди этих повестей живут среди нас. Нехорошо, если их дела и поступки будут обсуждаться сейчас, пока они еще не разобрались во всех поднятых ими проблемах. Не исключена возможность, что они сами найдут ответ не только на вопрос о личных и общественных взаимоотношениях, но и осветят наконец все возможные варианты истолкования таинственных знаков, обнаруженных на камнях далеких геологических эпох.

Знаки на камнях бывают и фальшивые. Мне встречались такие. Рассказом о девонском рыбокрыле я хочу предостеречь читателя от подобных «хитростей».

Конечно, я не ставлю своей задачей однозначного решения той или иной из затронутых в книге проблем, возникающих в связи с расшифровкой таинственных знаков. Моя задача проще. Думается, что, если кто-либо из читателей пойдет по следопытской тропе, и пусть по-своему, но внесет свой вклад в решение очередной загадки природы, я буду считать свою задачу выполненной.

Таинственные знаки могут быть и невидимыми. Вернее, сразу неразличимыми. Такие знаки оставляют на камне невидимые излучения, проникающие через горные породы. Подобных излучений много. Они по-разному воздействуют на минералы.

Два столетия назад уральский ученый Карамышев демонстрировал свое изобретение, сущность которого сводится к просвечиванию любых горных пород. В его опыте становился прозрачным обычный известняк. По своей сущности известняк превратился в исландский

шпат — ценнейший для оптической промышленности минерал.

Но изобретение оказалось утерянным. Как? На этот счет можно строить только догадки. Они и высказаны в очерке в плане научной фантастики.

В наши дни (точнее, перед Великой Отечественной войной) изобретение Карамышева дублировал инженер Брудов. Но инженер погиб на войне. Осталось только несколько листков его записей о возможностях применения этого изобретения в геологии.

Можно утверждать, что вся геология развивалась бы иными путями, если бы нам на вооружение поступил метод Карамышева — Брудова. Стали бы легко осуществимыми поиски и разведка любых полезных ископаемых.

В книге рассматриваются и другие пути проникновения в недра. Один из них, весьма многообещающий — учет взаимосвязей между каменным царством и миром живых существ. Связь между ними несомненная. Она подтверждена десятками эффектных примеров. Но не все еще нам известно. На путь выявления дальнейших подобных взаимосвязей и нацеливает повесть «Мертвая голова».

Главное, что мне хочется сказать любознательному читателю: смотри! Вдумывайся во взаимосвязь явлений. И тогда раскроются удивительные факты.

Заблудившиеся
в эпохах

Вот уже много лет подряд я каждый год, в одно и то же время, приезжаю в Сочи. В определенные часы дня прихожу на одно и то же место. Мне все кажется, что я услышу снова этот голос, узнаю наконец продолжение истории о путешествии, которое еще никогда никому не удавалось повторить.

Под ласковый шепот набегающей на пляж волны я вновь и вновь вспоминаю невероятные переживания человека, попавшего из нашего времени в другую эпоху.

Но лучше будет, если я начну рассказ обо всем этом по порядку.

ОТКУДА, КУДА? Под всплески волн на жарком солнцепеке сочинского пляжа не хочется думать. Весь организм расслаблен. Тело и мозг отдыхают. Только иногда такой отдых нарушают соседи. Они либо включают транзисторный приемник, либо заводят бесконечный разговор о чем-нибудь, явно не имеющем отношения к отдыху.

Вот и в тот день все было как обычно. Сначала не хотелось ни о чем думать. А потом, как-то невольно, я стал прислушиваться к отрывочным фразам, доносившимся от соседей по пляжу.

— Куда летом исчезают пингвины?

— Ну, знаете ли, ответить просто. Привяжите им к хвосту передатчик на транзисторах. Ответ получите сразу.

Мои мысли подключились к антарктической волне. На солнцепеке приятно думать о холодных странах.

— Привязывали.

— Ну?

— Не получается.

— В самом деле, куда они исчезают? Так ли важно все это знать?

— А вы не задумывались над таким вопросом: почему иногда появляется вдруг много саранчи?

— Это уже решено наукой. Стадный инстинкт в момент спаривания. И все.

— Но почему только в определенные годы, кратно одиннадцатилетнему циклу, их одолевает этот инстинкт?

— Солнце, наверное, влияет.

— Куда же эти стада саранчи потом исчезают?

— Гибнет много. Их даже едят. Китайцы сначала вымачивают саранчу в солевом растворе, потом жарят.

Вкусно. Мне приходилось есть однажды такое блюдо. «Джем-джа» называется.

— Ну, много ли саранчи можно съесть! А ведь она появляется в таких количествах, что солнца не видно.

Я приподнялся. Осмотрелся. На соседних топчанах лежали двое. Один — тот, кто задавал «каверзные» вопросы, был широкоплечий, внушительного вида, который придавала ему рыжая окладистая борода. Его собеседник, тоже рослый, но худощавый, ничем не отличался от сотен других посетителей «дикого» пляжа.

— Что вы там все один да один? Присоединяйтесь к нам, — приветливо обратился ко мне первый. — Познакомимся. Поговорим. Я краевед — Гапенко Григорий Вячеславович, а это мой старый друг—биолог Шургин Борис Петрович.

Подтянув к ним свой топчан, я назвал себя и сразу подключился к беседе.

Вот так, буднично и просто, началось знакомство с человеком, заставившим меня пересмотреть многие из моих привычных воззрений.

Узнав, что я геолог, да еще уралец, Гапенко забросал меня десятками вопросов о прошлом Уральских гор. При этом у него выявились недюжинные познания, особенно в области палеогеографии Урала. Слушая своего собеседника, я не раз ловил себя на том, что знания Григория Вячеславовича зиждутся не на книжных истинах. Это было нечто более глубокое, как будто Гапенко видел то, о чем рассказывал. И, хотя многие его мысли находились в резком противоречии с официальными научными мнениями, я невольно соглашался с ним.

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОЕ. —Обращали ли вы внимание на странный рисунок на надкрыльях саранчи? Всмотритесь при случае. Вы увидите узор из пятен преимущественно квадратной формы, расположенных между скелетными трубчатыми образованиями — жилками, создающими опору крыла, — так начал рассказ о своих удивительных путешествиях Григорий Вячеславович Гапенко. Речь его была негладкой. Он часто сам себя перебивал. Обращался к нам с вопросами, но не ждал на них ответа.

— Так вот, существует давнее поверье, что саранча несет на себе ответ на сокровенные загадки жизни. Тот,

кому удастся расшифровать знаки на ее надкрыльях, откроет вход в таинственное царство, получит власть над миром, станет обладателем несметных сокровищ и получит бессмертие.

Я не скептик. Знаю, что под вуалью легенд часто скрыта народная мудрость. Вдумаешься в легенду — и увидишь в ней глубочайший смысл.

Сколько бессонных ночей ушло на разгадку! Днем работа, а ночью опять и опять я всматривался в рисунок. Я мог, закрыв глаза, начертить этот причудливый узор. Порой мне казалось, что я уже нашел что-то. Но потом оказывалось, что я выдавал желаемое за действительное.

Понемногу стало кое-что проясняться. Ведь в расшифровке любой загадки надо прежде всего проникнуть в психологию ее составителя. Психологию! Вы понимаете — «психологию» насекомого!

Нам, потомкам теплокровных млекопитающих, чужда даже основа такой «психологии». И только Анри Фабру первому удалось расшифровать язык пчел. Ему удалось проникнуть в смысл языка танца — языка, основанного на ритме!

Вот эти рассуждения и явились главными предпосылками поисков закономерностей, поисков ключа к шифру.

Не буду вдаваться в детали. Поиски привели меня к расшифровке формулы того, что я назвал «законом движения во времени». Вам не понятно? Это — просто. Обычно мы все движемся во времени только в одну сторону. Движемся равномерно в будущее, считая при этом, что такая скорость и такой темп движения длились миллиарды лет. Мы свыклись с мыслью, что все это сохранится вечно.

Не кажется ли вам, что это нелогично? Мне кажется более обоснованным представление о переменном характере передвижения во времени. Такая предпосылка позволяет искать способы путешествий во времени. Она дает возможность подойти к поискам свершений экскурсий в прошлое и в будущее. Нет, не смейтесь! Это не перепев уэллсовской машины времени. Это поиски новых закономерностей!

Так вот мне удалось разгадать этот шифр! Удалось расшифровать формулу передвижений во времени! Вот

смотрите. Я сейчас начерчу вам магнитный ключ к шифру, и вы сами сумеете вывести этот закон.

Хотя, нет! Рано открывать секрет. После того как я совершу свое второе путешествие, обещаю вам — все раскрыть. Да, да, *второе!* Не удивляйтесь. Я уже совершил этот прыжок в неизвестное!

Я пока не буду вам раскрывать детали. Они помогли бы любому проникнуть в этот секрет. Расскажу лишь о последствиях практического освоения формулы.

Начало опыта поразило меня своей неожиданной цветовой гаммой. Это была невероятная по яркости, быстро пульсирующая смена красок. Небо то заливалось пурпурно-малиновым светом, то становилось изумрудно-зеленым или оранжево-желтым. Ярчайшие краски спектра сливались в полосы и дуги.

Словом, происходило то, что можно видеть, наблюдая сильнейшие полярные сияния. Только удесятерите все эти цветовые эффекты.

Временами буйство красок прекращалось. Снова голубизна неба давала некоторый покой зрению — и все начиналось сначала.

Я потерял счет пурпурным всплескам. Сколько времени длилось все это? Минуты или часы? Сказать трудно.

Потом неожиданно поблекли краски. Яркий солнечный свет открыл глазу голубизну неба. Но на этом фоне открылся странный, ранее никогда не виданный пейзаж!

ВСТРЕЧИ С ПРЕДКАМИ. Я оказался один в неведомой стране. Мои спутники-саранчуки умчались, подхваченные шквалистым ветром. Мне удалось задержаться. Как? Сам не знаю.

Вокруг меня расстилался оазис неведомой экзотической флоры. Это были гигантские древовидные папоротники, хвощи и странные хвойные. Даже школьнику известно, что такой комплекс растений был характерен для последних этапов палеозойской эры — для пермского и каменноугольного периодов, отстоящих от нас на 240—340 миллионов лет. Не может быть, чтобы меня занесло в такое глубокое прошлое!

Известно, что на земном шаре есть места, где сохранились различные реликтовые растения. Может быть, и я попал в такой оазис?

Вокруг оазиса расстилалась ледяная пустыня. Где же я нахожусь? В Гренландии? В Антарктиде? Но там нет подобных оазисов.

Значит, я действительно попал в прошлое? Недавно я просматривал критическую литературу о подобных фантастических путешествиях. Они «запрещены». В прошлом нам жить нельзя — как бы, не дай боже, не съесть своего пра-, пра-, пра-, прадедушку.

Один из фантастов додумался до особого преобразования путешественников. Каждый из них должен при таком вояже превратиться в своего предка. И один из подобных путешественников при возвращении, еще не успев восстановить современную психологию, что-то рычал по-обезьяньи в телефон своей невесте.

Но я остался таким же. На мне легкий костюм. Ведь вихрь подхватил меня из зоны Средней Азии. У меня нет с собой почти ничего. В кармане уцелели какой-то обрывок веревки, коробок спичек да перочинный нож.

Почти механически я вынул из кармана нож и обнажил его длинное лезвие.

Внезапно небо закрыла какая-то легкая тень. Ко мне подлетел обитатель этой экзотической страны. Это была гигантская стрекоза. Но боже, что это? Ее крылья размахнулись на два метра!

Весь облик этого существа не свидетельствовал о добродушии и хороших намерениях. Страшная маска на голове, раскрытые челюсти-жвалы... Гигантское вытянутое туловище...

Все эти мысли пронеслись в моей голове в одну долю секунды, ту самую, когда чудовище налетело на меня. Выпустив мне в лицо отвратительно пахнувшую клейкую жидкость, крылатый гигант хотел с ходу оторвать от моего лица кусок мяса. Смотрите — вот и шрам от укуса...

Не раздумывая, почти автоматически, я ударил чудовище ножом. Видимо, удар задел нервное сплетение. Мой враг упал. И я раздавил его голову ударом каблука.

Только тут я опомнился. Что я наделал? Я уничтожил великолепный экземпляр гигантского крылатого существа.

В любом музее мира такой экземпляр был бы лучшим из лучших украшений.

Музее! Попаду ли я когда-нибудь в музей? Ведь уничтоженное мной существо действительно относится к типичной фауне палеозоя. Я на самом деле не принадлежу больше к нашей эпохе!

Жуткая боль в ноге отвлекла меня от подобных мыслей. Отпрянув в сторону, я стряхнул с ноги новое насекомое. Я не сразу узнал его. Новый любитель человеческого мяса был одновременно похож и на таракана, и на термита. Впрочем, разглядывать было некогда. Я раздавил этого предка, как противную гадину.

Так протекли мои первые минуты в новом мире.

Нет! Здесь не погуляешь!

Первое, что надо сделать сейчас, — это вооружиться.

Выломав хорошую дубину, обработав ее ручку ножом, я стал чувствовать себя во много раз увереннее. Кто знает, с кем мне сейчас придется встретиться? Вряд ли найду в этом царстве друзей!

И вот я, человек разумный—Homo sapiens, вышел на охоту, вооруженный ножом и дубиной!

В ТАНЦЕ ЗЛОБЫ. В пределах оазиса мне встретились небольшие холмики. Один из них имел довольно крутые склоны. У его подошвы природа выполнила чудесную выемку в скале. Вот здесь можно наладить ночевку!

Натаскать мха и сухого валежника было делом несложным. Из крупных сухих стволов я заготовил на ночь нодью.

Только тот, кто в осенние или в зимние ночи вынужден был коротать время у костра, — только тот поймет гениальность этого изобретения северных охотников. Положенные друг на друга стволы деревьев горят всю ночь ровным тлеющим пламенем. Сухое, даже жаркое дыхание нодьи распространяется к скале, к стволу ели, к любой преграде и равномерно обогревает путника.

За всеми этими приготовлениями я забыл об окружающем меня мире. Изредка чувствовал настороженные взгляды, но, оглядываясь, не видел никого. Мнительность. И я снова продолжал работать, не обращая внимания на окружающее.

А смотреть было на что. Стройными рядами-каре окружили мое логово странные существа, похожие одновременно и на тараканов, и на термитов. С нашей точки

зрения, это были гиганты. Их размеры достигали 20—30 сантиметров. Во всю длину туловища располагались антенны. Обращал на себя внимание рот. Такими челюстями можно перегрызть что угодно.

Тараканотермиты выстроились вокруг нодьи, как на параде. По всему поведению насекомых было видно, что в любую минуту они могут ринуться в смертельную схватку с неведомым пришельцем.

Невольно промелькнула мысль: вот встретились представители двух миров. Что сейчас будет — смертельная схватка? А быть может, мы найдем какой-то повод или путь к сближению?

Словно угадав мои мысли, вперед вышел наиболее крупный сорокасантиметровый тараканотермит. Подняв кверху антенны, он, как парламентер, стал что-то активно сигнализировать, явно обращаясь ко мне. Его соплеменники время от времени поднимали кверху свои антенны, как бы выражая этим свое одобрение.

Но увы, люди не обучены языку насекомых. Конечно, речь парламентера передавалась в закодированном для нас виде, на языке ультракоротких волновых сигналов. Мы, люди, еще не освоили этот диапазон электромагнитных колебаний.

Видимо, с сожалением парламентер прервал свою передачу и перешел на более простой язык танца. Он дважды сделал по два круговых движения, остановился, перешел на новое место и выполнил четыре круга.

Что это — два плюс два равно четырем? Это он хотел сказать своим танцем?

Я помню, читал где-то проект первой передачи сигналов на Марс. Мощными прожекторами мы должны были передать сначала две световые точки, потом еще две, помолчать и передать четыре точки. Этим мы должны были показать марсианам, что мы — мыслящие существа. Чтобы не было сомнения, парламентер повторил свои па.

Тогда я вышел из-за своей преграды, встал рядом с тараканотермитом и по его следам повторил снова те же круговые па.

Все воины тараканотермитного войска пришли в движение. Каждый дважды поднимал кверху антенны, немного пережидал и вновь, но уже четыре раза поднимал их снова. Это была высшая степень изумления!

Недолго думая, я взял дубину и толстым ее концом прочертил на земле знаки тараканотермита.

По-видимому, я совершил, с их точки зрения, что-то неслыханное. Все насекомые подняли кверху антенны, рты их раскрылись, и они загудели. Угрожающими были их звуки.

Их гудение подхватил и я. Низкие басовые ноты моего пения разозлили тараканотермитов еще больше.

Смеркалось. Густые тени экзотических деревьев легли на наш переговорный плацдарм. Представители неведомой мне цивилизации вновь переменили сигнальную систему. По-видимому, они стали передавать информацию на инфракрасных лучах.

И все тараканотермиты, словно по команде, начали свой новый танец, пляску злобы.

Помню, на экскурсии по городам Мексики, в одном из рабочих поселков, затерянных в горах Сиерра-Мадре, показывали петушиный бой. Нет, не тех доморощенных петухов, которые дерутся в деревнях. Это была битва настоящих бойцов. Начиналась она с танца злобы. Перед боем петухи как-то странно кружились вокруг своей оси, при этом они не выпускали из поля зрения своего врага.

Танец злобы тараканотермитов в принципе ничем не отличался от танца злобы петушиных бойцов. Термиты совершали мелкие круги либо просто повороты вокруг своей оси, делая временами, и точно по команде, рывки в мою сторону.

Видя приближающееся ко мне со всех сторон войско, я резким рывком перепрыгнул нодью. Прижавшись спиной к стене, ощутил спокойствие. Тыл был обеспечен.

Не дожидаясь конца танца, я достал спички и поджег сухие сучья. Они вспыхнули как порох. Вначале огонь не остановил пришедшее в движение войско. Но все же слова команды, переданные на языке инфракрасного шифра, захлебнулись в ярком пламени разгоревшегося костра.

Растерявшиеся враги были в панике. Передовые отряды наступавших, попав в огонь, издавали сигналы боли, усиливая этим начавшуюся панику. Из темноты же шли яростные сигналы атаки. Они были не слышны человеческому уху, эти сигналы, но я отчетливо ощущал на себе их последствия.

Чтобы подавить мое сопротивление, наступающие вызвали поддержку крылатых существ. Действительно, как в бою. Авиация.

Крылатые существа, тоже термитотараканьего облика, были, по-видимому, из одного термитотараканника.

Подлетев к костру, летающие твари смело пикировали на огонь. Но их ждала та же участь, что и предыдущие группы нападающих.

Видя захлебнувшуюся атаку врагов, я решил перейти в контрнаступление. Сражаться так сражаться! Выхватив головешку, я ринулся на полчища уже деморализованных врагов.

Недаром во все времена, у всех поколений, нападение считается лучшим способом обороны. И здесь эта вековая мудрость оправдала себя. Разрозненные остатки войска тараканотермитов бежали с поля боя!

Всю ночь я поддерживал огонь в нодье. Вот где пригодился опыт ночевок у костра. Нодья тлела. Можно спокойно дремать. Сон нарушали лишь отдельные разведчики, которых время от времени посылало командование моих врагов. Но сигналы боли все время держали в страхе все войско, занявшее круговую оборону.

ПИТАТЕЛЬНАЯ БИОМАССА. Утром следующего дня я увидел, что оборона снята. Жестокое ночное побоище дорого стоило моим противникам, и они решили пока не трогать меня и заниматься своими делами. Надолго ли?

Дела эти были настолько интересными, что, позабыв о ночных ужасах, я временами даже рисковал выходить из своего логова.

Вокруг меня кипела жизнь. Тараканотермиты занимались обработкой своих плантаций. Они заботливо подрезали некоторые побеги на деревьях, отламывали кору, собирали и уносили куда-то плоды деревьев.

Был теплый день. В зоне ледового массива шло интенсивное таяние снега. Мимо моего убежища к полудню уже протекал не маленький ручеек, а бурная речка. Вода смыла верхний покров почвы и врезалась в массив льда. Оазис, оказывается, возник за счет принесенной, возможно, ветром земли, прикрывавшей участок ледяного поля.

Я смел в поток трупы тараканотермитов. Затем при-

тащил новые порции валежника и сухих сучьев. Экономя спички, все время поддерживал огонь.

Увидев, что насекомые особенно интенсивно обгладывали кору одного из деревьев, я решил утолить голод корой и плодами, следуя их примеру. И не ошибся. Природа создала на этом дереве такое лакомство, что даже гурьевская каша показалась бы мне недостаточно вкусной. Правда, я проголодался изрядно.

В дальнейшем я не смогу, пожалуй, обойтись без традиционного слова «вдруг». Но сначала о том, что этому «вдруг» предшествовало.

Тишина и безмолвие оазиса сменялись резкими звуками падения валежника, треском сучьев и приближающимся ко мне мощным топотом крупного животного.

И вот «вдруг» из-за соседних деревьев показалась невообразимо жуткая, страшная голова.

Слов недостаточно, чтоб описать эту кошмарную морду! Голова чудовища была величиной с ширококоническое ведро. Большие шипы на голове, похожие на закрученные бородавки, украшали эту химеру. В ней было что-то сходное с жабой. Возможно, что роговые отростки на щеках придавали животному это сходство.

Позднее по реконструкциям, сделанным на основании точных костных остатков, я определил, что лицезрел живого парейазавра, существо, жившее в пермском периоде.

Именно около четверти миллиарда лет тому назад жили эти гигантские трехметровые пресмыкающиеся, бродившие по болотам на своих приземистых, массивных полусогнутых ногах.

В момент же знакомства со зверем мне было не до палеонтологических изысканий. Как я вскочил на почти вертикальную скалу — потом сам себе не мог объяснить.

А чудовище, переступив тлеющую нодью, расположилось в моей берлоге, как у себя дома. Я детально рассматривал своего гостя. Особенно мощными у него были крупные ногти, которыми можно корчевать пни. Массивное туловище зверя было столь же безобразно и отвратительно, как и его морда.

Особенно меня поразили в облике парейазавра не его гигантские размеры, не безобразный лик, не бесцветные немигающие три глаза. Я увидел страдание, про-

черченное на всей его фигуре. Без преувеличения могу сказать: парейазавр плакал.

Внезапно я рассмотрел причину его страдания. Вся кожа у зверя была в гнойных свищах. А из отверстий высовывались антенны личинок тараканотермитов, спокойно взирающих на мир.

Насекомые, цари природы, превратили в своих рабов первых крупных наземных позвоночных! Они сделали их ходячими биофабриками, поставщиками биомассы для выкармливания своего потомства!

Такой прием заботы о молодняке многие насекомые сохранили и до наших дней. Самым безобидным является способ вскармливания молоди на парализованных гусеницах. А вот оводы на Севере продолжают откладывать яйца в кожу оленей. Еще нахальнее действует в Монголии одна из мух. Она впрыскивает яйца своей жертве в глаза!

Парейазавр плакал от боли, от бессилия при своей силе!

Подойдя к скале, несчастное животное стало царапать и грызть камни. Зверь делал лапами какие-то странные круговые движения.

Тут я вновь был потрясен до глубины души. Парейазавр выцарапывал на скале первые два знака, которые мне прочерчивал предводитель тараканотермитов! Знаки скреплялись перекладиной, создавая впечатление буквы «Ф». Значит, животное передавало внушенные ему знаки!

Долго, даже после ухода гостя, я сидел на скале. Нет, меня держал не страх. Я размышлял.

Два плюс два — это знак сообщества, знак коллектива. Отдельно взятый знак у них означал порабощение! Значит, они мне предлагали стать подчиненным! Я-то думал, что они демонстрируют могущество своего ума. Нет. Их взбесило то, что я повторил знак, присущий только им. Они меня решили за это уничтожить!

СОБЫТИЯ МАММОТА. А теперь подхожу к событиям последнего дня моего пребывания в прошлой, давно отшумевшей эпохе.

К полудню я настолько осмелел, что рискнул пройти в глубь оазиса по хорошо утоптанным тропинкам, проложенным тараканотермитами. К центру оазиса тропин-

ки становились все более и более широкими и благоустроенными.

Кругом не было ни души. Видно было, что к центру оазиса вход млекопитающим и рептилиям запрещен. Это было царство царей природы — насекомых.

И вот я у цели. Передо мной располагалось исполинское искусственное сооружение таинственной, никогда ранее никем не виданной и ни с чем не сравнимой архитектуры.

Чтобы построить такое сооружение, нужен был труд многих поколений рабов. Причудливые пилястры обрамляли вход в подземелье.

Вход был большим. Свободно в подземелье мог пройти даже парейазавр. Может быть, сюда в определенные даты заманивали живую биомассу для торжественного съедения.

Не размышляя, я хотел ринуться в подземелье. На какую-то секунду меня покинуло чувство осторожности. Но я вовремя одумался. Остановился. Стал взвешивать все «за» и «против» моего вторжения в царство, в «святая святых» врага.

Ведь тараканотермиты великолепно видят ночью. В этом я убедился по вчерашнему сражению. В подземелье я буду лишен своего главного преимущества — света, способности видеть. У меня не будет прикрыт тыл. Я не смогу владеть огнем. Так зачем же очертя голову лезть в пекло?

И, круто повернувшись, я быстро отошел от входа.

Что тут началось! Оказывается, за мной следили. Не спускали с меня глаз. То, что я не вошел в подземелье, их разозлило. И мои враги дали команду: «К бою!»

В одну секунду ожил весь оазис. Из-за всех укрытий, из каждой щели неожиданно выползли и ринулись на меня полчища тараканотермитов. Еще миг — и гибель была неминуема. Они просто задавили бы меня своей массой.

Положение усложнила и общая обстановка на небе. В одну секунду оно закрылось громадной тучей. Стало темно, как в глубоком погребе. Тараканотермиты получили еще одно преимущество.

Я уже чувствовал на своем теле жвалы грызущих меня тварей. Смерть. Конец. Все...

Но что это? Стало как-то странно тихо. В небе запы-

лали красные, зеленые, оранжевые сполохи. Я почувствовал знакомый, все убыстряющийся бег времени...

Мои друзья — саранчовые, возвращаясь, захватили меня в свою стаю.

Вот так, засмеялся наш рассказчик, я и спасся. Мне осталось дорассказать немногое.

Вы что-нибудь слышали о «событии Маммота» или о «событии Олдувея»? Нет? Странно. А об эпохах Брюнесса, Матуямы, Гаусса? Тоже ничего не знаете? Придется дать популярное толкование этих терминов, потому что именно с ними связано многое в моей гипотезе.

Мы живем во время, называемое «эпохой Брюнесса». Эта эпоха началась 850 тысяч лет тому назад. Для нее характерна нормальная полярность Земли.

Перед этим была эпоха Матуямы, длившаяся свыше 1,6 миллиона лет. Полярность нашей планеты была тогда обратной.

Еще ранее отмечается эпоха Гаусса. Ее длительность — 900 тысяч лет. В то время магнитность Земли была нормальной. Так во все времена и сменялись эпохи нормальной и обратной полярности. Еще не скоро, но на Земле снова наступит длительная эпоха обратной полярности.

Я не оговорился — длительная наступит не скоро. А вот кратковременная будет в ближайшее время.

Кратковременные смены полярности Земли называют «событиями». Им тоже дают имена в честь открывших их палеомагнитологов.

В эпоху Матуямы отмечается «событие Олдувея», а в эпоху Гаусса — «событие Маммота». Они были соответственно 1,9 и 3,6 миллиона лет назад. Для удобства и простоты я их называю «событиями Маммота».

Кратковременность «событий» не означает их незначительности. Именно быстрота смен режима полярности и новый возврат к старому обеспечивают встряску всей нашей планеты. Не мне вам рассказывать выявленную в последние годы зависимость развития разнообразных организмов от магнитной жизни Земли.

Мне кажется, что в основе путешествий во времени некоторых животных лежит стремление их подчинить свою жизнь оптимальному режиму магнитных полей. Вот саранча и выискивает способы поисков своего оптимума, путешествуя из эпохи в эпоху.

Вообще надо глубже изучить влияние магнитных полей на жизнь многих животных и растений.

Я не ошибусь, если выскажу предположение, что и мы с вами существуем благодаря «событию Олдувея», когда после очередной встряски обезьяны дали новую, прогрессивную ветвь.

Если бы мы с вами сейчас были в моем музее, я показал бы вам составленные мной графики зависимости развития жизни от крупных событий в магнитной жизни всей нашей солнечной системы.

Но не на это я хочу направить ваши мысли. Дело в том, что каждая такая кратковременная магнитная встряска сопровождалась бурными сполохами. Считая сполохи во время своего путешествия, я мог подтвердить, что разыгравшиеся события, которых я был свидетель, происходили около четверти миллиарда лет назад!

ЗА ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ. Подавленные грандиозностью услышанного, мы увлеченно, но молча реагировали на этот рассказ.

Первым опомнился биолог Борис Петрович Шургин. Немного заикаясь от волнения, он начал так:

— Дорогой Григорий Вячеславович, поймите меня, пожалуйста, правильно, я не хочу вас оскорблять своим недоверием. Но я — это я. А вот что подумают другие?

— Другие потребуют от меня вещественных доказательств, так вы хотите сказать?

— Да, именно так, потребуют вещественных доказательств.

— Их нет.

— Как, ничего нет?

— Да, ничего нет.

— Но без доказательств все ваши рассказы, будь они еще во сто раз интереснее, значат не больше научной фантастики.

— Вы правы, дорогой Борис Петрович, вы правы.

— И..?

— И я решил повторить путешествие. Вы поймите, ни одна из организаций не берется не только субсидировать это предприятие, но и поставить свой гриф. А это означает, что, куда я ни обращаюсь, я всюду встречаю вежливый отказ, а за спиной — смешки.

Возьмите, например, такую существенную деталь, как оружие. Не с дубиной же снова ехать. А как я приду просить разрешение на оружие? Как я буду мотивировать необходимость оружия для меня? Просить автомат для борьбы с тараканами? Знаете, как смотрят на меня после таких разговоров?

И вы тоже, Борис Петрович, поймите меня правильно. Я не хочу быть посмешищем. Вот я и готовлюсь ко второму путешествию на свой страх и риск.

Да и надо мне не так много. Мощный фонарь, импульсную вспышку, фотоаппарат, охотничье ружье да еще кое-какую мелочь. Все это у меня есть.

Главное, мне надо собраться с мыслями. Четко уяснить себе все вопросы, которые я хочу разрешить и уточнить. Мне надо ясно представить, как я потащу в наш мир документы древности.

Или вот: почему в зоне льдов растут тропические деревья? Вы понимаете, как такая несуразица комментируется сейчас палеогеографами. Они просто не признают оледенения. Говорят—какие тут могут быть льды, если факты (окаменелости) подтверждают другое. Правда, мне известно, что сейчас нечто подобное встретили в Антарктиде. Обнаружили, что почва там прогревается до 30°. Но ведь нужно собрать точные данные наблюдений.

Ну, и, конечно, надо набраться сил перед путешествием. Скоро я буду в форме. Ждите меня на следующий год на этом же участке пляжа...

Надо ли рассказывать, с каким нетерпением мы с Борисом Петровичем несли свою вахту на пляже.

Прошло уже несколько лет. Путешественник во времени краевед Гапенко Григорий Вячеславович так и не пришел на свидание.

Мы наводили справки в краеведческом музее того города, в котором работал Григорий Вячеславович. Нам ответили:

— Да, был такой чудак. Однажды он не явился на работу. Видимо, куда-то уехал, ничего никому не сообщив. Через некоторое время на его место приняли молодого сотрудника.

Квартирная хозяйка в доме, где жил краевед, сообщила, что она давно сдала комнату другим постояльцам,

а вещи гражданина Гапенко спрятала в кладовую. Нет. Вещи она никому не покажет.

Дома у меня сейчас не квартира, а филиал естественно-исторического музея. Мое хобби теперь — саранча. Собрать полную коллекцию всех саранчовых мне вряд ли удастся. Количество видов этой нечисти перевалило за две тысячи! Моей сокровенной мечтой стали хротогоны туранские, конофимы вредные, акриды пустынные, тонкошпоры стройные...

Какой вид выбрал Григорий Вячеславович? Пожалуй, самое странное сочетание пятнышек и темных крапинок на крыльях я встретил у некоторых видов песчанки. Заинтересовавший меня вид называют Hyalorrhipis clausi. Песчанка этого вида распространена и в Предкавказье, и в Поволжье, и во всей равнинной Средней Азии.

Временами мне кажется, что я постиг смысл и шифр изображенных на ней знаков. Но каждый раз проверка убеждает меня в ошибочности исходных данных для расшифровки. Я помню, Григорий Вячеславович говорил, что надо понять «психологию» насекомых. А вот это пока мне не удается.

Я знаю — расшифровка знаков приблизит нас к пониманию того, что можно назвать бессмертием. Мы сможем, путешествуя по геологическим эпохам, считать свою жизнь миллионами лет!

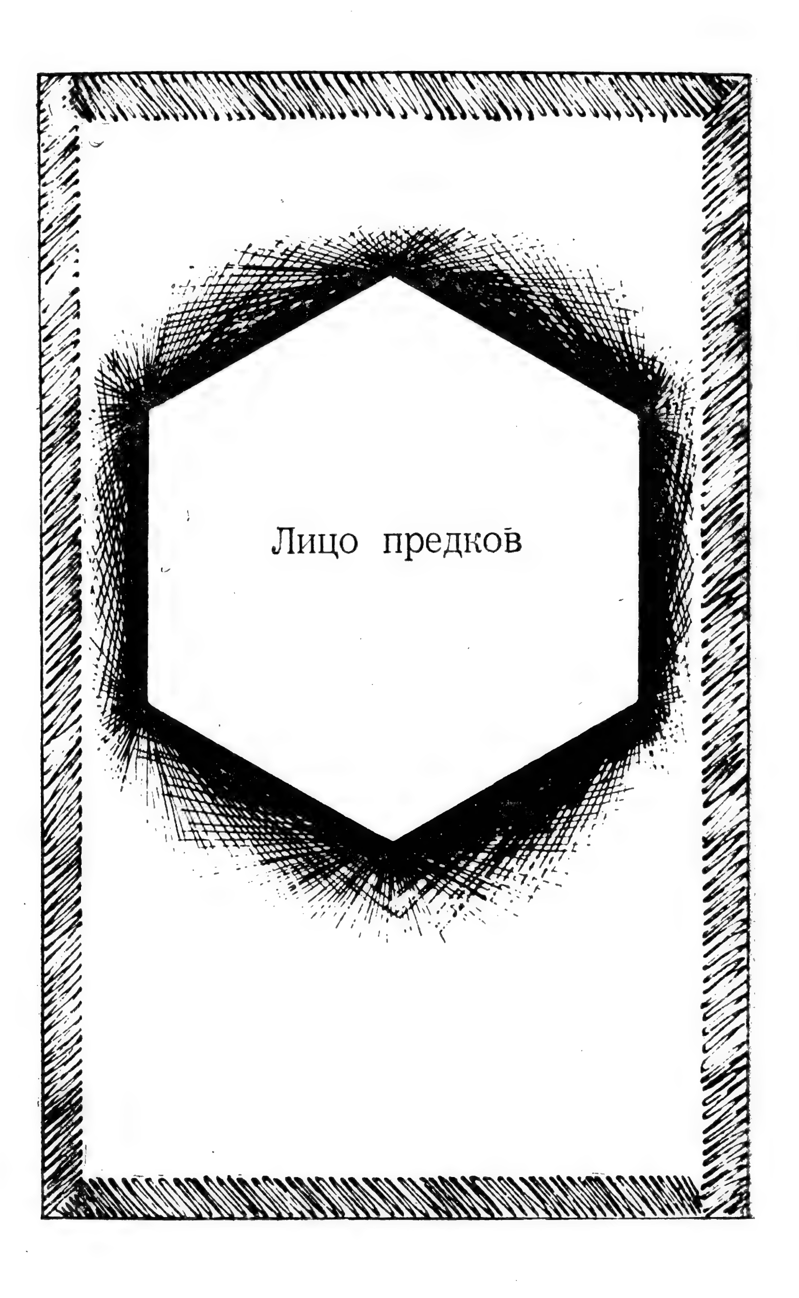
Мы увидим далекое прошлое, постигнем будущее. Это ли не бессмертие?

Вот и все.

Бьются волны о берег сочинского пляжа. А я каждый год под их рокот вспоминаю удивительный рассказ человека, видевшего зарю нашей эпохи.

Где сейчас краевед? Может быть, он заблудился во времени и проскочил в другую эпоху? Не растерзали ль его коварные тараканотермиты? А не выдумал ли он свой рассказ, чтобы посмеяться над нами?

Нет! Так убежденно не говорят неправды! Я верю всему рассказанному. Но, конечно, как и любому другому, мне хотелось бы видеть вещественные доказательства...

Лицо предков

Студенческое общежитие волновалось. В первый же день приезда на летнюю академическую практику первокурсники встретились с необычным и необъяснимым явлением.

Группа студентов-геологов, не дожидаясь начала экскурсий, отправилась в окрестности общежития на разведку.

Было это много лет назад в Саблино, под Ленинградом. Живописные обрывы рек Тосно и Саблинки словно специально созданы для учебы.

Чему только здесь не учат. Студенты бегают с сачками, вылавливая, а потом определяя бабочек и мошек. Они ловят зазевавшуюся ихтиофауну в прудах и водоемах и могут потом часами сидеть, рассматривая добычу под микроскопом и восхищаясь разнообразными гидрами и туфельками. А с какой важностью они носят теодолит, мензулу, нивелир! За ними не угнаться заправским топографам.

Вдохновенно и с упоением студенты роют ямы и обучаются искусству «взятия» почвенных монолитов. А рядом лихо колотят молотком по скалам, выбивая из них искры прошлого...

Первый же скальный обрыв реки, расположенный недалеко от базы практики, привел следопытов в смущение. После удара молотком на скале обнажились два знака. Один был похож на крест, другой напоминал цифру «88».

Около знаков разгорелась дискуссия.

— Пойдем за преподавателем. Пусть он объяснит, — говорили наиболее рассудительные.

— А ты потом поедешь в экспедицию, встретишь там что-нибудь непонятное и тоже няньку запросишь? — высказывались энтузиасты.

— Нечистая сила. Это ее магические знаки, — подзуживали остряки.

Спор продолжался и в общежитии. Решили объявить конкурс на лучшее объяснение причин возникновения знаков. По выработанным условиям разрешалось каждый вечер говорить кому-нибудь одному, благо практика долгая. Тут же выбрали распорядителей и жюри конкурса.

Конспекты своих выступлений в этом импровизированном клубе студенты, уезжая с практики, оставили в

общежитии. Там их подобрал руководитель практики. Зная, что я собираю материалы о необъяснимых знаках, недавно он переслал конспекты мне. Конечно, я кое-что подправил в этих рассказах, но основные мысли студентов сохранил.

МАГИЧЕСКИЕ ЗНАКИ. — Знак креста и две восьмерки здесь неспроста, — убежденно начала Лиля Р.

— Было это или не было, только аллах может подтвердить истину, — продолжала Лиля, а потом, сбившись с высокого стиля, заговорила скороговоркой: — Девочки-мальчики, я лучше по-своему, ладно?

— Говори по-своему, — милостиво разрешили члены жюри.

— Я читала в газетах, что за границей есть колдуны и колдуньи и у них есть свои знаки.

— Так то за границей, а здесь Саблино, — загудела галерка.

— И что это за знаки? — спросил председатель.

— Крест, говорят, поставленный вверх ногами, еще череп козла и голова змеи. И ставят эти знаки на видных местах. — А сюда как эти знаки попали?

— Ну, может, их давно выбили на этих скалах. Это ведь присказка. Я сама видела магические знаки на скалах. Меня дядя-археолог брал с собой в Карелию.

— Это уже лучше.

— Не перебивайте ее.

— Рассказывай, рассказывай.

— Глава рода людей-охотников отправил сюда на разведку несколько тысячелетий назад небольшой отряд. Здесь разведчики встретили непуганую дичь, рыбу и, чтобы никто не пользовался всем этим, оставили на скале колдовской знак, отпугивающий конкурентов.

С охотниками был злой колдун. Он все время пытался утвердить свое превосходство. Чтобы навредить своему сопернику, предводителю отряда, он тайно вернулся к скале и добавил к знаку изобилия — двум восьмеркам — свой символ: знак перевернутого креста.

ОДЕТЫ КАМНЕМ. — Я человек трезвых правил, — заявил очередной докладчик Вадим Х., — поэтому огорошу фантастов, — он посмотрел вызывающе в сторону Лили Р., — и дам настоящую быль. Сознаюсь, ходил я

за этой былью к нашему заведующему практикой — Юрию Николаевичу.

— Запрещенный прием! — загудела аудитория.

— Лишить его слова!

— Постойте, смените гнев на милость.

Послушайте сначала, как меня огорошил сам Юрий Николаевич.

— Он, что, тебе лекцию прочел?

— Не торопитесь, мол, все в свое время...

— Нет, девочки-мальчики, он мне две фотографии дал. Покажите, говорит, Вадим, их своим однокурсникам, послушайте, что они скажут.

И Вадим отправил в гущу собравшихся две фотокарточки. Сам он остался у стола с вызывающим и победоносным видом. Реакция собравшихся была единодушной:

— Зачем это все нам? Ты лучше скажи о знаках.

— Ну, ассириец какой-то.

— А может быть, два рыцаря.

— Так вот, — продолжал Вадим, — на одной фотографии действительно изображен мексиканский воин, найденный в пирамиде. А на второй — трилобит — членистоногое существо начала палеозойской эры, как вам известно, начавшейся пятьсот семьдесят миллионов лет назад. И трилобит оставил знаки на скалах!

— Ну, уж и выдал по всем правилам трезвости.

— Скажешь еще, и зубило с молотком трилобит тот оставил?

— Постойте, девочки-мальчики, дайте досказать. Вспомните, чему вас учили. Трилобиты в плане имели овальное очертание. В этой скале есть много окаменелых трилобитов. Ну, как лучше сказать? — В этой скале они одеты камнем. Юрий Николаевич говорит, что мы сами будем добывать трилобитов из скалы и препарировать их. Так вот, две восьмерки — это срез четырех трилобитов. Вот и получилось подобие цифры «88».

— А крест? Его тоже трилобит оставил?

— Да нет. Крест — это просто след двух перекрещивающихся трещин, залеченных кальцитом. И никакой тут нечистой силы нет. Все просто.

САГА О ПРИШЕЛЬЦАХ. В третий вечер слово получил редактор курсовой стенгазеты Егор И. Он вышел к сто-

лу с подготовленным текстом выступления и сразу признался:

— Я кое-что выписал из книг. Немного сам вставил своего текста. Получился рассказ или новелла. Я назвал то, что получилось, сагой. Слушайте.

«Крик, страшный беззвучный крик, разнесшийся над безмолвной прежде акваторией, был необычен. В нем звучал сигнал опасности, вопль о спасении. Все, все, все предупреждались этим криком, что наступают невиданные, неотвратимые, ужасные враги.

— Спасайся, спасайся, спасайся! — разносилось над илистым дном.

И все, кто слышал этот сигнал, зарывались в ил, залезали в глубокие норы или просто удирали без оглядки.

Паника не была напрасной. За миллиарды лет существования Земли ничего подобного никто никогда не видел.

Полчища пришельцев — бронированных чудовищ — неотвратимо захватывали метр за метром жизненное пространство. Ничто живое не могло им противостоять!

Пути расселения этих чудовищ никому точно не известны. Поэтому для каждого района они были, действительно, пришельцами.

Вот группа приземистых страшилищ, одетых в тяжелые доспехи, подняв кверху антенны, выползла на пологий бугор. Вот их уже можно рассмотреть в мерцающем свете придонной части моря. В этом призрачном свете они казались гигантами. На коротких многократно сочлененных ногах сидело прочное туловище, защищенное гибким панцирем. Тело чудовища казалось трижды надломленным, отчленяя этим голову, туловище и хвост. Это были трилобиты — трехчленные твари. Против них не было ни у кого оружия. Голова и хвост трилобитов были одеты плотным, непробиваемым панцирем из ороговевшего кожного слоя, пропитанного для прочности солями фосфорнокислого кальция. Средняя часть тела была гибкой. Панцирь был так ловко расчленен на части, наползавшие друг на друга, что трилобит мог изгибаться и перед броском свертываться в комок.

Гордостью «пришельцев» были глаза, сидевшие на роговом панцире головы. Они были выпуклыми и состояли из тысячи маленьких фасеточек. С их помощью трилобит видел всю полусферу.

Вдруг в поле зрения одного из трилобитов попала какая-то тень. Мгновенно последовала реакция. Упруго сжалось его тело. Мощный удар хвостом о воду. Резкий бросок — и в лапах «пришельца» забилась, извиваясь, очередная жертва...

До их прихода мир был населен в течение многих сотен миллионов лет мирными существами. Черви, медузы, водоросли, строматолиты, бактерии без особых раздоров находили себе пропитание в водах мирового океана. Природа делала еще робкие шаги, приспосабливая живые организмы к сложным условиям существования».

А сейчас я передаю эстафету выступления Соне и Любе. Они подготовили свою сказочку о трилобитах.

— Девочки-мальчики, — начали Соня Ш. и Люба М. хором, — мы припасли научно-фантастические рассказы. Герои рассказов — трилобиты.

Собравшиеся дружно запротестовали.

— Вы не сестры Федоровы, и петь хором вам не положено.

— Давайте по очереди.

— Сначала одна, потом другая.

Жюри тут же вынесло решение:

— Пусть начнет Люба.

— Девочки-мальчики, — подчинилась Люба, — конечно, лучше бы нам выступать вместе. Мы придумали возможную тему дискуссии трилобитов. Конечно, они были тварями безгласными, но мы полагаем, что свои мысли они могли выражать в танце.

— Ха, ха! — реагировали многие.

— Вот заливает! — вторили им другие.

— Нет, правда, пчелы ведь танцуют. Вспомните зоологию. Там мы учили про открытие Фриша. Он даже искусственную пчелу подсаживал в улей. Заставлял ее неправильные азимуты показывать. Ее пчелы убить хотели за лживые показания.

— Смотри, и ты не очень сильно выдумывай.

— Убьем тебя за ложную информацию.

— Так то же пчелы!

— А чем трилобиты хуже? У них были и органы ориентации, и антенны.

Люба попыталась изобразить возможный танец трилобита. Поняв, что у нее не было той плавности движе-

ний, которая могла бы быть свойственна трилобиту, она перешла на обычный человеческий язык.

«Вот издали показалось облако мутного ила. Оно приближалось к месту отдыха трилобитов. Сначала отдыхающие заволновались, но быстро успокоились — это возвращались их разведчики.

Главный разведчик описывал круг за кругом. Это означало: найдены новые поля пищи. За минуту он сделал чуть больше одного пробега от главной массы отдыхавших трилобитов до своего отряда. Это означало: надо пройти до нового поля жизни около десяти километров. Все понимали: чем больше пробегов было бы сделано, тем дальше новое поле. Трилобиты следили за тем, куда направлено туловище разведчика: ведь это указывало нужный курс.

Когда все уяснили, куда им придется двигаться, стали дожидаться команды.

В это время среди молоди шел обмен мнениями по главнейшим вопросам бытия. То один, то другой экземпляр выскакивал перед собравшимися и исполнял замысловатые па.

В переводе на понятную нам речь эти танцы означали:

— Слушайте, трилобиты! Недавно один «умник» говорил, что наше мощное племя произошло от каких-то червей. Я тут же задавил распространителя ереси.

— Ха, ха! Разве у червей есть такие глаза, как у нас?

— У них нет способности ни к обонянию, ни к осязанию!

— Еще скажете, что они имеют гидрогиротроны!

И все, кто был тут, стали исполнять танец хохота и насмешки.

— Конечно, это не так! — раздался чей-то мощный всплеск.

— Послушайте, что расскажу вам я.

Оробевшая молодежь зашептала:

— Это старейшина рода...

— Смотрите, у него антенны с тридцатью члениками...

— Он должен знать все... Слушайте... Смотрите...

Плавно покачиваясь по взмученной воде, старый трилобит исполнял замысловатый танец. В нем рассказы-

валась удивительная легенда о «пришельцах», покоривших всех обитателей Земли, в том числе и червей.

Первый «пришелец» был вождем из вождей — главный трилобит планеты, носитель мудрости мира. Он был огромного роста. Вид его наводил ужас на все живое. В его антеннах насчитывалось свыше 200 члеников! Он знал все.

«Пришелец» был не один. Его гарем превосходил все доступное воображению. Слуги окружали его, отгораживая плотной стеной от окружающего мира.

Звали его Белгин — великий. Местность, где он жил, так и называется — Белт.

Белтин разделил всю землю на две части. Одни трилобиты пошли покорять восток, другие — запад. Он установил основные законы жизни, определил ее идеалы и цель.

И вдруг, к ужасу окружающих, вперед вырвался маленький трилобитик и, оттеснив владыку рода, закружился в лихом танце.

— Идеалы! Цель жизни!— кричал своим танцем трилобитик.— Все пустое. Мне в жизни доставляет удовольствие зарываться в ил, есть вкусные водоросли, лакомиться червями, любить свою подругу и выращивать своих детей. Мне наплевать на ваши разговоры о цели жизни и возвышенных идеалах! Я живу только для себя!

Что тут началось! Перебивая друг друга, вылезали из ила большие и малые трилобиты.

— Мещанин! — вытанцовывали одни.

— Животное! — возмущались другие.

— У трилобита должна быть цель в жизни...

— Он должен существовать во имя чего-то высокого...

Но трилобитик не сдавался. Он вновь и вновь вырывался вверх и, захлебываясь, кричал:

— Для чего существуете все вы? Только для самопрокорма! Что сделали для всей планеты наши предки? Чего мы добьемся своим существованием? Для чего на Земле трилобичество»?

Дальше без предисловий продолжала Соня.

«В другой части планеты, может быть, несколько поколений спустя, появился новый пророк. Его хищный облик не нравился никому, но все его боялись, зная, что он всегда может отомстить. Звали этого пророка Гарпидус.

Все, кто его знал, считали его образованным живот-

ным. Он точно формулировал свои мысли, облекая их в изящную форму танца. Гарпидус славился тем, что сумел вычислить количество питательного ила в своей вотчине. Рассчитав полученные запасы пищи на все трилобичество, он уверенно заявил:

— Трилобиты, я всю жизнь был занят подсчетами. Теперь я все знаю и вам открою тайну бытия.

Из всех илистых зон высунулись мордочки илоядов.

— Конечно, интересно, что скажет ученый-трилобит.

И Гарпидус вещал:

— Трилобиты размножаются необычайно быстро. Придет время, и нам не хватит пищи. Я предлагаю — не сопротивляться нашим врагам. Пусть они уничтожат лишние рты. Оставшимся будет больше пищи...

Все трилобиты обрушили свой гнев на еретика. Каждый выскакивал из тины, крича:

— Так, что ж, пусть едят меня раки?

— Сам сначала умри!

— Умного трилобита не назовут Гарпидусом!

Наиболее решительные трилобиты предлагали сопротивляться. Много было высказано, с их точки зрения, разумных предложений.

— Будем наращивать и утолщать свои панцири.

— Усилим утреннюю гимнастику. Улучшим свертываемость организма, чтобы быстрее погружаться в ил.

— Вырвем себе глаза. Не будем вылезать из ила. Ослепнем, как агностусы (разновидность трилобитов, действительно лишенных глаз).

— Поведем решительную борьбу с гарпидузианцами!

Тысячи рассказов не получилось. Выступлениями Сони и Любы завершились официальные собрания. Следопыты-геологи, разбившись на группы, стали вести локальные беседы. В споры включились почти все преподаватели. Забылся начальный эпизод со знаками креста и двух восьмерок. Предметом обсуждения явились философские проблемы.

Для чего существовали трилобиты?

Каков итог их стомиллионнолетнего владычества?

Можно ли говорить о цивилизации трилобитов?

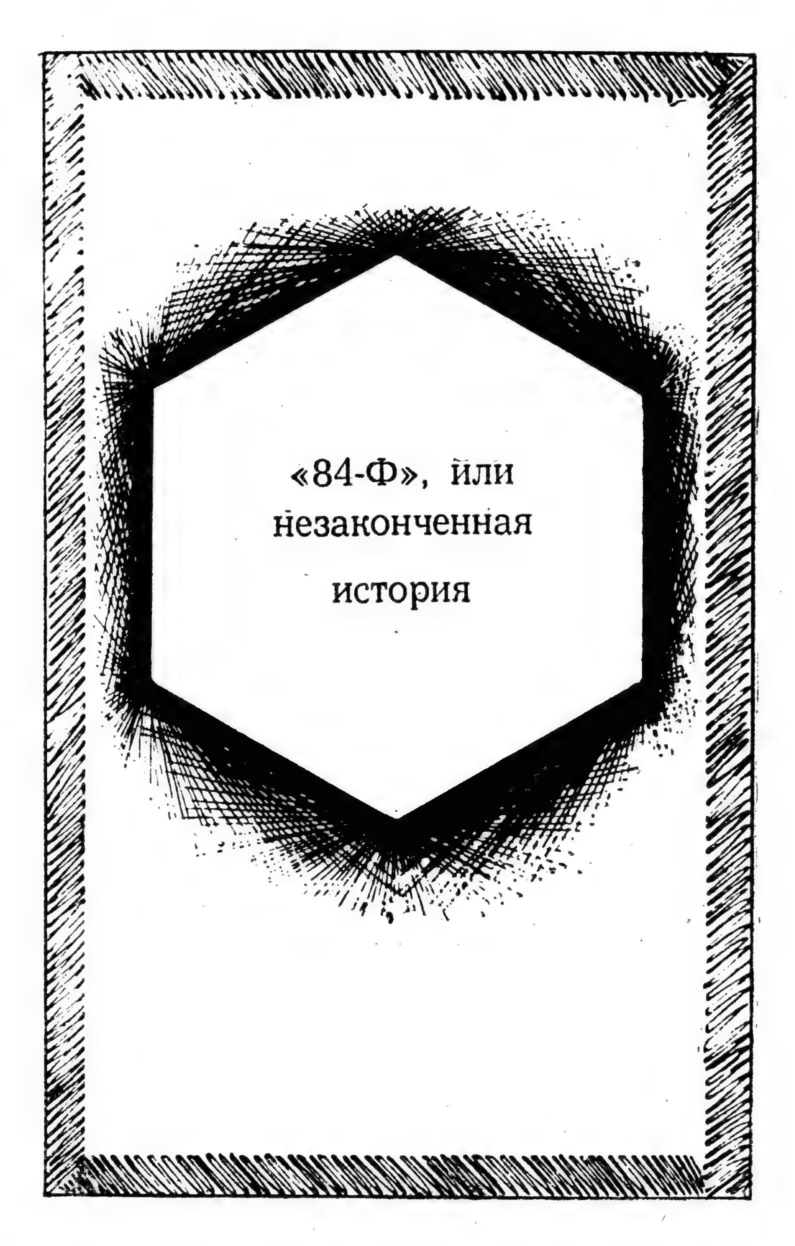
В вопросе о смысле существования трилобитов была признана точка зрения преподавателей. Она сводилась к тому, что трилобитам отводилась особая роль в борьбе

за существование. Выжили в этой борьбе наиболее стойкие группы организмов.

Итог их жизни невелик. Они чуть-чуть изменили состав горных пород Земли. Их окаменелые остатки тоненьким слоем залегают в древних слоях.

Для ответа на третий вопрос знатоки ссылались на определение понятия «цивилизация» в «Толковом словаре русского языка» Ушакова. Там приведены два толкования этого слова: 1) высокая ступень общественного развития, возникшая на основе товарного производства, разделения труда и обмена; это определение применимо только к человеческому обществу; 2) вообще общественная культура, достигшая высокой степени развития, а также общество, являющееся носителем такой культуры. С этой второй точки зрения, с натяжкой, можно подходить к анализу общественных форм развития других групп организмов, населявших нашу планету.

Недавно я встретил несколько знакомых фамилий бывших студентов в одном из философских сборников, изданных на периферии. Бывшие студенты, ныне молодые специалисты, продолжали спор, начатый на первом курсе. Темы философских статей касались тех же вопросов, которые были подняты на собраниях. Выступали уже не «мальчики-девочки», а опытные специалисты. Мне известно, что спор продолжается.

«84-Ф», или незаконченная история

МИСТИФИКАЦИЯ ИЛИ ОТКРЫТИЕ? «Павка!» — «Что, Ленок?» — «Читал?» — «Нет».— «Смотри. Опять в «Комсомолке» об этой ерунде».— «Дай-ка»,— и Павел, взяв у молодой жены свежий номер газеты, погрузился в чтение.

И Павка, и Ленок (Ленка, Ленушка, Ленусенька) только что встали на жизненный путь. Они были в том возрасте, когда гордо носят на груди значок об окончании вуза. Срок их совместной жизни исчислялся месяцами.

Они еще частенько, не веря своему счастью, вспоминали первые встречи, первые объяснения. Все это происходило на последней, преддипломной, практике. Были свежи в памяти малейшие мелочи, весьма важные, быть может, только для них.

Там, на практике, им встретился необычный камень. Они так и звали его «наш камень», вкладывая в эти слова что-то известное только им одним.

А камень был удивительным. Внешне это ничем не примечательный песчаник. Таких кусков горных пород можно встретить тысячи тысяч. Но на одной стороне камня отчетливо проступал знак, странно похожий на букву «Ф».

Павел еще тогда, на практике, уверял: «Ленок, это открытие! Ни ты, ни я еще не представляем всей грандиозности нашей находки. Это, может быть, для нас с тобой работа на всю жизнь».

А Лена смеялась. Она смеялась так заразительно, что он не выдерживал и целовал ее...

— Ленок, а ты обратила внимание на концовку?

— Нет.

— Слушай: «Не исключено, что Землю когда-то действительно посетили пришельцы иных миров. И искать следы такого посещения нужно... Кому же не ясно, что цивилизация, могущая пересечь межзвездные пространства, качественно не похожа на нашу?»

— Не увлекайся, Павка. Это невозможно. Ведь в заметке ясно сказано: мистификация. Об этом я тебе говорила еще тогда. И теперь добавлю: Иван Петрович на то и профессор, чтобы все знать. Он тоже говорит: выкиньте все это из головы и занимайтесь делом.

— Ну, знаешь, твой Иван Петрович просто сухарь.

— Павка, не смей так говорить!

Назревала ссора. Дело в том, что судьба, соединив в институте Павку и Лену, недолго была к ним благосклонна.

— Не можем,— заявила им судьба,— не можем назначить вас в одну партию. Вы ведь не просто молодые специалисты. Вы муж и жена! А раз так, то вы 34-я по счету родственная связь в нашей организации. А есть указание! — И тут судьба с многозначительным видом подняла кверху свой перст, давая этим понять, что указание получено из очень высоких сфер. И судьба, на сей раз представшая в облике заведующего отделом кадров, оформила растерявшихся молодоженов в разные отделы, к различным начальникам.

А дальше под воздействием разных коллективов, кстати, представлявших противоположные научные школы, начали формироваться их деловые взгляды, что, конечно, отражалось на их характерах.

В последнее время все чаще и чаще между ними стали возникать ссоры из-за научных проблем и отношения к фактам.

Начальник Павла, такой же порывистый и увлекающийся, учил молодежь бережному отношению к фактам. «Проверять, проверять, проверять абсолютно все факты» — было его девизом.

Прямой противоположностью был руководитель партии у Лены. Отбор и оценку фактов ее начальник считал нужным производить в зависимости от взглядов той школы, к которой он принадлежал. «Если какие-либо факты, особенно единичные, противоречат нашим взглядам,— наставлял он молодежь,— их надо либо переизучить и повернуть в русло единой теории, либо отбросить, как несущественные и недостоверные».

На пути неоперившихся молодых людей встала борьба идей и школ, которая должна была определить и их место в жизни.

— Ну, посмотри, Ленок, какие молодцы северяне. Они не прошли мимо необъяснимого, с обычной точки зрения. Ты только подумай: на глубине 760 метров от поверхности лежало нечто еще никем не виденное! И они смело заявили: надо искать!

— «Нечто»! — фыркнула Лена. — Фальсификаторы твои северяне. Им захотелось дешевой славы. Они сами сделали этот «факт».

— Лена! Ведь они нашли там отпечаток в песчанике вроде нашего камня!

— Павел! И наш камень, и то, что нашли (или, вернее, сами сделали) северяне,— ерунда! Такие единичные факты — нуль! Они все не укладываются в рамки подлинной науки. Значит, их надо отбросить!

— Неужели вас так учат? Да ты посмотри на физиков. Они в Дубнах сделали 85 тысяч, понимаешь, тысяч! — повторений одного и того же эксперимента. И только в двух случаях,— понимаешь, в двух! — нашли несоответствие. На этом они построили открытие. А что, если бы они отбросили эти два факта? Твой Иван Петрович их наверняка отбросил бы!

— Конечно! Что за наука на двух случайных фактах против десятков тысяч непреложных? Иван Петрович рекомендовал нам не только отбрасывать все это, но и изымать из дневников, чтобы не вводить в заблуждение будущих исследователей.

— Ленка, пойми меня, милая, правильно. Твой Иван Петрович не имеет права так поступать.

— Не трогай Ивана Петровича! Он известный ученый! А кто ты? Хочешь учить профессора!

— Ленок, Ленусенька, ну, давай не кипятиться. Пойми, мы где-то у порога открытия. Нам удалось встретить новый факт. Смотри — в «Комсомолке» описан другой. Это уже два факта! Нельзя проходить мимо неведомого. Давай углублять открытие.

— И превратимся в неудачников, ищущих «вечный двигатель»? Нет, нет, нет! И учти: ведь криминалисты, изучавшие «открытие» северян, вряд ли ошиблись. Вчитайся в статью. Они ясно говорят: «на песчанике установлен след вдавленного «негостированного» болта». Болта! Ты читай. Читай вот здесь.

— Значит, и наш камень тоже только след болта? Откуда появился знак «Ф»? И смотри: он ведь не такой, как в общепринятом алфавите! Он тоже «негостированный»!

— Так ведь на болте ясно видна цифра «84». Она и отпечаталась. Мог быть и знак «Ф».

— Ну, а почему на крышке, покрывающей вдавленность, есть выпуклости с обратным начертанием этой цифры?

— А криминалисты, по-твоему, не думали об этом?

— Нет. Они, вроде твоего Ивана Петровича, ничего об этом не сказали. Отбросили факт.

— Павел. Ты опять!

Этот разговор, перешедший в ссору, длился весь вечер и, конечно, закончился примирением.

ВЫСКАЗАЛСЯ... — Товарищи! Наше очередное заседание мы посвятим рассмотрению новой монографии уважаемого руководителя нашей школы, члена-корреспондента Академии наук СССР Игнатия Валериановича Скерского,— так начал привычную процедуру молодой, энергичный заведующий лабораторией Роман Павлович Потемкин...

— Он молодой,— подумал Павел,— не больше тридцати лет.

Павел сегодня впервые присутствовал, как ему казалось, на научном празднике — заседании лаборатории. Он скромненько устроился в хвостовой части аудитории и чувствовал себя явно не в своей тарелке среди почтенных ученых.

Невольно Павел стал вслушиваться в разговор двух собеседников, сидевших за ним. Один, никого не стесняясь, рассказывал другому историю выдвижения председателя этого собрания. Павел понимал, что не надо бы подслушивать чужие секреты, но голос бубнил так громко, был настолько всепроникающим, что не слушать было просто невозможно.

— Он-то, Потемкин, раньше совсем наивным был,— бубнил первый собеседник.— Все, понимаешь, пытался правду искать. А потом вдруг за ум взялся. Отказался, понимаешь, от своих взглядов. Публично в печати признался в своей неправоте. Не раз каялся на собраниях. Вот и вошел в доверие, понимаешь, не только Ивана Петровича. Похвалил его сам Игнатий Валерианович...

Председатель тем временем предоставил слово «молодой, талантливой, подающей надежды, представительнице нашей школы» Елене Владимировне Сахаровой.

К трибуне легким шагом вышла Лена. Нет, это была не Ленок, Ленусенька, а действительно Елена Владимировна!

Такой ее Павел еще никогда не видел.

Павел примерно знал содержание доклада Лены. Ведь воззрения Игнатия Валериановича широко публи-

ковались в нашей и зарубежной печати. В институте на экзаменах их не раз заставляли повторять известные высказывания Скерского. И, наконец, Лена в последнее время часто в спорах цитировала его мысли.

— Как все-таки влияет среда,— вновь забубнил за спиной голос.— Ведь еще девчушка, и симпатичная, и совсем еще зеленая, а уже слащавит. Ты послушай, посмотри, понимаешь, как она научилась подхалимству.

Павел покраснел и хотел оборвать нахала, но, взглянув на Лену еще раз, остановился. Только тут он понял, что порой отталкивало его от жены. Да, слащавость. При этом у нее появляется нехорошее выражение лица. Вот и сейчас она упомянула имена Игнатия Валериановича и Ивана Петровича и вся зарделась.

Сущность взглядов Игнатия Валериановича была всем хорошо известна. 240—285 миллионов лет назад, в пермском периоде палеозойской эры, неоднократно шла борьба между сушей и морем. Та часть нашей страны, которая сейчас называется Европейской Россией, испытывала на себе всю тяжесть этих перемен. Лена увлеченно рисовала схемы древней географии, известные еще с вузовских времен.

— Гляди, гляди,— бубнил голос,— сейчас она упомянет снова имя Скерского и заалеет от счастья. Вот так и развращают молодежь!

Павел тоже придирчиво следил за поведением Лены и с горечью отмечал все то, что подсказывал этот уже не казавшийся нудным бубнящий шепот.

Вдруг Павел увидел, каким злым и противным, да, именно противным, стал ее голос. В это время Лена начала говорить о появившихся в последнее время на страницах газет сообщениях, несовместимых с подлинной наукой и, конечно, с идеями Скерского. О том, что якобы появились находки следов древнейшей цивилизации, насчитывающей свыше двухсот миллионов лет!

Именно в этот момент на Павла словно накатила чудовищная волна. Позднее он сам не мог вспомнить, повторить всего, что говорил. А говорил он много. Что он, Павел, располагает данными, свидетельствующими о наличии следов древней цивилизации, и никакого противоречия с наукой в этом не видит. Что взгляды Скерского на животный мир эпохи палеозоя основаны на старых фактах...

Все смотрели на Павла как на зачумленного. Особенно сторонники школы Скерского.

А Лена, его Лена, проходя мимо, швырнула ему «наш камень», их реликвию, их «святая святых».

НАШ КАМЕНЬ. Упав к ногам Павла, камень раскололся. Поднимая его, Павел увидел нечто, заставившее его забыть все. В отколовшейся части камня яркими красками горел странный знак! Это же...

Павел собрал осколки камня, тщательно завернул их в носовой платок (больше ничего под руками не оказалось), медленно пошел прочь из аудитории.

— Нехорошо, молодой человек, терять самообладание,— услышал он голос догонявшего его человека.

Павел оглянулся. Его догонял собеседник того, кто бубнил за спиной. Это был пожилой человек с волосами, похожими на пряди высококачественного асбеста. Сухое, аскетическое лицо. Шрам во всю щеку. Все это с первого раза бросилось в глаза.

— Давайте знакомиться,— продолжал он.— Мозгов, Юрий Николаевич.

Мозгов! Да ведь это известный ученый, профессор, который начал пересмотр общепринятой схемы развития животного мира в палеозое!

— Так вот, молодой человек,— говорил, улыбаясь, Мозгов.— Вы сорвали мое выступление, которое, кстати сказать, должно было быть таким же по существу, но несколько иным по форме. Я, между прочим, к вам по делу. Покажите-ка мне этот камешек. И Мозгов взял из рук оторопевшего Павла носовой платок с его реликвией, подошел к окну и стал рассматривать камень.

Яркий солнечный свет проявил и подчеркнул игрой тонов и полутеней узоры камня. Ясным стал контур шестиугольника, внутри которого был выдавлен таинственный знак «ф»! Выдавлен он как бы изнутри камня. Выдавленная часть была окрашена в странно алый цвет. Фон таинственной буквы внутри многоугольника был серовато-зеленым.

— Ну, батенька! — воскликнул Мозгов.— Не ожидал! Смотри-ка, Сергей Владимирович,— обратился он к подошедшему,— ты только взгляни: вот оно, чудо! Кстати, знакомьтесь. — Это мой друг, начальник южно-уральской партии Абрамов Сергей Владимирович.

В подошедшем Павел узнал обладателя голоса, навязчиво бубнившего за его спиной.

А Мозгов говорил: «Я ведь только что с экспертизы. Был в Москве на консилиуме по поводу таинственной цифры из керна скважины, с глубины 760 метров. Читали, небось?»

Павел только кивнул в ответ головой.

Вдруг с шумом распахнулась дверь соседнего кабинета, и оттуда вышли, нет, выбежали Потемкин и Лена.

— Павел,— крикнула она, подбегая к нему,— верни наш камень! Я виновата. Ну просто погорячилась.

— Нет уж, уважаемая Елена Владимировна,— очень мягко произнес Мозгов,—теперь мы—хозяева камня. Все видели, как вы швырнули такую драгоценность оземь.

— Ну, Павел, ты об этом пожалеешь! — и, круто повернувшись, Лена побежала вдогонку за Потемкиным.

— Милые бранятся, понимаешь, только тешатся,— буркнул Абрамов.— Пойдемте-ка в лабораторию. Проверим быстренько цветовые эффекты. Экспресс-метод и все такое.

И, не выпуская из рук камня, они быстро подвели Павла к двери, на которой была табличка: «Лаборатория люминесцентного анализа».

В полумраке лаборатории Павел увидел серию аппаратов. Он слышал, что в эту лабораторию поступило недавно новое оборудование. Его приятель, лаборант этой лаборатории, звал посмотреть новинки, но Павлу все было некогда, и он откладывал посещение со дня на день.

И вот луч света, процеженного через светофильтры, луч, ставший источником ультрафиолета, упал на его камень. И всех ослепил изумрудно-зеленый интенсивный цвет, вырвавшийся из многоугольника.

— Уран! — в один голос воскликнули и Мозгов и лаборант.

— Значит, мы сможем точно определить возраст породы.

— Ну, батенька,— сказал Мозгов,— теперь распрощайтесь с камнем. А впрочем,— вдруг решил он,— оформляйтесь-ка в партию к Сергею Владимировичу. Там вы будете вместе с камнем. Сергей Владимирович, вы примете к себе этого юношу?

— Уж так и быть, понимаешь, Юрий Николаевич,—

отозвался Абрамов.— только ради тебя. Приму. Оформлю в свою деревню. Зайдите-ка завтра ко мне.

НЕ ПРИШЛА! Поздно в тот вечер вернулся домой Павел. Еще на «дальних подступах» к своей квартире он заметил: огня нет. Наверное, спит. Умаялась.

Но, войдя в комнату, Павел обнаружил, что Лена домой не приходила! Это было настолько необычно, что Павел растерялся.

Он рассчитывал, придя домой, убедить Лену в необычайности открытия. То, что удалось увидеть в лаборатории, разрешало многое из их споров.

Но она не возвращалась домой. Может быть, что-нибудь случилось?

Надо сейчас же броситься на поиски. Идти. Нет, бежать. Но куда?

А что, если ее обидело его резкое выступление и она решила уйти от него?

Нет! Не может быть! Ведь они тогда поклялись друг другу всю жизнь идти вместе...

Утром на работе Павел обнаружил на своем столе заклеенный конверт. В нем записка. Лена сообщала о своём бесповоротном решении порвать с ним. Каждый пойдет своим путем. Она не может жить с человеком, который отрекся от подлинной науки во имя мелкого самолюбия и страсти к дешевой сенсации. Они разные люди...

В тот же день Павел был у Абрамова. Договорившись с новым начальником, рассказав ему все, Павел оформил свое увольнение в секторе кадров, а вечером выехал на место новой работы.

В «ДЕРЕВНЕ». Деревня Абрамова оказалась самым современным научным геологическим центром. Было принято показать каждому новичку, вне зависимости от его знаний и рангов, все «хозяйство деревни».

— Наш научный центр разместился вот в этих трех корпусах,— говорила Павлу молоденькая девушка, которую дали ему в провожатые.— Кстати и между прочим, зовут меня Таня. Смотри, в этом корпусе у нас библиотека. В ней, между прочим, сто тысяч томов специальных книг.

— Что это ты все «между прочим» да «между про-

чим»? И начальник ваш все «понимаешь» да «понимаешь» говорит.

— А ты злой. Придется тебя перековывать, — Павел хотел уже возмутиться, но увидел, что Таня дружески улыбается.

— Ладно. Идем дальше. Лучше уж я тебе покажу сначала все, а потом будем и на эти темы разговаривать.

Дальше действительно было на что смотреть. Еще в студенческое время Павел увлекался проблемой определения абсолютного возраста горных пород. Здесь же была расположившаяся под библиотекой лаборатория, оснащенная самой современной аппаратурой.

— Здесь вот, между прочим, и мое место,— сказала Таня, немного запнувшись на «между прочим».— Сейчас на определение взят твой образец. Ведь тема «84-Ф» стала дополнительной в нашей партии. Тебе уже отведено место в библиотеке. Подбирать литературные материалы будешь.

Трудно описать все, что увидел Павел в других корпусах. В лабораториях химии, геофизики, геоматематики деловито распоряжались всем «хозяйством» такие же, как и он, молодые специалисты.

А Таня подчеркивала:

— Все хозяйство наше молодежное. А здесь наш особый центр.

И Павел прочел на табличке: «Комитет ВЛКСМ».

— Вечером ты здесь отчитаешься. На тебя пришла бумага. Расскажешь нам все. Только не волнуйся. Нам шеф уже кое-что говорил.

НОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ. Всю свою энергию Павел вложил в новую работу. Первые ее шаги были несложными, но требовали усидчивости. Нужно было, переворошив вороха книг, нанести на карту места, каким-либо путем связанные с проблемой «84-Ф». Задание преследовало простую цель: факты должны подсказать новую гипотезу.

Павлу вначале казалось, что фактов на карте должно быть только два: первый — тот, что найден им, и второй — место буровой, в керне которой нашли знак «84». Но «факты» наползали на карту порой неожиданно, как будто сами собой.

Не так давно Таня принесла результаты определения

абсолютного возраста образца. Несколько определений давали однозначный результат: 260 миллионов лет.

— Нанеси-ка, Павел, на карту главнейшие события этой эпохи, — подсказал Абрамов. — Ты понимаешь, что только так можно подступиться к тайне?

И вот выплыл удивительный факт. Этот же возраст имели породы, найденные в Предуралье, в которых были заключены кости древнейших наземных позвоночных. Абрамов обрадовался. Тут же он подключил к теме другого паренька — Толю Барышникова, тоже недавно окончившего институт.

Через несколько дней Толя ошеломил всех потрясающей новостью. В трудах американского ученого Дж. Т. Грегори он обнаружил «руководящую идею» («вернейшую и бесспорнейшую»!). Грегори писал, что среди ископаемых остатков ученые не умеют различить рептилий от млекопитающих.

— Они не гады! — возбужденно говорил всем Толя.

— Кто они?

— Ну, пермские «рептилии». Никто не находил их чешуи. Конечно, они были теплокровными. И среди них могли быть первые разумные существа.

Напрасно Абрамов предупреждал молодежь от увлечений и скороспелых выводов. На его призыв «факты и только факты» все махнули рукой. Зацепившись за первую романтическую идею, комсомольцы требовали расширенного обсуждения гипотезы «Грегори — Барышникова».

После бурного обсуждения на комсомольском бюро на дверях библиотечного корпуса появилось объявление: все на диспут! Тема диспута: «Гады ли?». Дальше следовали дата, тезисы и прочее.

И Абрамов махнул рукой:

— Сдерживать их сейчас бесполезно. Пусть выскажутся.

ГАДЫ ЛИ? — Нам надо научиться выявлять гадов, — начал Толя свой доклад на комсомольском собрании.

В ответ он услышал дружные аплодисменты. Посыпались реплики:

— Молодец!

— Отмочил!

— Не только выявлять, но и уничтожать!

— Наверное, вы меня неправильно поняли,— растерялся Толя.

— Да куда уж лучше!

— Договорился!

— Кончай доклад! Лучше не скажешь.

Звонок председателя прервал остряков.

— Ты уж лучше, Толя, перейди на научный язык,— сделала ему замечание Таня.

— Ладно,— легко согласился докладчик.— Так вот, Грегори, крупный американский ученый пишет, что мы не только не знаем, когда и как появились в геологическом прошлом млекопитающие, но и совершенно не умеем отличать этих зверей от рептилий.

Тут Толя сделал краткую паузу. И потом сказал.— Я лучше зачитаю слова Грегори. Вот: «Палеонтолог произвольно выбрал структуру нижней челюсти и среднего уха в качестве основных диагностических особенностей скелета рептилий и млекопитающих. Рептилии имеют сложную челюсть, а млекопитающие — одну кость. Это удобно, но не очень основательно. Уотсон еще в 1931 году показал, что анатомические особенности высокоразвитых звероподобных убедительно свидетельствуют...

Толя неожиданно прервал чтение, обвел всех присутствующих взором, поднял палец и повторил с нажимом:

— ...убедительно свидетельствуют о теплокровной физиологии и, возможно, о существовании шерсти,— и Толя снова повторил многозначительно: ш е р с т и — у этих животных. Вероятно, эти существа вскармливали своих детенышей молоком и были бы отнесены к млекопитающим, если бы они жили в наше время».

Толя долго затем комментировал прочитанное. Он приводил примеры находок окаменелых звероподобных существ в слоях, в которых обнаружены таинственные знаки.

— Я думаю,— закончил Толя,— эти животные, которых мы ошибочно называем «рептилиями», и были носителями первой высокой культуры на Земле.

— Сказки,— донеслось из аудитории.

— Ты лучше, чем рассказывать байки, скажи, как они выглядели, эти носители культуры.

— Честно говоря, не знаю, как они выглядели,— сказал Толя, покидая трибуну.— Рылся по всем монографи-

ям. Так и не мог остановиться ни на одной зверюшке. Морды у них у всех тупые или хищные. Кто из них был «царем природы»? — так и не решил.

Но, может быть, мы не всех знаем.

На трибуну поднимался другой оратор. Это был Вася Медяков — аспирант-заочник у Ивана Петровича. И позой, и жестами он явно копировал Потемкина. Кое-кто даже назвал его не Васей, а Василием Ивановичем. Васе это необычайно нравилось.

— Друзья,— начал Вася,— я сдавал вступительный экзамен в аспирантуру самому Ивану Петровичу. Перед сдачей мной были проштудированы все главнейшие труды самого Игнатия Валериановича Скерского. В них, в этих трудах, содержится основной материал о рептилиях пермского периода. Нам не к лицу оглядываться на исследования какого-то Грегори.

А Павел? Павел видел в нем самого Потемкина. Точно в таких же тонах выступала тогда и Лена (нет, не Лена, а Елена Владимировна). Точно такое же сладчайшее выражение лица было у нее при упоминании главы школы.

Вася говорил уверенно и громко, с полным сознанием того, что он здесь отстаивает свою школу.

— Так вот, в этих трудах Скерского говорится о диких существах, населявших леса пермского периода. Конечно, это были не млекопитающие. Да вот я зачитаю вам характеристики этих существ, взятые мной из литературы:

«...Вот, например, титанофонеус... Он имел бульдогообразную морду, с которой никак не гармонировали его косо и в сторону направленные глаза...»

«...Вот динозавр. Особенно массивными были у него лоб и теменная кость черепа...— Такой головой не думают. Она служила для драк...»

«...Вот улемозавр. В его тупой, коротенькой мордочке, во всем его облике скелета не было ничего от думающих животных...»

— Теперь я подхожу к выводам,— и в голосе выступающего послышались новые нотки.— Нам нужно отказаться от всей этой, с позволения сказать, «проблемы». Мы должны отказаться от дальнейших поисков ненужного, надуманного разумного существа. Первым шагом к этому должно быть возвращение образца, незаконно взятого у Елены Владимировны.

Собрание продолжалось. Один за другим выходили

на трибуну молодые специалисты, увлеченные темой. Они пыталась доказать правильность воззрений Толи. Им резко возражали сторонники Скерского.

— Их много,— сказал вслух Павел.

— Ты что думал,— откликнулся сидевший рядом Абрамов.— Они, понимаешь, существуют везде. Зайди-ка завтра ко мне.

НОВЫЕ ИДЕИ. Утром в кабинете Абрамова разговор продолжался.

— Поедешь в командировку. К Мозговому. Там посоветуешься с ним. Сегодня же и выезжай. Иди. А я пока заготовлю письма.

Вечером в купейном вагоне поезда, идущего на Москву, Павел, растянувшись на полке, приводил в порядок взъерошенные мысли.

Только утром, подъезжая к столице, Павел собрался с мыслями.

Разыскав в Москве институт, который возглавлял профессор Мозговой, Павел с трепетом вошел. Но его уже ждали. Секретарь Мозгового провела его в просторный кабинет профессора.

Мозговой встретил вошедшего радостным восклицанием.

— Ну, рассказывайте, что у вас там получается? — спросил он Павла после первых приветствий.— Говорят, вы обнаружили что-то новенькое?

Павел приступил к докладу. Подробно рассказав о фактической основе схемы, он подчеркнул открытие Таней возраста находки. Затем подробно доложил о дискуссии. Его личное мнение? Он все же думает: позвоночные, будь они хоть трижды млекопитающими, вряд ли причастны к изготовлению таинственных знаков.— Кто же мог это сделать? — Да, ответить на вопрос трудно. Пока самой приемлемой является идея быстропередвигающихся, может быть, даже летающих существ. Постойте, летающих! Ведь эти факты даже нанесены на схеме. Смотрите: вот, вот, вот... Это кладбища насекомых. Они и в это время главенствовали над миром!

И, получив от Мозгового разъяснения, как и где ему лучше углубить материалы о пермских насекомых, Павел с головой окунулся в мир странных существ, населявших Землю в те далекие времена.

НА ПОДСТУПАХ. Павел был весь захвачен открывшимся перед ним новым миром. С утра до вечера он просиживал в библиотеке, штудируя труды по сравнительной анатомии и физиологии членистоногих. Особенно интересными оказались новейшие работы из области бионики насекомых.

Насекомые. Это были первые покорители планеты. Особенно поражали некоторые цифры. Во все времена на планете количественно главенствовали насекомые. Если взять за сто все когда-либо существовавшие и существующие виды, то на долю членистоногих, в число которых входят насекомые, приходится свыше 80 процентов! Для сравнения Павел выписал и другие цифры. Все позвоночные еле-еле укладывались в один процент!

Как-то, проходя по аллеям сквера у Чистых прудов, Павел присел отдохнуть на скамеечку. Рядом оказался совершенно незнакомый, пожилой человек. Они разговорились. Собеседник оказался пенсионером, в прошлом учителем зоологии в школе. Ему Павел стал рассказывать о прочитанном.

— Понимаете,— говорил Павел,— ни рептилии, ни дельфины, ни какие-либо другие позвоночные не могут и не могли претендовать на всеобщее главенство над миром. Насекомые — вот истинные цари природы, приспособлявшиеся к любым условиям существования.

Собеседник Павла возражал. Приводил примеры из других областей науки. Защищал человечество от нападок Павла. Но Павел не сдавался.

— Поймите, членистоногие в начале палеозойской эры в течение ста миллионов лет преобладали во всех морях Земли. Когда же их вытеснили из воды, они стали покорять сушу и воздух.

— Уважаемый молодой человек, но ведь это не свидетельствует о разуме насекомых. Они и сейчас летают, плавают, ползают, прыгают, но им далеко до человеческого разума.

— Несмотря на все их изобретения?

— Какие изобретения?

— Ну, самонастройку их биологических систем в связи с окружающей их средой.

— Это что-то сложное. Нельзя ли пояснить примером?

— Ну вот хотя бы моль. Она стала объектом охоты.

Ее стали уничтожать летучие мыши, снабженные великолепным ультразвуковым аппаратом. И моль сто миллионов лет назад изобрела антилокатор. И ультразвуковая локация летучих мышей стала ей не страшна.

— Все это так. Мало ли в природе других подобных «изобретений». Опять-таки это не разум, а результат естественного отбора.

— А кузнечик, воспринимающий сигналы с длиной волны, равной половине расстояния атома водорода? Он умеет слышать то, что человеку недоступно. Надо же учитывать эту способность к миниатюризации их аппаратов.

— Павел, вы на ложном пути. Все это не свидетельствует о разуме.

После долгих споров Павел вынужден был согласиться, что он должен еще многое доказать. Он сказал своему собеседнику, что сейчас занят подбором материалов о величайшем из величайших «изобретений» (или нет — «открытий!») насекомых. Ведь они первыми перешли к коллективному способу существования.

Вот здесь они нашли общий язык. Они стали говорить и о способах разговора пчел с помощью танца, и о коллективах муравьев и термитов.

— Особенно термитов,— подчеркивал Павел.— Их предки были жителями пермского периода. Вот кто мог быть в то время мыслящим существом!

«ЗАКРЫТОЕ ДЕЛО». По совету профессора Мозгового Павел побывал и у криминалистов.

— Мы не терпим незаконченных дел,— сказал Павлу следователь капитан Петухов.— Мне было поручено вести следствие по делу о происхождении таинственного знака, извлеченного из буровой скважины. Я подключил к выяснению тайны весь наш аппарат.

— Но почему вы решили, что это мистификация? — интересовался Павел.

— К этому мы подошли не сразу. Проверялось несколько версий. Мы учитывали, уж если вы хотите знать, и палеонтологическую версию. Нас интересовала и версия космическая. Для расшифровки версий привлекались крупнейшие специалисты.

В беседу вмешался вошедший в комнату майор Зуевский.

— Если вы помните, в «Комсомольской правде» го-

ворилось, что один из крупнейших палеонтологов страны заявил: «Бесспорно, эти знаки искусственного происхождения. К палеонтологии находка не имеет отношения». Он-то нас и ориентировал своим заявлением на другой путь.

— Помню, — подтвердил Павел, — но как вы быстро отказались от этой версии. Что бы вам еще поработать в этом направлении.

— Вот вы сами и отрабатывайте этот след,— в один голос воскликнули офицеры.— А мы пошли проверять другой путь. Он-то и помог нам закрыть «дело».

— А можно мне хоть одним глазом взглянуть на этот «негостированный болт»? — взмолился Павел.

— Пожалуйста. Он хранится в музее, в отделе раскрытых дел.

То, что видел Павел в музее, поразило его. Сходство болта с отпечатком было несомненно. Однако размеры резко не совпадали.

— Мы не зря подчеркивали, — поясняли Павлу сотрудники милиции,— что болт «негостированный», сделанный не по ГОСТу. Он может иметь любые размеры.

— Да, но болта такого размера вы не нашли.

— Э, дорогой, это уже несущественная деталь.

И здесь Павел выпустил последний заряд:

— Ну, хорошо, а как могли получиться и вдавленность, и выпуклость? — И Павел вытащил фотографии своего образца.

— Да,— задумчиво сказал майор.— Это, пожалуй, болтом не объяснишь. Здесь еще надо поразмыслить. Ведь в нашем распоряжении была только вдавленность. Ну что же, ищите, поможем.

Павел шел к Мозговому окрыленный. Ему было ясно, что «дело» это далеко еще не закрыто!

НЕОТРАБОТАННЫЕ ВЕРСИИ. В институте Мозгового Павла уже узнавали. Особенно приветливой была секретарша. И сегодня, пропуская его в кабинет начальника, она, улыбаясь, сказала: «Скорее, скорее, вас давно ждут».

— Ждут? — удивился Павел.

— Входите, сами увидите.

У Мозгового было двое: Абрамов и какой-то пожилой человек.

С Абрамовым и Мозговым Павел поздоровался как со старыми знакомыми.

— Познакомьтесь,— сказал Мозговой,— это и есть Павел.

— Скерский.

— Что?— отшатнулся Павел.— Скерский! С его именем связано все плохое, происшедшее с Павлом: уход жены, козни Потемкина...

Вид у Павла был такой, что для разгадки эмоций не требовался криминалист.

— Да, да, Скерский,— повторил его новый знакомый.— В вашем представлении, как тут мне порассказали, я кажусь вам страшнее тигра?

Павел промолчал в ответ.

— Так вот, коллега,— продолжал Скерский,— все это было для меня новостью. Я потребую ответа от тех, кто, спекулируя моим именем, пытается творить безобразия. А сейчас рассказывайте о научных делах.

— Рассказывайте, рассказывайте, — подтвердили Мозговой и Абрамов.

— Хорошо. Есть несколько версий...

Скерский улыбнулся, а Мозговой пояснил: — Он только что от криминалистов.

— А,— понимающе кивнул Скерский.

Павел продолжал: — Первая версия: знак оставили космонавты, посетившие 260 миллионов лет назад нашу Землю. Версию проверить невозможно, поскольку никаких следов такого посещения не обнаружено.

Все молча кивнули, соглашаясь с Павлом.

— Вторая версия: мистификация. Версия эта дана в «Комсомольской правде». Объяснить по этой версии, почему болтом одновременно сделаны и вдавленность и выпуклость, следователи не могли. Вот фотографии.

Скерский внимательно рассматривал снимки. Все молчали.

— Да,— наконец вымолвил ученый,— логично. Продолжайте.

— Третья версия — знаки сделаны млекопитающими пермского периода. Предполагается, что мы долгое время неправильно считали их рептилиями. Но даже если мы повысим их в ранге, все равно среди них нет известных сегодня существ, которые могли бы оставить осмысленный знак.

Скерский не возражал.

Четвертая версия: знаки выполнены какими-то членистоногими.

И Павел ринулся в пучину сконцентрированных им фактов. Он забыл свою робость. Забыл, что перед ним сидят люди, для которых многое из сказанного было азбучной истиной.

Но его слушали. Порыв всегда вдохновляет.

Первым стал возражать Скерский: «Положим, что вы правы. Но как тогда расшифровать смысл знаков? Что, у вас и тут припасены «версии»?

— Да,— не смутился Павел.— Еще две версии.

— Рассказывайте.

— По неотработанной версии, знак оставлен неизвестными пока нам насекомыми, наделенными разумом. Найти таковых пока никому не удалось. Может быть, потому, что никто не искал контактов с ними. Если версия будет положительно решена, заманчиво трактовать знаки либо как эмблему бесконечности «∞», либо как фигуру крылатого существа, сходную в начертании с буквой «Ф». Скорее второе. Едва ли знаковые системы прошлого совпадали с нашими.

— А другая?

— Эта версия (тоже пока не отработанная) — проще. Знаки представляют след зародышевой камеры какого-нибудь небольшого по размерам насекомого. Какого? — я не берусь пока ответить. Надо изучать. Пока на ум приходят сравнения с геометрией паутины и шестиугольных сотов.

Скерский вдруг взглянул на часы, хлопнул себя по лбу и вскочил: — Целых два заседания пропустил,— заторопился он.— Ну ничего. Вы, коллега, подумайте о том, что вам предложат от моего имени.

ИЗ-ЗА УГЛА. После ухода Скерского разговор продолжил Абрамов:— Ну, Павел, вызвали мы огонь на себя. Да что говорить, читай.— И он протянул Павлу письмо, напечатанное на бланке министерства.

Строчки прыгали перед глазами. В письме в самой обидной форме приказывали прекратить все дела, проводимые Павлом по теме «84-Ф». Подпись была неразборчива. Зато чины и титулы подписавшего свидетельствовали о том, что сопротивляться приказу бесполезно.

Павел молчал.

Абрамов и Мозговой долго втолковывали Павлу, что этот прием настолько характерен для его противников, что не следует все принимать близко к сердцу. А Мозговой, от имени Скерского, предложил Павлу поступить в аспирантуру Академии наук СССР.

Павел молчал, предложение Мозгового как-то не дошло до его сознания.

Напрасно оба его собеседника уговаривали Павла немного рассеяться, прекратить пока исследования и заняться подготовкой к сдаче приемных экзаменов в аспирантуру. Абрамов предложил зачислить Павла в ту же партию в качестве десятника горных работ. Но Павел отказался.

Удар судьбы, сразивший Павла, был не последним. Когда Павел наконец обрел дар речи и стал доказывать, что он вне зависимости от всего посвятит всю свою работу изучению образца и докопается до сути смысла проблемы «Ф», в это время судьба и нанесла ему новый и жесточайший удар.

— Образец утерян, — сказал Абрамов.

— Это что-то новое,— заметил Мозговой.

— Да, новое. После отъезда Павла в Москву образец перекочевал к палеонтологам. Там он попал в руки Васе Медякову.

— Ну?

— И он отвез образец для консультации к своему научному консультанту.

— ?!

Как-то, придя с лыжной прогулки, Павел обнаружил письмо. Тут же он разорвал конверт и прочел:

«Отдел аспирантуры сообщает Вам, что вы зачислены в очную аспирантуру Академии наук СССР. Вам предлагается явиться...» Тема вашей диссертации: «Насекомые пермского периода...»

И Павел разговорился.

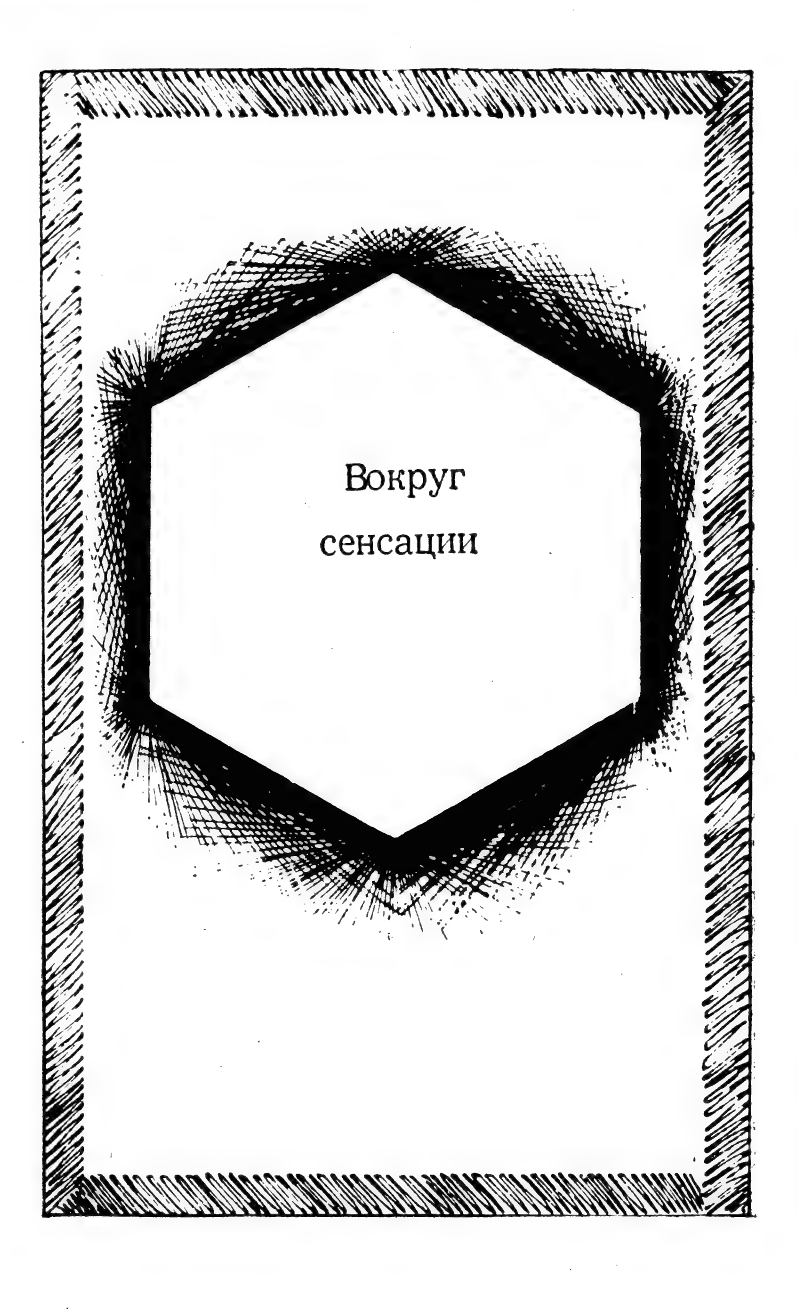
Я могу только схематично наметить ход его мыслей. Они были сумбурны.

— Надо начать изучение насекомых с родственников тараканов — термитов. Это они первыми организовали сообщество. В круг объединенных ими особей вошли в первую очередь бактерии, умеющие разлагать клетчатку

растений. Термиты спрятали своих помощников себе в желудок. Так с ними и живут многие десятки миллионов лет.

— Мысль вторая. Таинственные знаки оставлены термитами. Не так ли выглядит их первая камера, закладываемая для организации будущего термитника?

— Мысль третья (невысказанная). В разговоре Павел раз двадцать сказал «между прочим» и раз десять упомянул имя Тани. Он, возможно, еще не понимает, что это имя скоро вытеснит все прошлое...

Вокруг сенсации

ДЕВОНСКИЙ РЫБОКРЫЛ. Вначале трудно было представить, что маленькая заметка в небольшом журнале «Natur und Museum» привлечет чье-либо внимание. Автор этой заметки Ритчель Зигфрид рассказывал об удивительной частной коллекции палеонтологических остатков, собранных одним из чудаков — любителей курьезов.

Владелец коллекции, назовем его Рупрехт Мюллер, любил показывать свои сокровища только избранным друзьям. Мюллеру доставляло удовольствие видеть их недоумение и растерянность.

Да и было чему удивляться. Вот одиночный коралл. Но в той части окаменелости, где должны быть следы прикрепления к скалам, отчетливо виднелись приспособления для ползания, похожие на лучи морской звезды.

— Не бывает ползающих кораллов!

— Никто из палеонтологов никогда не видел ничего подобного!

А Мюллер доставал из заветного шкафа другой раритет. Это был стебель древнего пермского папоротника, заканчивающийся пастью со страшными акульими зубами.

Даже неспециалисты, видевшие сокровища Мюллера, и те приходили в священный трепет, видя такое чудо.

Поиски следов подклейки или явных признаков подделки обычно были безрезультатными. Пари о неудаче таких поисков выигрывал Мюллер. После чего гости и хозяин отправлялись в ближайший бар, чтобы осушить по кружечке пива.

В баре друзья славили сокровища Рупрехта. За дружеской беседой раскрасневшийся от мюнхенского пива Мюллер сообщил своим друзьям, что скоро он им покажет небывалый образец — чудо из чудес, которое удивит не только их, но и весь мир.

Примерно в это время, перед появлением на свет чудо-образца, и была опубликована заметка в «Natur und Museum».

Однажды, поздно вечером, к Рупрехту Мюллеру пришел необычный гость, назвавшийся профессором Рексвудом из Далласа.

— Если я не ошибаюсь, вы господин Мюллер,— начал, извинившись за позднее вторжение, заокеанский гость,— я читал о вашей коллекции и приехал посмот-

реть, так ли уж она хороша. Если коллекция — олл райт, вы можете сделать неплохой бизнес. Итак...

Растерявшийся Мюллер открыл шкаф со своими сокровищами. Молча гость осматривал диковинки. И Мюллер решил похвастаться новым раритетом.

— Вы первый, господин профессор, которому я показываю это чудо. Чтобы сделать его, я вложил пятнадцать лет своего труда. Больше ничего подобного я не смогу изготовить.— И широким жестом Мюллер сдернул чехол с плитки, лежащей на дне плоского коллекционного ящика.

Даже Рексвуд, ожидавший увидеть что угодно, только не это, окаменел от изумления. Перед ним лежало чудо природы, вмонтированное в плитку красного слоистого песчаника. Это чудо природы было одновременно и рыбой, и птицей! Да, да, птицей, с четкими перьями крыльев, большой рыбьей головой и типичной чешуей.

— А плитка подлинная?

— Да, господин профессор. Это девон. Возраст подтвержден калий-аргоновым методом. 320 миллионов лет.

— Откуда она?

— Из Шотландии. Но эти слои аналогичны песчаникам Кэтскилл из Нью-Йорка.

Реакция Рексвуда после этого была мгновенной. Он вынул чековую книжку и начертал на бланке сто тысяч долларов.

— Я ставлю вам, милый Мюллер, одно условие, — сказал Рексвуд, передавая ему чек.— Ни одна живая душа не должна знать о нашей сделке. Продолжайте показывать своим друзьям ваши старые сокровища. А об этом — забудьте. Проболтаетесь — лишитесь своего состояния.

И поздний гость растворился в ночи, забрав с собой ящик с палеонтологическим шедевром.

Всю ночь не спал Мюллер. Ему казалось, что его обокрали, что за свою фальшифку он получил фальшивый чек.

Утром, едва дождавшись открытия банка, Мюллер предъявил чек к уплате. Мгновенно, без задержки, с подобострастными поклонами, работники банка зафиксировали сто тысяч долларов на его текущем счету.

Растерянный Мюллер, возвратясь из банка, зашел в бар. Он потребовал две кружки пива.

Даже буфетчик в баре удивился его поведению.

Понемногу все забылось. Только Мюллер все реже и реже показывал своим гостям коллекцию. Он стал задумчивым и молчаливым и все чаще стал заходить в бар один.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ. Жители гор Кэтскилл, расположенных на северо-востоке Аппалачского хребта, с некоторых пор стали замечать необычайное паломничество в верховья рек Делавэр и Саскуиханна. К ним стали приезжать инженеры, архитекторы, строители, дорожники, геодезисты. Все это означало: скоро начнется строительство.

Вскоре выяснилось, что значительные участки ненаселенных пунктов Кэтскилла оказались в руках одной из акционерных компаний, решившей начать здесь строительство крупного города, состоявшего, главным образом, из отелей и баров.

В центре строительного комплекса вскоре стало возвышаться здание необычной куполообразной формы. По проектам, оно должно было поразить красотой даже самые изощренные вкусы. Под куполом воздвигалось нечто, ограниченное тройной покрышкой из пуленепроницаемого стекла. Что там — не знали даже строители.

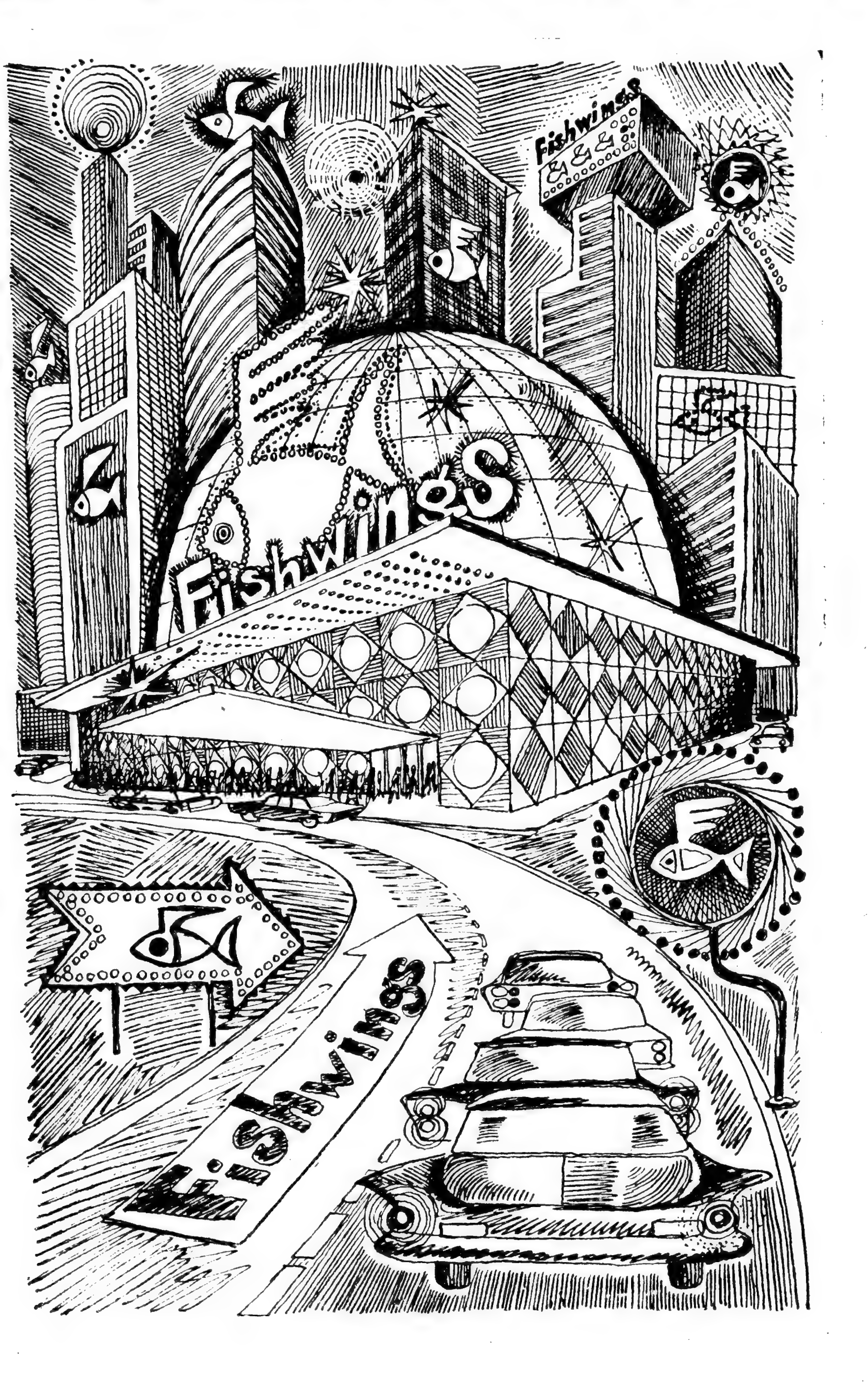
Дорожники тем временем протянули новую автостраду, ответвлявшуюся от магистрали Нью-Йорк — Буффало.

Вскоре на всех указателях запестрело количество километров до нового города со странным названием Фишевингс.

Дословный перевод названия был также необычен: рыба с птичьими крыльями. Достойной названия была и сама эмблема — герб города. Рыба на птичьих крыльях украшала все здания, была в каждом номере отеля, отпечатана на предметах потребления в барах.

Секрет нового города раскрылся как по команде, в один и тот же день во всех городах не только Соединенных Штатов Америки, но и во всех столицах мира. Повсеместно замелькали и запестрели красочные разноцветные неоновые огни реклам с запоминающимся гербом: рыбой на птичьих крыльях. Реклама звала, требовала, кричала, оглушала:

— Все в новый город Фишевингс!

Fishwings
Fishwings
Fishwings

— Каждый должен видеть это чудо.
— Из Ниагары в Фишевингс — за три доллара!
— Покупайте акции компании Фишевингс!

В проспектах компании рассказывалось об удивительной находке профессора Вильяма Вудрекса, сделанной в горах Кэтскилл.

— Приезжайте в Фишевингс,— звали проспекты,— и вы увидите в естественном гроте, под пуленепроницаемым покрытием, национальную гордость, удивительнейшее из удивительных открытий, когда-либо сделанных человеком. Вы увидите первородную рыбу. Она с крыльями. Ей 320 миллионов лет от роду!

Дальше подробно описывались экспонаты Кэтскиллского естественного музея и, что самое главное, подробные данные о баснословно дешевой жизни в Фишевингсе.

— Фишевингс — лучший курорт мира!
— В Фишевингсе есть отели за любую цену.
— Все блага северной природы — посетителям Фишевингса!
— Первая рюмка коктейля в баре — бесплатно!

И народ валом повалил в Фишевингс. По самым скромным подсчетам, расходы на строительство города окупились в один год. На текущий счет акционеров компании Фишевингс потекли бешеные деньги.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ ОТКРЫТИЯ. Вслед за рекламными залпами последовали высказывания выдающихся ученых Соединеных Штатов Америки. Голоса их были размещены не только в фундаментальных строго научных журналах. Особую ценность приобрели они в иллюстрированных научно-популярных изданиях.

Общепризнанный авторитет в палеонтологии позвоночных палеозойской эры — Базиль Мак-Кормик выступил в толстом научном журнале с развернутой статьей. Его выступление было воспринято положительно не только специалистами. Вся широкая пресса подхватила его слова.

Мак-Кормик отмечал, что находка в девонских песчаниках Кэтскилла переходной формы между птицей и рыбой — явление глобального масштаба. Он сравнивал это открытие с изобретением водородной бомбы, проникновением человека в космос и покорением мантии Земли.

Статья Мак-Кормика сопровождалась большим количеством строго документальных фотографий. Особую ценность имели те из них, которые были сделаны с Фишевингса под пуленепроницаемым стеклом.

— Я утверждаю,— писал Мак-Кормик,— что Фишевингс находится в своей естественной обстановке, так как он был здесь найден. Счастливая случайность помогла профессору Вудрексу обнаружить скелет Фишевингса такой великолепной сохранности. Мы видим, что останки этого уникума залегают среди красноцветных песчаников пустынного континента, расстилавшегося от Аппалачских гор до срединной Европы. Именно здесь было обиталище Фишевингса. Здесь он и нашел свою гибель во время самума, 320 миллионов лет назад.

В заключение своей содержательной яркой статьи Базиль Мак-Кормик писал, что собирается выступить с серией философских статей, разъясняющих исключительность сделанного открытия не для материалистических, а для идеалистических идей.

Эта последняя фраза Мак-Кормика подключила к пропаганде Фишевингса армию верующих.

Сам папа благословлял тех, кто совершит паломничество в город Фишевингс. Кардиналы, епископы, рядовые священники разъясняли всем верующим смысл папской энциклики.

А пресса старалась! В каждой крупной газете капиталистического мира был отведен обширный информационный отдел событиям из города Фишевингса. В этом отделе была и светская хроника (кто из высокопоставленных лиц побывал в Фишевингсе), и высказывания простых людей о виденном им чуде. Парящая девонская чудесница стала символом всей научной жизни США. Поговаривали, что надо изменить герб страны и внести в него изображение Фишевингса.

— Доброе утро, соотечественники Фишевингса,— так стали начинаться программы многих теле- и радиопередач.

Акционеры Фишевингса процветали.

НЕ МОЖЕТ ЭТОГО БЫТЬ! В стройный хор славословия ворвалась иная нота. В оппозиционной печати появилась заметка, автор которой, Стефан Гржиловский, в спокойном тоне доказывал, что существование Фише-

вингса противопоказано той обстановке, в которой он найден.

Смысл статьи сводился к простой истине:

— Не может рыба ходить по суху, аки по морю. Не может, даже если у нее есть крылья из перьев!

Что тут началось!

Газеты всего мира, как по команде, обрушились на Гржиловского. Прежде всего он был объявлен «красным». Затем в его выступлении обнаружили явную «руку Москвы». Доказательство этого тезиса было «обосновано» тем, что прадед Стефана Гржиловского был выходцем из Белоруссии. И хотя он переехал в США еще в XIX столетии, в действиях правнука такого человека легко просматривается национальная любовь к крамоле.

Конечно, самым главным предметом всех выступлений было перечисление доказательств подлинности условий обитания Фишевингса, а в связи с этим бесспорности его сухопутного образа жизни.

— Так выглядели девонские чайки,— надрывались газеты.

— Чем хуже Фишевингс старины четверонога,— современной кистоперой рыбы, дожившей до наших дней с девонского периода? — вопрошали ученые в научных отделах газет.

Сам профессор Вудрекс разразился пространной статьей, в которой он подробно рассказывал детали своей исторической поездки из Нью-Йорка в горы Кэтскилл. Он проследил шаг за шагом все экспедиционные мучения, которые пришлось пережить в поисках окаменелостей из пустынных образований девона. И вот... неожиданная находка. В скале торчал только краешек окаменелости. Сколько трудов было потрачено для препарировки. И, наконец, их взорам открылось это чудо из чудес. Если Фишевингс нашел свою смерть в зоне пустыни, значит, он тут и обитал. А те, кто в этом сомневается... Тон статьи стал угрожающим. Те, кто сомневается, — не патриоты!

Одновременно со статьей Вудрекса ряд именитых граждан США обратились с петицией через телевидение к правительству. Они требовали лишения гражданства США человека, осмелившегося усомниться в национальной святыне страны.

Они сравнивали поступок Гржиловского с осквернением знамени.

В это же время и опубликовал Базиль Мак-Кормик свою философскую статью.

ЭВОЛЮЦИЯ ДЫБОМ. Наконец-то Базиль Мак-Кормик высказался до конца. Начал он свою новую статью с основ эволюционного учения. В его рассуждениях казалось все верным. Он приводил примеры борьбы за существование, ведущейся в природе, говорил о естественном отборе, то есть обо всем том, что составляет основу классического понимания эволюционного развития жизни. Казалось, что ничего противоречащего Дарвину в его рассуждениях нет.

— Природа все устроила разумно,— писал Мак-Кормик,— низшие всегда предшествуют высшим; обратного пути в эволюции нет.

И вот последовал первый маленький срыв — появление целаканта, той самой рыбы, которой следовало бы жить только в девонском периоде палеозойской эры. А отсюда ясно: значит, кроме эволюции, есть еще что-то не учтенное Дарвиным.

Вслед за этим Мак-Кормик совершил экскурс в историю науки. Запестрели имена ярых антидарвинистов Жана Луи Рандольфа и Агассиса, а также крупнейших палеонтологов и зоологов США: А. Гейетта, Э. Копа, А. Паккарда... Назвав их «отцами истинного учения о происхождении видов», Базиль Мак-Кормик напомнил, что эти ученые умаляли идеи и роль естественного отбора. Основой их учения было представление о целесообразности появления того или иного вида в истории Земли.

Базиль Мак-Кормик далее обрушился на своих коллег, живущих на американском континенте, монтировавших естественный музей в Мехико. Мак-Кормик разгромил принцип демонстрации материала, основанной не на взглядах «отцов эволюционного учения США», а на воззрениях Дарвина.

Концовка статьи логично вытекала из всего изложенного. Конечно, главным во всем этом был Фишевингс. Находка этой формы окончательно и бесповоротно отвергала учение Дарвина. Появление Фишевингса опровергало основные положения эволюции и давало основание считать правомочными взгляды ученых США.

5 Заказ № 25

Статья Мак-Кормика вызвала резкую отповедь Гржиловского. Показав реакционную сущность высказанного этим «философом» учения, Гржиловский дал всем понять, что принятие подобных взглядов отвергает материализм, способствует распространению мнений о роли «актов творения» того «целесообразного», что кажется в данный момент важным «творцу».

— Принятие подобной ереси, — подытожил Гржиловский, — приведет всех нас в объятия идеализма.

А в заключение Гржиловский сказал:

— Надо еще посмотреть — не фальшивка ли этот пресловутый Фишевингс?

И снова заработала пресса, обвиняя «неблагодарного» жителя США, «непатриота» и прочая, и прочая, во всех смертных грехах.

МИРОВЫЕ ЖУЛЬНИЧЕСТВА. Мысль, высказанная, притягивает внимание. Так и статья Стефана Гржиловского не прошла бесследно. Концовка статьи вдохновила безвестного автора (скрывавшегося за псевдонимом) на большой научный труд.

В одном из частных издательств была выпущена книга, раскрывающая сущность происходящего. Ее автор, назвавшийся Симоном Петри, собрал воедино только факты.

Симон Петри напомнил в начале книги всем известный рассказ о невинных шутках студентов одного из немецких университетов, потешавшихся в XIX веке над своим чересчур доверчивым профессором. Они подбрасывали профессору плиточки сланцев с «отпечатками» чертиков, солнца, луны, звезд... Профессор все это тщательно собирал, классифицировал, описывал и, наконец, опубликовал. После публикации студенты подбросили профессору «окаменелость» с отпечатком его фамилии. Бедному, незадачливому профессору пришлось потратить остаток своей жизни на то, чтобы скупать изданную книжечку.

История археологии знает большое количество крупнейших видов жульничеств и мошенничеств. Фальсификаторы подделывали деньги, предметы искусства, сокровища древней литературы... Великолепным мастером, специализировавшимся на подделках произведений древнего искусства, был одесский ювелир И. Р. Рухумовский.

Его знаменитая «Тиара Сайтаферна» долгое время (с 1895 г.) экспонировалась в Лувре как образец греческого искусства. Эта тиара якобы была подарена Сайтаферну — скифскому царю, жившему в II веке до нашей эры.

История знает много других подобных фальсификаций. Такими «произведениями» забит рынок, и доверчивые простаки платят за них бешеные деньги.

Более сложный характер имела история с так называемым даусонским человеком (Гомо Даусони), кости которого были предметом длительной дискуссии в научных кругах.

Кости даусонского человека, найденного в Великобритании, ясно доказывали, что эволюция человека шла путем не дарвиновским. Понадобилась кропотливая работа многих исследователей, чтобы доказать их химический способ окраски костей даусонца для придания им древнего облика, и неблаговидные способы дискуссии: к черепу человека была приделана обезьянья челюсть.

Книга Симона Петри в короткий срок стала бестселлером. Она разошлась в миллионах экземпляров и была переведена на многие языки мира. Выход в свет этой книги в какой-то мере поколебал доверие к Фишевингсу. Многие стали говорить: «А не подделка ли и Фишевингс?» Потребовалось усилие рекламы, чтобы восстановить доверие к Фишевингсу.

В эти дни снова выступил Стефан Гржиловский. Он напомнил, что в 1925 году нашумел на весь мир знаменитый «обезьяний процесс». На весь свет тогда прозвучали мракобесные решения судей из Дейтона (штат Тенесси), запретивших рассказывать теорию Дарвина ученикам колледжа.

Стефан Гржиловский, как истый журналист, докопался до родственных связей профессора Вудрекса с одним из присяжных заседателей, выносивших приговор учителю Д. Скопсу в Дейтоне. Семья этого присяжного продолжала и после «обезьяньего процесса» вести активную борьбу с дарвиновским учением.

— И вот Фишевингс, — писал Гржиловский, — представляет логическое завершение антидарвиновской шумихи мракобесов. Я утверждаю, что эта так называемая птица-рыба фальсифицирована. Весь комплекс рекламной шумихи подсказывает мне такой вывод.

«ОРГАНИЗОВАННАЯ НАУКА». Некоторое время вся мировая печать никак не реагировала на статью Стефана Гржиловского. Высказываний оппонента просто «не замечали». Так длилось около года. Все это время нормально работали экскурсионные бюро, исправно текли деньги на текущий счет компании «Фишевингс».

За видимым благополучием акционеров угадывалась растерянность. Было видно, что компания готовится к решительному удару.

Профессор Вудрекс, Мак-Кормик и его коллеги все это время вели упорную скрытую работу по сколачиванию блока ученых-единомышленников. Подбирались кадры всех тех, кто в какой-то мере зависел от компании «Фишевингс».

Мобилизация сил была задумана для проведения Международного конгресса палеонтологов. Надо было созвать только тех, кто был угоден компании.

Было объявлено и широко разрекламировано, что расходы по организации конгресса, вплоть до командировочных и проездных, берет на себя компания «Фишевингс». Конечно, при такой щедрости многие из гостей не раз подумают при ответственных голосованиях о том, как вести себя и за кого подать голос.

В программу конгресса были включены многочисленные доклады о морфологии Фишевингса, об условиях его обитания, о происхождении рыбокрыла, о философском значении этой находки. В тезисах докладов, разосланных задолго до дня открытия конгресса, говорилось, что все решения по докладам будут приняты на основе строгого соблюдения принципов демократии. Будет считаться официальными только те решения, которые соберут большинство голосов участников обсуждения.

В бюллетенях, печатавшихся перед заседаниями конгресса, подробно публиковались данные о зарегистрировавшихся членах конгресса. Сообщалось, что на конгресс приглашен и самый ярый противник — Стефан Гржиловский. Подчеркивалось, что без оппозиции нет истинного единства и монолитности мнений большинства.

Периодическая печать подробно печатала все материалы этих бюллетеней. Между прочим, упоминалось, что группа делегатов упорно не захотела получить въездные визы, отказавшись дать оттиски пальцев, требуемых при таможенных досмотрах.

Среди делегатов, не допущенных для участия, оказались и все ученые Советского Союза.

Наконец открылся долгожданный съезд. Печать, радио и телевидение капиталистических стран, захлебываясь от восторга, подробно рассказывали о роскошном приеме, оказанном членам конгресса. Вновь и вновь подробно описывались все прелести города Фишевингс.

Пресса подробно рассказывала и о заседаниях. Особенно пространными были очерки о тех выступлениях, в которых громилось меньшинство, возглавляемое (даже не палеонтологом, а журналистом!) Стефаном Гржиловским. С законной гордостью корреспонденты всего мира говорили, что демократическое большинство конгресса утвердило все положения докладов. Отныне раз и навсегда канонизировалось все, что утверждалось акционерами компании «Фишевингс».

Оппозиция была посрамлена. Отныне любое выступление против Фишевингса расценивалось как оскорбление всей мировой науки.

ИТОГИ БОРЬБЫ. Самым мизерным по мощности был удар, нанесенный компании «Фишевингс» Рупрехтом Мюллером — тем самым, кто изготовил рыбокрыла. Конечно, Рупрехт давно узнал в сверкающих огнях рекламы свое детище. Узнал он и Рексвуда-Вудрекса, купившего у него рыбокрыла.

Но Мюллер молчал.

Каплей, переполнившей чашу его терпения, было высказывание одного из светил палеонтологии на Международном конгрессе в городе Фишевингсе. Палеонтолог говорил, что бог и судьба благосклонны к США, послав им такое чудо. Любая страна, говорил палеонтолог, могла бы гордиться подобным творением природы.

И Мюллер решился. Он написал большое покаянное письмо. Сам отнес его директору — издателю газеты. Тот заверил Мюллера, что письмо незамедлительно, после обычного формального рецензирования, увидит свет.

Не успел Мюллер закрыть за собой дверь редакции, как издатель приказал связать себя по срочному телефонному вызову с правлением компании «Фишевингс».

Наказание последовало почти мгновенно. Оно было жестоким. Банк, в котором хранились все деньги Мюллера, внезапно прекратил платежи, объявив о своем бан-

6 Заказ № 25

кротстве. Все деньги Мюллера растворились, как дым. Оставшись без средств к существованию, Мюллер покончил с собой.

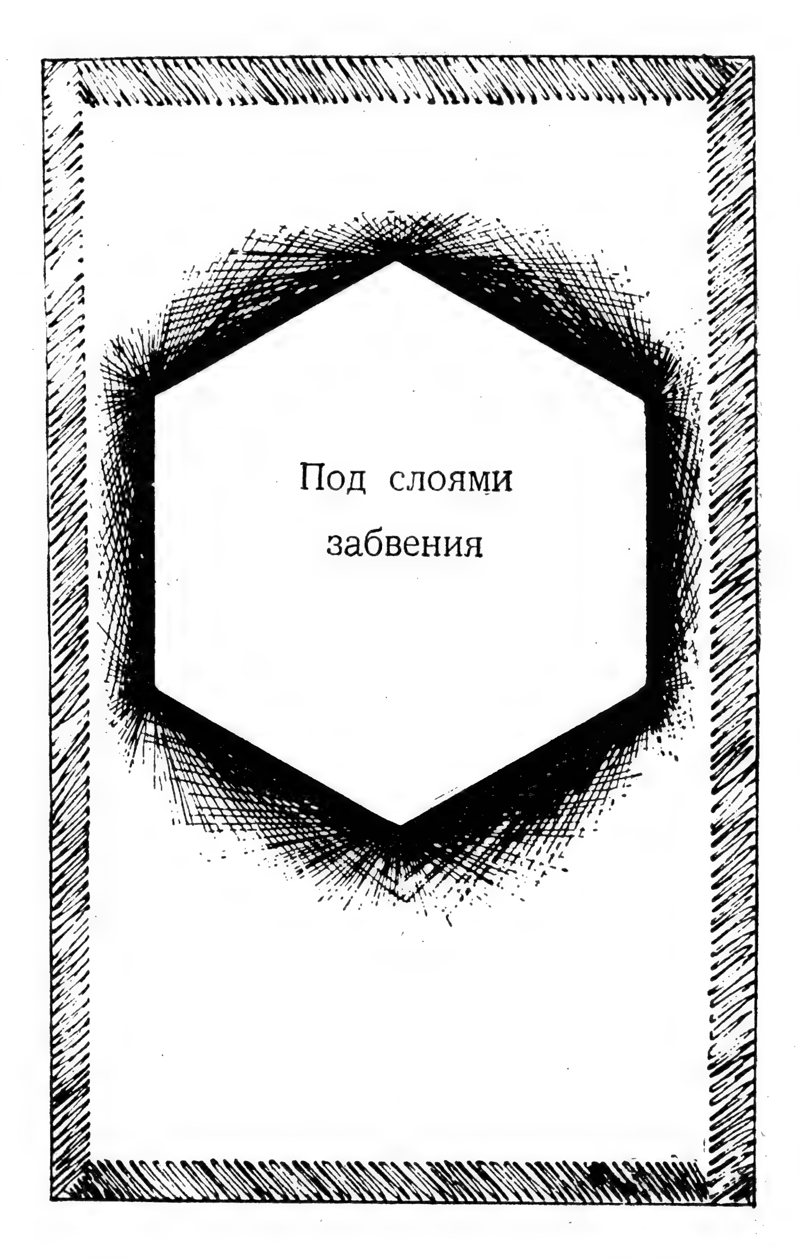
Безрадостной была и судьба Стефана Гржиловского. Конгресс США, учитывая ходатайства именитых граждан страны, вынес решение о лишении его подданства США. И Стефана Гржиловского выдворили из США в административном порядке.

Только к Вудрексу, Мак-Кормику и связанными с ними лицами судьба была благосклонна. В банках страны капитал их возрос до невероятных размеров. Компания «Фишевингс» утроила дивиденды.

Я рассказал историю, вымышленную от начала до конца. Говорю об этом потому, что против меня, может быть, начата кампания, в которой я (мягко выражаясь) могу быть обвинен в «неточности изложения». Меня будут обвинять в том, что в горах Кэтскилл нет города Фишевингса, что на всем американском континенте нет ученых с фамилиями Вудрекс и Мак-Кормик.

Но дело не в этом. Такая история могла иметь место. Подобные явления происходят там, где нет места творческой научной критике, где все подчинено чьим-то ненаучным интересам.

Итак, будем считать, что все сказанное— вымысел.

Под слоями забвения

6*

Разбирая пыльные архивы одного из ныне ликвидированных геологических учреждений города Архангельска, я наткнулся на обычную полевую книжку геолога. Тысячи таких книжек ежегодно сохраняют, значительное же количество их периодически уничтожается.

Как правило, в полевых книжках геологов содержатся рядовые сведения об изученных ими выходах горных пород. Эти первичные данные зимой проверяются, дополняются различными видами анализов и в переработанном виде включаются в ежегодные отчеты. Нужда в хранении первичной документации после этого исчезает.

И эта книжка не представляла исключения. Начало ее не отличалось ничем от всех других таких же книжек. Я уже хотел отложить ее, как вдруг в глаза бросились не совсем обычные слова и фразы о чуди белоглазой, о Золотом идоле...

Решив познакомиться с книжкой поближе, я взял ее на вечер с собой. То, что я в ней обнаружил, превзошло все мои ожидания!

Конечно, тут же пришло решение обработать записи. Я придал им повествовательную форму, изъял некоторые повторения и, согласившись с автором записок, исключил указание о месте происшествий.

Но не буду забегать вперед.

ОМУТ НА ВАДИГЕ. Зной. Жара, необычная для июля. Даже комары попрятались в кустах. Комар, он жирный, в пекло не полезет,— разъясняют в таких случаях знатоки тайги.

Каждого в зной тянет к прохладе. Хорошо в жару окунуться в холодную воду, нырнуть в омут, отплыть от берега на длинное спокойное плесо — вадигу, лечь на спину и забыться.

Было это несколько лет назад в Тиманской тайге. Есть еще там нехоженые места. Сюда, да и то по рекам, раз в 20—30 лет прорываются геологи.

А что делается в стороне от реки? Об этом не знает никто.

В долбленой лодке-осиновке, искусно сделанной местными жителями из распаренного осинового ствола, поднимались вверх по порожистой реке трое. Один из них геолог — рослый, молодой, полный сил и энергии. Вся его фигура выдавала любителя спорта. Двое дру-

гих — старички-охотники и рыболовы, по совместительству проводники и рабочие в отряде геолога.

— Покурим, Лексеич,— предложил старичок, стоявший на корме.

— Ну что же, Филат Иванович,— отозвался геолог.— Кто на корме, тот и командир. Причаливай туда к скале, к едоме.

— Вот ты какой паря, Лексеич,— добродушно пожурил другой рабочий.— Ну, разве может быть там едома? Учим, учим тебя нашему говору, все выучить не можем. Ведь едома, ты посмотри в свои записи, это возвышенный берег. Ну-ка, поправься и скажи, что там впереди?

— Виноват, Иван Фомич, виноват,— оправдывался геолог,— больше не буду так безбожно путать. Там впереди щелья, скала, по-вашему, а под щельей ластепала — пойма, по-нашему. Конечно, под щельей не может быть едомы.

Мерно заработали шесты. Иван Фомич спокойно ставил свой шест перед собой, слегка втыкая его в грунт. Он дожидался, когда лодка пройдет мимо шеста. И отталкивался от грунта, когда лодка значительно опережала шест. Легко и свободно при этом шест проходил точно по борту лодки. Второму рабочему — кормовому оставалось только слегка толкнуть своим шестом лодку так, чтобы она не сбилась с курса. В этой работе чувствовались и ритм, и слаженность, и умение сохранить силы. В таком деле нужна сноровка. Тогда можно целыми днями работать не уставая.

Вот и скала. Там, наконец-то, заветная прохлада.

Чуть вытащив лодку на берег, все вышли из нее и закурили.

— Так вот, Лексеич,— начал Филат Иванович,— это верно, что кормового надо слушаться. С исстари века на корме живет хозяин. И лодку-то посоветовала ему сделать подлиннее его баба. Они ведь хитрые, бабы-то. Рассердится хозяин, захочет ударить бабу шестом. Ан нет, не достать.

Но разговор явно не клеился. Никто не поддержал шутку старого рабочего. Да и рассказывал он ее чуть ли не на каждой остановке.

— Нет, ты послушай меня,— вновь заговорил Филат Иванович,— надо нам отсюда скорей выбираться. Нехо-

рошие здесь места. Да я и сам знаю, старой шуткой хотел отвести от большого разговора.

Молчавший все время другой рабочий вдруг крякнул и пробормотал:

— Ты бы подумал, Филат, прежде чем говорить-то.

— А что? Тут и думать нечего. Гиблые эти места. Сколько людей здесь пропало, — все это произнес скороговоркой Филат Иванович. Видно было, что он уже все продумал, все взвесил и наконец решил высказаться.

Снизив речь до шепота, словно боясь, как бы кто не услышал, Филат Иванович продолжал:

— Лешак здесь бродит. Ну, леший, по-вашему. Сюда и самоядь с олешками не заглядывает. Ну, ненцы — оленеводы, по-вашему.

— Тьфу ты, повело меня,— выругался Филат.— Все по-вашему да по-нашему. Слушай, уж я скажу по-своему, как могу. Живет на селе у нас Кузьма-юродивый. Народ бает, что леший его и ума решил. Был Кузьма раньше здоровый, красивый. Только старых людей не слушался. Вот и пошел он по дикости лешака ловить. Возьму, говорит, его, свяжу да к вам приволоку. Покажу миру, что к чему. А лешак-то на то и лешак. Все знает.

И как бы в подтверждение слов Филата в лесу, в стороне от реки, что-то ухнуло. То ли дерево упало, то ли, действительно, леший прошел. Гулким эхом отдался этот шум вдали.

Забоялись, закрестились Филат с Иваном. Что-то запричитали. Геолог знал (они учили его), что нужно в таких случаях говорить колдовские слова, отводящие всякую нечисть от хороших людей.

С трудом уговорил он своих попутчиков продолжать рассказ.

Крестясь и причитая, отстранив Филата, приглушенным голосом продолжал Иван Фомич: — Пришел эт-та Кузьма к своему отцу. Иду, говорит, батя, лешего ловить. Поедем вместе. Вдвоем-то сподручней — Но отказался отец. Схватил чересседельник, хотел отлупить им сына, а того уж и след простыл. Решил он один подняться все двести верст по этой реке. А сам знаешь, что и вдвоем-то на порогах несладко.

— Постой, постой,— перебил его разговор Филат,—

у Кузьмы лодка-то была заране заправлена. Взял парень с собой все, что нужно в дальний путь.

Отстранив рукой Филата, Иван Фомич продолжал:

— Ну, и пропал надолго парень. Как в воду канул. Только к осени нашли его у деревни. На плоту приплыл. Худой, оборванный. Ну, мыть повели его в байну и ахнули. Вся грудь и руки у него в синяках да в ссадинах, словно связанным его держали. А на ноге — толстый браслет от кандалов. Рассмотрели, а браслет-то золотой! Стали спрашивать: что случилось? А Кузьма только бормочет что-то несусветное. И понять его до сих пор никто не может.

— Один раз только заговорил было Кузьма,— добавил Филат,— сказал только: «Косматый, говорит, он».— А кто он? — спросили. А он в ответ как захохочет да и скажи: — Он, говорит, леший голубоглазый и подземный... Да при нем девки — русалки...— И опять забормотал что-то невнятное.

— Ну, хватит, мужики, — перебил рассказчиков геолог.— Давайте сначала искупаемся. Может, русалку увидим. Потом доскажете про Кузьму. А то что-то длинно у вас получается.

Отказались лезть в воду и Филат, и Иван.

— Ты уж, Лексеич, давай один. А вообще и тебе-то не надо бы в этой поганой вадиге купаться. И не смейся. Леший-то всегда рядом. Он все слышит. Уедем-ка лучше отсюда подобру-поздорову.

Но геолог не слушал их. Сбросив под скалу свою одежду, натянув нейлоновые плавки, разбежавшись, он мощным рывком нырнул до половины вадиги и кролем поплыл, гогоча и фыркая от удовольствия.

Июльский зной располагал к купанию. Вода снимала усталость, и, хотя мышцы порой немели от усилий, было приятно, повернувшись на спину, отдыхать, отдыхать, отдыхать...

Вдруг странное чувство овладело купающимся. Ему показалась необычайной удивительная тишина. Даже в ушах заломило от такого покоя.

Оглянувшись, геолог увидел, что заплыл далеко вперед. За поворотом реки скрылось то место, где была оставлена лодка. Перед купающимся встал новый обрыв. В скале, через всю ее длину, просматривалась трещина, заполненная какими-то диковинными минералами.

Секунда — и геолог, подплыв к скале, уже забыл все окружающее. Да, действительно, жильное тело в скале было совершенно необычным для этих мест. Минералы подсказывали, что наконец-то исследователю повезло, и он вступил в новый мир фактов, никогда никем не встреченных. Один из кусочков, подобранных в осыпи, включал самородный желтый металл — золото!

Конечно, нужно скорее вернуться к лодке за геологическим молотком. Скорее...

И ВОТ НАЧАЛОСЬ... С этой минуты в жизнь геолога вошло необычное. Первая секунда удивительных переживаний длилась мгновенно, но казалась растянутой на вечность.

Чуткое ухо геолога уловило странный свист. Миг — и на туловище очутилась крепкая веревочная петля, прижавшая его руки к телу.

Инстинктивно геолог рванулся в сторону, затянув этим петлю.

Новый свист. И новая петля, упавшая с другой стороны, еще туже сковала руки и тело...

Одновременно с этим из береговых зарослей вышло к реке пятеро коренастых людей, деловито и как-то по-хозяйски сматывавших арканы.

Геолог рванулся снова. Крепкие веревки еще туже вдавились в тело, оставив кроваво-красные полосы — следы.

«Вот так, наверное, был заарканен и Кузьма», — мелькнула и исчезла мысль.

«Не надо сопротивляться! — появилась другая мысль.— Я этим работаю на них. Все рассчитано на инстинктивные движения».

А странные люди подходили все ближе и ближе. Лихорадочно мозг зафиксировал, что они внешне мало чем отличаются от его рабочих. Тот же костюм из крашеного домотканого полотна. Такие же добротные бродни из самодельной кожи, подвязанные цветной лентой выше икр и подтянутые ремешками к поясу. Они были такими же взлохмаченными и бородатыми, как десятки местных жителей.

— Филат... Иван... Спасайте!..— истошно закричал геолог.

Но тут подскочили к нему двое из бородатых и мол-

ча вдвинули кляп в рот. И тут же все четверо оттащили геолога в кусты.

Все было сделано вовремя.

Еще чуть-чуть шевелилась листва, когда из-за поворота реки показалась лодка. Слаженно и сосредоточенно шла работа. Шесты упирались в дно, и лодка бесшумно скользила по вадиге.

— Ишь,— рассуждали Филат и Иван,— кажется, вот тут шумел Лексеич. И впрямь, не сыграла ли с ним шутку русалка? Вишь глубина здесь какая! Омут! Давай-ка хором покличем его.

— Лексеич! Лексеич! — прокатилось над рекой.

— Лексеич, где ты?

— Лексеич!!!

Но тишина, жуткая тишина была ответом на их крики.

— Утонул! — решили мужики.— Затащила его в омут хвостатая девка. Что будем делать-то? Как покажемся людям? Не уберегли, скажут, человека.

И оба мужика разревелись. Всхлипывая, они причитали, говоря, какой хороший был их начальник. Никогда он им не перечил, не говорил худого слова, уважал.

До вечера ездили вверх и вниз по вадиге рабочие. Заглядывали под каждую корягу, прощупывали шестами дно.

Лишь к концу дня, немного отдохнув и перекусив, решили мужики, не задерживаясь, спускаться вниз по реке. Плывя днем и ночью, они могут «выйти в люди» за полтора-два дня. А там — что решит начальство.

У ИДОЛА.— Эй, полонянин,— тихо сказал геологу самый бородатый,— восстань. Пошли.

— Токмо не ершись, а то во...— добавил другой, вынув из самодельных ножен кинжал, блеснувший каким-то странным желтым отблеском.

Что делать? Не умирать же глупой, нелепой смертью? И геолог пошел. Точнее, был потащен на растяжках-веревках теми, кто его заарканил.

Идти было трудно. Босой, голый, с руками, прижатыми арканами к телу, с кляпом во рту.

Лишь через час кончилось все это мучение. Пленника наконец привели к стойбищу, в глубокий лог, впадающий в приток притока главной реки.

Можно смело сказать — найти стойбище, не зная о его существовании, невозможно. Только случайно можно было наткнуться на это замаскированное природой логово, совершенно не посещавшееся ни охотниками, ни оленеводами.

Суеверные предания охраняли это забытое всеми место.

Навстречу пленнику и поработителям высыпало все немногочисленное население лога. Здесь были и женщины, и дети, и взрослые мужчины.

— Полонянина, полонянина ведут,— зашептали встречающие.

— Сейчас его увидит Косматый. Он все и порешит.

Бородатый начальник подошел к пленнику и вытащил у него изо рта кляп.

Ох, какой красивой показалась ему в этот момент жизнь!

— Бабыньки, бабыньки,— зашептала вдруг одна из зрительниц,— да он, смотрите, бритоус поганый!

— К Идолу! — раздался в толпе сначала одиночный возглас.

— Ведите его к Идолу!

— К Идолу!

— На капище!

— Там и решить...

Снова потянули за веревки охотники. Они быстро стащили пленника ко дну лога, подвели к входу в пещеру и потащили его — полузадушенного, исцарапанного, избитого — по сырому полу новой темницы.

В полутьме геолог увидел, что находится в гигантском подземелье. Причудливые сталактиты и сталагмиты придавали подземелью облик храма. Самым же удивительным чудом была статуя в рост человека, поставленная на фоне природного драпри — занавеса, спускающегося откуда-то сверху. На таком фоне тускло поблескивал желтый металл статуи.

— Золото,— успел подумать геолог.— Это, наверное, и есть Золотая баба! И я первый из современных людей, увидевший это чудо. Правда, облик статуи ничем не напоминает бабу. Это лохматое и косматое существо, видимо, главный из главных богов!

Все, кто вошел в пещеру, встали на колени. Только тот, кто командовал его поимкой, остался стоять.

— Ответь, о Великий! — громко воскликнул главный.— Что делать с полонянином?

— Ответь...

— Ответь! — закричали коленопреклоненные.

И вдруг откуда-то из глубины свода пещеры послышался чистый, звонкий девичий голос: — Мавка — Лексеичу; Лексеич — Мавке. Да будет так!

Странный, нестерпимо яркий, сверкающий голубой луч — два снопа света — вырвался из глаз статуи. Свет голубого луча коснулся и брошенного к ногам статуи геолога.

— Слава! — закричали все.— Быть так! — И разом упали веревки с тела геолога. Это было последнее, что он запомнил. Тьма помутила его сознание. И он, сначала привстав, рухнул снова у ног статуи...

В НАШ АТОМНЫЙ ВЕК... Геолог проснулся. Странное ощущение тишины преследовало его. Вот так бывает в перерыве между радиопередачами. Ну, конечно, сейчас он услышит знакомое: — Доброе утро, товарищи! Сегодня пятница, 20 июля. Московское радио начинает свои передачи.

Сегодня... Вторая половина XX века. А он в эпоху транзисторов, в век атомных электростанций, в эру космических кораблей водворен в дикость и варварство древних столетий!

Постепенно, как с похмелья, возвращалось утраченное сознание.

— Почему я здесь? — и до боли жутко припомнилось все свершившееся.

Ну да, его оставили в пещере. Потерявшего сознание приволокли в угол, бросили на кучу мха (ягеля — оленьего мха, автоматически зафиксировал мозг) и прикрыли какой-то дерюгой.

Свод пещеры над ним терялся в сумерках подземелья.

Откуда-то проникает свет. Надо бы расследовать. Но эту мысль отогнал и поглотил рисунок, неожиданно попавший в поле зрения.

Это было мастерски прочерченное углем, а потом выбитое на стене изображение демона — полухищника, получеловека. Песья косматая голова, с оскаленной пастью и огромными клыками была приделана к челове-

ческому торсу. Вытянутые вперед человеческие руки этого чудовища были готовы к битве.

И опять невольно фиксировал мозг, что подобное изображение можно встретить в краеведческих отделах музеев Минусинска и Красноярска. И идолы там есть. Их собрали при изучении древних могильников Енисейского района. Какой это век? Что-то на заре нашей эры. Нет, даже раньше...

Но ведь здесь не Енисей. А идол, у ног которого он потерял сознание, такой же, как енисейский. Только там каменный, а здесь... золотой!

А, может быть, это и есть то знаменитое хранилище «Золотой бабы», которое ищут столетиями? Где только не искали местопребывание этого мифического идола! И вдруг оказаться в самом центре святилища!

Если все это так, то пока нечего стремиться назад к цивилизации. Надо разузнать все и сорвать покрывало, столетиями окутывавшее тайну древнего идола.

Сразу все стало на свое место. Геолог даже потянулся на своем ложе, но тут же застонал. Израненные руки, расцарапанные плечи, избитые ноги давали знать о себе.

И опять об идоле. Он интересен не только тем, что отлит из золота. В глазах у идола камни какой-то необыкновенной ценности.

Память удержала этот яркий голубой луч, струившийся из глаз идола.

Смутно вспомнилось, что среди цейлонских драгоценностей есть камень иолит — благородная, прозрачная разновидность обычного кордиерита. Правильно «иол», по-гречески — фиалка. Этот фиалкового цвета или иногда синий минерал сродни обычным силикатам, но имеет одну особенность — дихроизм — двуцветность.

Зацепившись за вспомнившуюся из учебника фразу, мозг продолжал работу. Если вырезать из иолита пластинку параллельно одной из оптических осей минерала, то наблюдается световой эффект, носящий название «усы Брюстера». Эффект сводится к вспышке ослепительно голубого света.

Но дикари — и «усы Брюстера»! Хотя каких только чудес не бывает на белом свете! Ну, а свет мог кто-то дать сверху, для усиления эффекта.

ПЕРВЫЕ ШАГИ. Взгляд геолога вдруг задержался на чем-то необыкновенно знакомом.— Господи! Да ведь это моя одежда. Как она сюда попала?

И, вскочив с постели, несмотря на боль, геолог мгновенно оделся. Стало вдруг хорошо-хорошо. Словно привычный костюм удесятерил его бодрость.

— Лексеич,— тихо позвал его кто-то.

Он обернулся. Вчерашние мучители, взявшие его в плен, подходили к нему. Невольно напружинились мышцы. Все тело собралось в единый комок. Сейчас он встретит их лицом к лицу!

— Не бойся,— ласково сказал ему Главный.— Поговорим по-хорошему. Позавчерась мы помяли тебя немного. Но ты уж прости нас. Сутки ты был без памяти.

И, выйдя вперед, Главный отпустил ему большой поясной поклон, как это делалось на Руси в давние времена, с прикосновением пальцев к земле.

— Я ведь решил все узнать,— лихорадочно заработал мозг — нужно смириться. Они сами идут мне навстречу.— И геолог, изменив оборонительную позу, улыбнулся.

— Ладно уж. Говорите, зачем я вам понадобился? Как вас зовут? Кто вы такие? — на одном дыхании проговорил геолог.

— Я — Кронид,— выпрямившись, сказал Главный,— владыка сих мест, этих людей и живота всякого. Полонили мы тебя с моими людьми. Зачем? — узнаешь в свое время. Посмотри на моих людей: это — Страдон, моя правая рука. А это слуги — Индис, Иона и Ристарх.

Словно на великосветском приеме (так показывают по телевидению «больших» людей), кланялись геологу те люди, которые еще вчера волокли его сюда. Сейчас выражение их лиц было добродушным.

Страдон — правая рука Кронида — оказался тем самым, кто вчера грозил ему кинжалом. А слуги волокли его на растяжках.

— Слугой ты будешь вместе с нами у Косматого,— продолжал Кронид.— Простил он тебя вчера. Посмотрел ласково. Нечасто он бывает таким голубооким.

— А не простил бы он тебя голубым оком, — добавил Страдон,— сидеть бы тебе сейчас на цепи.

— Простил он тебя...

— Великий он милостивец...

— Оком своим подтвердил: наш ты по духу...— одновременно забормотали Индис, Иона и Ристарх.

— Пойдем, Лексеич, — снова вступил Кронид,—покажу тебе все угодья наши. Ведь на всю жизнь пришел к нам. Запомни — обратного ходу нет!

Лицо Кронида стало жестоким, таким же, как и вчера.

Геолог рассмотрел своих новых друзей. И хотя вчера показались они похожими на местных жителей, только тут выявились глубокие их различия.

У всех слуг Косматого были особые, белесые глаза. Самыми белесыми они были у Кронида. Это была какая-то раса белоглазых. Белые зрачки сочетались с красноватыми белками глаз, что придавало людям какое-то странное выражение.

— Альбиносы,— фиксировал по привычке геолог,— они должны щуриться на свету и хорошо видеть в полутьме. Это редкий случай частичного альбинизма. У них не хватило пигмента только для зрачков глаз. Остальное — как у всех людей.

— Сначала поклонимся Косматому,— говорил Кронид, — мы все служим ему — Владыке владык, Идолу из идолов. Иди и ты, поблагодари его.

Они подошли к главной части пещеры. Сейчас все поклонились Идолу только поясным поклоном.

В полутьме отчетливо было видно, что предмет общего поклонения был действительно сделан из чистого золота. Идол был вылит в виде большой тумбы в рост человека. Немного сгорбленный, без рук. Отчетливо отработанная голова. Поражало сходство лица Идола с лицами поработителей геолога. Те же близко поставленные к носу глаза. Широкие скулы. Маленький рот. И лохматость та же, что и у слуг Идола.

— Ну, пойдемте,— тихо промолвил Кронид,— теперь ты увидел Хозяина из хозяев, Владыку из владык.

— Эх, не удалось рассмотреть камни в глазах,— подумал геолог.— Ну, ничего, успею.

Все пошли к выходу из подземелья.

ГИБЕЛЬ РУСАЛКИ. Они действительно стали щуриться. Яркий свет слепил. Глаза, привыкшие к полутьме подземелья, не сразу воспринимали окружающее.

А смотреть было на что. Словно в музее, предстали

перед геологом быт и уклад людей начала нашего тысячелетия. Вот так в наши дни в этнографических собраниях выглядит старина.

В расширении лога, вблизи от пещерного лаза, раскинулось поселение белоглазых. Их жилища были врублены в скалы. Возможно, при этом использовались естественные карстовые полости. Заметить поселок даже с воздуха было невозможно.

Все жители занимались своими делами. Это была жизнь той эпохи, когда каждая группа людей умела сама вырабатывать все необходимое. Домашний скот доставлял не только еду. Шкуры животных обрабатывались и давали одежду, обувь. А на небольших полянах бережно сохранялся урожай ржи — злака, неприхотливого к суровому климату. Легкая одежда изготовлялась из дикой конопли. Это же растение служило основой для крепких канатов (арканов).

Геолог остановился около кожемяки, снимавшего мездру со шкуры. Нет, его заинтересовал не сам процесс. Вызвал пристальное внимание тот инструмент, которым пользовался кожемяка. Скребок был из желтого металла! Не золото ли?

— Ты поди, Лексеич, с кем-либо из слуг. Освежись,— сказал Кронид, отводя геолога от кожемяки.— Потом вглядишься во все это.

— Лада, Весняна! — крикнул он.— Бросьте-ка молодцу рукотерник.

Две ладных, стройных молодайки принесли расшитое цветастыми узорами полотенце, вытканное из конопли, и подали с поклоном геологу, закрывая свое лицо рукавом расшитой блузки от сарафана.

Не задерживаясь, они тут же отошли и стали заниматься своими делами, изредка бросая любопытные взгляды на полонянина.

— Хозяюшки у слуг,— пояснил Кронид,— женки Ионы и Ристарха.

Идти с геологом вызвались слуги. Они повели его по узкой тропинке. Вскоре все вышли к небольшому старичному озерку, скрытому от людских нескромных взоров густым ивняком.

Только они настроились на купание, как вдруг Иона решительно потянул геолога в приозерные кусты. И вовремя. Их взору открылось новое, невиданное чудо.

Из-за поворота старичного озера выплыла на середину заводи красавица русалка. Оголенные плечи, распущенные черные волосы, обрамлявшие совсем юное лицо. И чешуя. Сверкающая чешуя!

Все это казалось нереальным, как бы вырезанным из сказки.

Во все глаза смотрел геолог на это чудо.

Как бы почувствовав нескромные взоры, русалка повернулась и поплыла прочь.

Только тут геолог увидел, что чешуя оказалась сверкающими на солнце брызгами воды и что видение это совсем не из легенды.

Перед ним была сказочно красивая девушка.

Но, видно, чудеса этим не кончились.

Громкий треск поваленного дерева вывел его из оцепенения. Дерево рухнуло в воду, и вершина его накрыла купающуюся. Без крика, без стона она скрылась в омуте.

Мгновение — и геолог был в воде. Еще миг—и он увидел в воде русалку. Осторожно взяв ее за плечи, он приподнял ее лицо на поверхность. Девушка не дышала.

Вытащив безжизненное тело на берег, геолог начал делать искусственное дыхание.

Все свершилось так быстро, что к этому месту едва успели прибежать его спутники.

А события нарастали.

Гул. Громкий, грохочущий гул приближался к ним. И вновь геолога схватили и затащили в прибрежные кусты.

Над ними на небольшой высоте пролетел вертолет.

— За мной. Меня не оставили. Ищут,— подумал геолог.— Как же так? Я даже не сумел им дать знака. А где же русалка? — Но ее не было нигде.

СТРЕЛА В ВЕРТОЛЕТЕ. Старые рабочие, Филат Иванович и Иван Фомич, действительно добрались за двое суток до деревни, в которой находилась контора геологической экспедиции.

Причитая и плача, они рассказывали начальнику экспедиции о гибели геолога. Каждый раз, повторяя происшедшее, они добавляли столько новых деталей, что рассказ утратил впечатление реальности.

— Непонятно,— в который раз переспрашивал их начальник экспедиции,— куда же девалась одежда? Ведь

утонул геолог на ваших глазах. Не мог же он после вашего отъезда вылезти из омута и одеться?

— Истинно так, истинно так...

— Лешак там бродит, может, он и унес...

— Утонул, действительно утонул на наших глазах...

— Может, русалка утащила одежду-то...

— Сначала его в омут, а потом и лопотину — одежду и обутку, по-вашему...

Начальник принял решение об организации поисков погибшего. Организовать спасательные отряды предполагалось воздушным путем.

Полетела в Управление радиограмма. И не успели как следует приготовиться к встрече отряда, как в экспедицию нагрянули воздушные спасатели на спортивном ЯКе и вертолете.

В кабинете начальника экспедиции был выработан план поисков. Самолет должен был обеспечить круговые дальние рейсы. А вертолет направили на центр события: к омуту на вадиге и в ближайшие окрестности реки. Корректировать маршрут направили рабочих Филата и Ивана.

Целый день и всю ночь кружили самолет и вертолет над местом события. К счастью, ночь выдалась светлой. Все просмотренное пространство казалось унылым и безжизненным. Не видно было даже диких зверей.

Тела геолога не нашли и в русле вадиги.

Наконец решили закончить поиски и возвратиться. В ту же ночь отряд воздушных поисков улетел в областной центр.

Утром начальника экспедиции подняли рано с постели срочной радиограммой. В вертолете обнаружена необычной формы стрела, зацепившаяся за край двери. Наконечник стрелы был золотой!

Находка стрелы взбудоражила всех. Что за мистификация? Кто мог подбросить такую стрелу? И когда она попала в вертолет: во время поискового маршрута или за несколько дней до этого? Отряд вертолетчиков перед этим вел поисковые работы в районе нижнего течения реки Оби.

Днем радио доставило новое сообщение. Археологи установили, что ретушь на стреле того же типа, что на наконечниках стрел загадочной андроновской культуры, люди которой в эпоху меди и бронзы населяли север

Европейской России, значительную часть Урала и огромные пространства Сибири.

В поиски ответа на эти вопросы включились научные археологические центры страны.

Вскоре в экспедицию пришло письмо от геолога, работавшего в этих местах до войны. Вот оно.

БЫЛЬ ИЛИ ВЫДУМКА? «Не могу припомнить, где и когда я слышал эту легенду о людях, живущих под землей и охраняющих там накопленные поколениями несметные сокровища. Легенда бытует, главным образом, на Севере, в мезенском и печорском краях. Мне пришлось много путешествовать там, встречаться с интересными людьми. Но это было давно, в тридцатых годах. Детали рассказов стерлись из памяти. Я жалею, что в те годы не вел записей всех этих рассказов.

Вспоминая легенду, я даже слышу неторопливый рассказ о жизни и делах мужественного племени, давным-давно населявшего обширные пространства северного края, Полярного Урала и низовьев реки Оби. Помню, что рассказы о минувшем как-то непроизвольно возникали вечером под неумолчный комариный звон, после рабочего дня. А вот кто рассказывал — забыл. Да и не в имени суть.

В легенде говорилось о временах владычества Новгорода Великого. Занимал он ключевое положение, стоя на двух великих путях. Один из них получил название «из варяг в греки». О нем знает любой школьник. Второй путь не получил столь большой известности. Лишь в немногих древних летописях он описывается под названием «Великой тропы», или дороги «Из Югры в греки». Югрой в то время называли местность в области Полярного Урала и Предуралья, а также людей, населявших эти места.

В тот день, о котором говорится в легенде, волновался весь Новгород Великий. Всех жителей города облетела весть о новом появлении странных чудских людей из далекой Югры. Они приплыли на своих пирогах, выдолбленных из огромных осиновых стволов. В те времена многие северяне умели делать такие суда, обладавшие большой подъемной силой, легкие в управлении и особенно удобные на волоках, там, где приходилось их перетаскивать с одной реки на другую.

Чудские люди привезли шкуры ценных зверей и продукты обмена — искусно выкованные из меди и бронзы изображения росомах, выдр, соболей, людей. В обмен на свои товары они требовали только золото.

Всполошились новгородские купцы. Решили проследить, куда уходит их золото. Снарядили разведчиков-дружинников. На легких ушкуях — плоскодонных парусных лодках — двинулись разведчики по следам чуди белоглазой.

Несколько столетий длилась колонизация Севера.

Отряды ушкуйников наводили страх своими разбойничьими налетами. Те, кто не хотел покоряться, отступали на восток, за Югорский Урал.

Говорят, что так и осталось ненайденным золото чуди белоглазой. В сказаниях упорно утверждается, что часть золота была взята в подземелья, куда скрылись племена чуди. По другим легендам, золото было переплавлено. Из него был изготовлен идол, которого иногда называют Золотой бабой. Все помыслы племени были направлены на его сохранение. Кто-то пустил слух о том, что где-то есть берестяная грамота-карта с указанием точного места хранения идола. Но кто знает — быль это или выдумка?».

Дальше в письме приводились факты, подтверждающие сказанное. В «Лаврентьевской летописи», как известно, переписанной с какой-то очень древней и ветхой рукописи, есть рассказ новгородца Гюраты Роговича, отправившего в 1096 году своего сына в Югру.

Ушкуйники добрались до Урала, встретив там горы «яко до небесе».

Вслед за разведчиками двинулись на чудь в Югру новые отряды колонизаторов.

Разведчиков посылал не только господин Великий Новгород. В «Двинском Летописце» записано, что богатства Севера интересовали и Москву. «В лето 1492,— говорится в «Летописце»,— отпустил великий князь Мануила Илариева, сына грека, детей боярских Василия Болтина и Ивана Брюха Коробина, да Антошку Петрова — мастера с фрязи, два немца Иван и Виктор... серебро делати и меди на Цильме, а деловцев с ними руду копать с Устюга — 60, с Двины — 100 и Пинеги — 80 человек... С того времени начали чеканить монету из своего серебра».

В пункте, указанном в «Летописце», побывал в 1896 году геолог И. П. Бартенев. Он подсчитал, что площадь древних выработок на Цильме определяется примерно в четыре квадратные версты. Отсюда, главным образом, чудскими людьми было вынуто около 50 миллионов пудов медной руды. Чудь белоглазая вывезла отсюда более полутора миллионов пудов чистой меди. Это более 25 тысяч тонн!

Конечно, в наши дни эти цифры не кажутся гигантскими. Такое количество меди примерно в 30—40 раз меньше годовой добычи ее в США. Но внесем поправку на эпоху. Ведь все это было получено без применения какой-либо техники. Осознав сказанное, мы поймем, что чудь белоглазая предстает перед нами как великий народ, знаток и добытчик рудных богатств своей земли.

Грандиозность отвалов медного месторождения свидетельствует о том, что руда добывалась здесь не одно столетие.

Без преувеличения можно считать началом добычи время, совпадающее с эпохами меди и бронзы, то есть две-три тысячи лет до нашей эры.

Проследим путь добытой здесь меди. Куда могли отправлять ее древние горняки?

Одним из потребителей больших количеств такой продукции могли быть жители Средиземноморья. Эта мысль возникла у меня во время осмотра богатств Афинского национального музея. Обилие выставленной там утвари, сделанной из меди и бронзы, гигантские статуи богов и героев, также отлитые из металла, заставляют задуматься о способах добычи таких количеств чернового сырья.

Средиземноморский бассейн, как известно, сравнительно небогат рудами меди и олова. Несомненно, что важнейший в то время металл доставлялся из других стран. Откуда? Не был ли одним из конечных путей Великой тропы «Из Югры в греки» Балканский полуостров?

Возможность положительного ответа на этот вопрос усилилась после того, как я увидел в глазах некоторых статуй агаты, сходные с теми, которые я собирал на песчаных пляжах Цильмы около медного рудника. Цилемские агаты отличаются от многих других своеоб-

разием своего рисунка. Из них легче всего можно подобрать вставки, сходные с живыми глазами.

У Великой тропы могли быть и другие направления и ответвления от главных путей. От устья реки Цильмы можно подняться по Печоре и Усе и найти волоки в бассейн реки Оби. А отсюда открываются широкие возможности для путешествий по великим сибирским рекам.

В музеях крупных центров Сибири, среди археологических ценностей, можно встретить бронзовые кольца, каменные изваяния и фигурки людей и животных, искусно вырезанные из черновой меди. Не в Сибирь ли шла часть продукции с реки Цильмы? Где пределы влияния крупного промышленного центра цильмского участка Великой тропы?

Не натолкнулись ли вы на след потомков чуди белоглазой? Не их ли руками сделана стрела, попавшая в вертолет? Способ обработки металла, судя по описанию, такой же, как у чуди лет семьсот назад. Поищите, не удастся ли вам разгадать тайну великого народа?»

СЕКРЕТЫ КРАСАВИЦЫ. Геолог проснулся на знакомом ложе в пещере. Тот же полумрак. Вот и контуры бойца с песьей головой...

— Что же опять произошло? Ах, да! — и мучительно ясно вспомнились последние события: гибель русалки и фигура Ристарха, с запрокинутой головой, с луком в руках и вертолет... — Вертолет, конечно, был послан за ним. Его ищут. Не могут у нас оставить товарища в беде.

Жаль русалку. Так глупо погибнуть. Таких красавиц он еще не встречал на своем пути.

Маленький камешек вдруг упал возле постели. Потом второй, третий... Затем раздался тихий смех.

— Что это? Кто здесь? — И геолог увидел подходившую к нему тень погибшей. — Да нет, она жива!

Он бросился к русалке. Обнял.

Стыдясь своего порыва, геолог стал смущенно оправдываться, не зная, как загладить происшедшее, как бы о нем плохо не подумала русалка.

— Я Мавка, — сказала девушка. И голос ее напомнил те торжественные слова, которые упали на толпу, распростертую перед Идолом: «Мавка — Лексеичу, Лексеич — Мавке».

7 Заказ № 25

Значит, то был не сон. Перед ним была его суженая, предназначенная ему в жены самим Идолом!

Вновь нахлынувшая волна смущения захлестнула обоих. Растерянные, не зная, что сказать, они стояли друг против друга, крепко взявшись за руки.

Первой опомнилась Мавка. — Идем, — повела она его к Идолу. Упав на колени перед золотым Владыкой владык, Мавка забылась в горячей молитве.

Повинуясь внутреннему зову, опустился на колени рядом с Мавкой и геолог.

А Мавка молилась. Она вслух стала высказывать Идолу самое сокровенное, все то, что накопилось в ее душе.

— О Владыка!.. Я спасла ему жизнь, обязавшись быть его верной женой. В ответ он спас мою жизнь. Мы должны жить друг для друга, и дети наши будут служить Тебе!

Тихо, чтобы не обеспокоить молящихся, к Идолу стали подходить те, кто присутствовал и на первом посвящении. Они молча становились на колени. И снова предводительствовал всем Кронид. Не было только Страдона, его верного помощника.

— Да будет так, как решил Владыка, — это сказал Кронид.

И вновь, как на прошлой церемонии, из глаз божества вырвался голубой луч!

— Слава!

— Он подтвердил!

— Великий милостивец! — кричали в толпе.

К Мавке подошли Лада и Весняна. Они принесли венок из полевых цветов. На распущенных черных волосах венок выглядел вылитым из металла. Вся фигура Мавки стала величественной. Такие минуты даются лишь раз в жизни!

СОКРОВИЩА БЕЛОГЛАЗЫХ. Ну, а дальше потерялось ощущение реальности. Все дальнейшее казалось сказкой, главными персонажами которой были Лексеич, Мавка и странности подземелья.

— Ты должен знать о нашем роде,— сказала Мавка. — Идем. Теперь здесь все твое.

И царственным жестом она показала ему дорогу.

Подойдя к Идолу, Мавка нажала тщательно замаскированный рычаг за спиной Владыки владык. Медленно

стала открываться искусно скрытая дверь. По узкому проходу они спустились в другое, еще более обширное подземелье.

Это был храм, полный чудес, — бесконечно длинная галерея из необычных сталагмитов, поставленных на высокие золотистые постаменты.

Присмотревшись внимательно, геолог стал различать внутри каждого из сталагмитов, под натечным полупрозрачным опалом, статуи людей, одетых в звериные шкуры, стоящих в полной боевой выкладке.

— Здесь покоятся все наши великие предки, — шептала Мавка.

Холодом смерти веяло в подземелье.

Проходя мимо каждой статуи, Мавка кланялась ей и тихо называла геологу давным-давно забытые народами имена и главнейшие деяния людей, некогда гремевшие на весь мир.

— Величие их ни с чем несравнимо, — увлеченно говорила она. — Вот Первый из первых. Он полубог. Брат Владыки владык. Оба брата спустились на Землю с утренней звезды.

В каждой стране бытует миф о людях, спустившихся с неба на Землю. Не были исключением и белоглазые. Первый из первых властителей Земли был в шлеме из какого-то странного металла. Чем-то весь облик статуи был сходен с современными космонавтами.

— Кто знает? — думал геолог. — Может быть, наши полеты в космос закончатся тем же на какой-либо новой планете.

— Первый из первых вместе с Владыкой владык, — продолжала Мавка, — научил людей главным ремеслам. Они помогли им находить подземные сокровища. На своей родине они жили в подземелье. Мы тоже привыкли к подземному бытию. А потом Владыка владык улетел на свою родину. Властелином Земли стал Первый из первых. От него и пошел род белоглазых.

— Нашлись люди, которые хотели отнять у Первого из первых его могущество. У них песья душа.

— Не его ли изображение кем-то выбито у моей постели? — спросил геолог.

Мавка кивнула головой. По-видимому, она не хотела отвлекаться от основной темы: о взлете и падении целой нации.

Владыками чуди белоглазой в разные годы были люди различных национальностей. И монголоиды, и европейцы, и азиаты находились среди статуй.

Пьедесталы некоторых из них были украшены самоцветами. Здесь сверкали драгоценности всех цветов и оттенков. Поражали размеры их. Тысячекаратные бриллианты, килограммовые изумруды, александриты величиной с кулак громоздились около ног умерших.

Один из властителей весь сверкал от украшавших его бесчисленных алмазов.

— Раджа, — сказал геолог.

— Откуда ты знаешь его имя? — удивилась Мавка.

— Это слово означает «сияющий», «блестящий», — разъяснил геолог. — Так украшали себя в жизни и после смерти властители индийской Голконды.

— Голконды, — задумчиво повторила спутница. — Да, это слово записано на пьедестале. Смотри.

И она показала на странные знаки, выбитые на постаменте. Она читала! Это была письменность древней чуди, утерянные человечеством знания. И геолог решил во что бы то ни стало научиться понимать этот язык, овладеть этим сокровищем из сокровищ!

Капля за каплей просачивалась в пещеру вода. Она здесь не скапливалась. Куда-то стекала. Но каждая капля оставляла небольшой осадок — микронной толщины, не больше. Этот осадок ровным слоем уже покрывал многие статуи, особенно те, которые располагались в низинках.

— Слои забвения, — шептала Мавка. — Они скроют все. И когда окаменеют властители, прекратится род чуди. Так гласит старое пророчество.

Много неизвестных и полузабытых историй рассказала Мавка в сокровищнице императоров и повелителей чуди. Запомнилось немногое.

Вот одетая в соболя красавица. Это княгиня чудская Анна. Геолог вспомнил, что в жизнеописании Татищева — строителя города Екатеринбурга — приводят сон царедворца. Ему привиделась одетая в меха красавица, сказавшая ему пророческие слова:

— Слушай, — говорила Татищеву Анна, — не тронь прах моих воинов, захороненных там, где ты хочешь строить плотину города. Если ты коснешься их праха, не сдобровать ни городу, ни тебе. И, говорят, Татищев послушал-

ся княгини. До сих пор не тронутым под плотиной города Свердловска лежит чудское захоронение.

Геолог помнил эту легенду. Как все, он не верил в нее. И вот перед ним прах самой княгини.

— Мавка, да ты вылитый портрет ее, — воскликнул он. — Что это значит?

Покраснела его спутница. И призналась, что нынешней властительницей всего чудского княжества является она — Мавка. Вот и постамент, приготовленный для нее в галерее повелителей.

Голос Мавки окреп. Перед оторопевшим геологом стояла представительница древней великой расы, потомок людей другой планеты, повелительница исчезающего народа...

ОСКОЛКИ ИМПЕРИИ. Из галереи властителей геолог с Мавкой прошел в другой подземный чертог. Стены этой пещеры, освещенные боковым светом, восхищали необычайным великолепием, созданным природой.

Вот прозрачные, как слеза, нависли друзы водянопрозрачного оптического флюорита. Метровой величины кубические кристаллы создали паркетообразный рисунок на одной из стен подземной полости. Это было несметное сокровище. Еще ничей глаз в мире никогда не видел ничего подобного. Только раз в миллиарды лет и только в одной какой-либо точке Земли природа рождает такие уникумы.

Взгляд Мавки равнодушно скользнул по этому великолепию. Тронув рукой онемевшего от удивления геолога, она обратила его внимание на другую стену. И тут было от чего прийти в восхищение.

Другая стена пещеры очаровывала глаз пестрыми расцветками драгоценного опала. Малейшее движение наблюдателя — и лучи света, тысячекратно иризируя, создавали то, что называют опалесценцией. Это были бесконечные перламутровые переливы, с огненно-желтым вихрем искристо-красных блесток, с перекатывающимися по рисунку изумрудными волнами неземного света.

— Главное вот где, — сказала Мавка. Она подвела его к третьей стене.

А здесь вся стена представляла собой зеркало, отразившее в желтом цвете их фигуры.

Миллионы лет назад в этом районе произошло земле-

трясение. По гигантскому разлому передвинулась земля. Давление было столь большим, что по отсевшей поверхности ровным слоем размазались и отполировались все минеральные примеси. На этот участок ровным слоем лег крупный самородок золота. Таких зеркал скольжения в природе известно много. Но чтобы по всей поверхности разлома было развальцовано золото! —таких случаев геолог не знал.

— Смотри внимательно, — проговорила Мавка.

Что это? На отполированной поверхности желтой глади стали ясно проступать какие-то знаки. Они складывались в причудливый узор из извилистых линий, кружочков, штрихов...

— Да ведь это же карта! — произнес геолог.

— Смотри, Лексеич! Тебе удалось увидеть то, о чем знали немногие, — послышался голос неслышно подошедшего Кронида.

— Даже для слуг Владыки владык закрыто это подземелье. Всмотрись, может, сам разберешься?

— Наваждение! — прошептал геолог. Он не верил своим глазам. — Это же карта «Великой тропы». Вот мы здесь, — и он указал место пещеры, означенное двумя кружочками. — Этот путь на запад, через Цильмско-Рочугский волок, на Мезень, Двину, к Новгороду. А тут — путь «из варяг в греки».

— Смотри сюда, — приказал Кронид.

— А это путь через Урал на восток. Да ведь это же карта водного пути в Индию! Скажи, Кронид, — обратился геолог к своему спутнику, — а эти кружочки обозначают места таких же пещер? Я знаю. Во всех этих пунктах развиты такие же, как и здесь, породы. Там тоже хранятся сокровища белоглазых?

— Ты угадал, — ответил Кронид. — Мы не ошиблись. Ты без нашей помощи раскрыл тайное из тайных нашей империи. Придет время, и возродится чудь белоглазая!

ЧУДСКОЕ ЧУДО. — Я вижу, ты давно хочешь спросить меня, откуда в нашей стране столько золота? — сказал однажды Кронид. — Я видел, как ты смотрел и на постаменты мумий, и на наше оружие, и на план империи.

Геолог не спорил. Его действительно интересовал не сам драгоценный металл, а те пути, по которым золото попадало к чуди.

— Так вот, — продолжал собеседник, — вначале мы выменивали на золото все наши изделия у соседей. А потом научились находить его сами.

И Кронид передал подошедшей к нему Мавке самый обычный ивовый прутик, только что сломленный им на берегу реки. Взяв прутик, Мавка пошла с ним вдоль скалы. И вдруг в том месте, где скалу пересекала золотоносная жила, прутик резко вздыбился.

— Видишь, как это просто, — пояснил Кронид, — тут, значит, и работай.

Конечно, геолог слышал о таком способе поисков не только золота, но и пресной воды. В свое время он смеялся над теми, кто верил во все это, и называл шарлатанством такие способы. Он знал, что специальная комиссия Организации Объединенных Наций поручила голландским ученым проверить истинность всего этого. Он знал также и то, что голландцы, проверив способ лозы, подтвердили, что есть люди, способные таким путем отыскивать руды и подземные воды. Знал и не верил.

Он взял в руки ту же лозу. Молча пошел с ней по маршруту Мавки. И... ничего у него не получилось.

— Как же так? Почему он не может повторить опыт?

Улыбаясь, подошел к удивленному геологу Кронид.

— В том-то и заключается чудское чудо, что мы знаем, как заставить любого человека повторить все это.

И Кронид, взяв из рук геолога лозу, прикоснулся тупым ее концом к виску геолога.

— А теперь попробуй снова, — и он подтолкнул геолога, дав ему в руку ту же лозу.

Не доверяя самому себе, геолог пошел, подчиняясь приказу. И свершилось чудо! Лоза, точно в том же месте, где располагалась жила, вздыбилась против его воли!

Чудское чудо! Теперь и он овладел этим секретом! Кронид заставил работать определенный участок его мозга, заведующий регистрацией биоэлектрических сигналов. Значит, находятся внутри организма приборы, регистрирующие строение земной коры.

Геолог дал себе слово изучить эти явления, связанные с новым для него способом познания окружающего мира. Он решил овладеть этим шестым чувством!

ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ... С тяжелым чувством приступаю к рассказу о последних днях пребывания геолога

среди людей, открывших ему свои секреты. В беседах с Мавкой и Кронидом шло взаимное обогащение знаниями: они — о современности; геолог — о далеком минувшем, покрытом слоями забвения.

Однажды все трое сидели под скалой. Той самой, вблизи омута на вадиге, под которой полонили геолога.

Неожиданно мимо со свистом пронеслась глыба горной породы, оторвавшаяся от верхней части скалы. Если бы люди стояли чуть ближе к реке, они были бы раздавлены и уничтожены.

Бледная Мавка бросилась к геологу, обняла, стремясь защитить от опасности.

Кронид кинулся на верх скалы. Было ясно, что глыба не могла сорваться сама собой. Чья-то злая сила вмешивалась в их счастье. По-видимому, и предыдущее покушение на Мавку — это звено одной преступной цепи.

— Это был злой человек, — задумчиво сказал, возвратившись, Кронид, — и, конечно, пришелец. Последнее время стали исчезать у народа припасы. Надо бы сделать облаву.

Они поспешили к пещерам, чтобы собрать людей. Но вдруг почувствовали запах гари и обнаружили, что из подветренной зоны со свистом и гулом надвигалось верховое пламя. Горел лес.

На геолога стало падать горящее дерево. Мавка бросилась спасать его, в это время новая лавина огня преградила ей дорогу. Еще одно мгновение геолог видел обращенные к нему руки Мавки. Огненный вихрь закрыл все...

Последние записи в полевой книжке сделаны почерком, не свойственным геологу. Чувствовалось, что был он взволнован: фразы были отрывочными, порой не связанные между собой. Суть их сводилась к следующему.

Кое-как выбравшись из-под горящего дерева, геолог бросился искать своих друзей. Но стена огня навеки разлучила их. Огонь оттеснил геолога к реке, к вадиге.

Здесь его, полуживого, обессиленного, и подобрали работники спасательной наземной группы.

Проводники спасателей Филат Иванович и Иван Фомич встретили геолога как родного. Они долго голосили над ним, а успокоившись, стали выхаживать, выполняя все указания находившегося среди спасателей врача.

ГДЕ ТЫ, МАВКА? Чуть выздоровев, геолог обратился к запискам. Он старался все вспомнить и записать. «Тысячам людей я хочу сказать,— писал геолог,— что в любое время даже с закрытыми глазами могу найти все места, о которых я рассказываю. Но клянусь, что никому не раскрою тайны, тысячелетиями окутывавшей место вечного покоя моих неожиданных друзей. Слишком много личного связано с моим пребыванием в пещере. Там осталась частица моего сердца, навсегда прикованного к возлюбленной, нашедшей свой трагический конец.

Мавка! Где ты? Отзовись! Я сам видел, как ты упала, объятая пламенем в этом гигантском пожаре. Но в моих мыслях и мечтах ты навсегда останешься живой.

Я не хочу тревожить всех вас. Пусть вечным сном спят в каменных саркофагах последние хранители золотого Идола: величественный Кронид, Страдон и их верные слуги — Индис, Иона и Ристарх! Возможно, кому-то из вас удалось добраться до хранилищей Владыки владык и найти там место своего вечного упокоения.

Изредка на саркофаги из натечного арагонита и опала падает яркий голубой луч — символ их беззаветной преданности своему народу, которому они посвятили всю жизнь. Вспышки голубого света освещают только дрожащие капли воды, несущей новые осадки, покрывающей слоем забвения тех, кто еще вчера жил, страдал, боролся... И постепенно последнее прибежище белоглазых потомков властителей мира накрепко окаменеет и навсегда скроется от нескромных людских взоров.

Как бы я хотел быть с Вами! Без моей возлюбленной нет мне места на Земле. Где ты, Мавка?

Молчание, бесконечное молчание служит ответом на мои призывы.

Я мог бы сейчас раскрыть своим помощникам место входа в пещеру. Мы вытащили бы в какой-нибудь музей все то, что забыто, похоронено и навсегда предано земле. Нет!

Спите спокойно, друзья, никто не потревожит ваш прах! Я вновь и вновь только преклоняю колени перед вашей памятью... Каменное безмолвие вашего бытия никогда не будет нарушено!»

ЭТО КОНЕЦ. Уже был назначен срок возвращения, а геолог все бродил по окрестностям вадиги. Он пытался

найти следы своих друзей. Иногда геолога сопровождали Филат и Иван.

В одном из таких маршрутов у поваленного полусгоревшего дерева рабочие наткнулись на обугленный скелет человека. Правая берцовая кость была закована. Очищенный от гари, браслет заблестел желтым оттенком. Кузьма!

Так вот кто оказался виновником гибели друзей геолога! Вот кто совершил сначала покушение на Мавку, свалил глыбу на Кронида, Мавку и геолога! Вот кто поджег тайгу!

А Филат Иванович, найдя эту кость, сказал:

— Вот, Лексеич, тогда на вадиге ты не дослушал наш рассказ. А мы знали, что Кузьма мог быть здесь. Он тогда еще грозился, что вернется и убьет своих мучителей.

Геолог вспомнил, что однажды сказала ему Мавка о поведении сумасшедшего полонянина, которого они вынуждены были приковать на цепь. Мавка пыталась пробудить в сумасшедшем чувства человечности, но ее усилия были безрезультатными.

Так вот кто оказался убийцей Мавки и Кронида! Вот по чьей вине погибли последние потомки белоглазых!

В день, назначенный для отплытия, геолог снова пошел на пожарище. Было невыносимо тяжело покидать эти места. В предыдущих записях он отмечал, что ему не удалось проникнуть в пещеру. Испортились механизмы, закрывающие вход. Не нашел он и следов пребывания людей. Все уничтожил пожар.

Геолог оставил последнюю запись. Она гласила:

— Я знаю секретный вход в подземелье и попробую им воспользоваться. Если не вернусь, не ищите. На всякий случай оставляю записку о том, что прошу в моей смерти никого не винить!

Филату и Ивану он запретил сопровождать себя. Они лишь издали следили за ним.

Потом рабочие рассказывали, что около небольшого старичного озерка им послышался женский крик.

— Нет, нам не почудилось,— в один голос уверяли они.

— Это была русалка...

— Все-таки затащила проклятая в омут...

Филат и Иван клятвенно заверяли потом, будто видели

рыбью чешую и хвост. После этого их перестали расспрашивать. Геолога искали много дней. Тело его не нашли ни в озерке, ни в тайге. Прошедший дождь с ураганным ветром скрыл все следы.

Поиски продолжались еще несколько недель, но были безрезультатными. Рассказу геолога и его записям в книжке не поверили. Официальная резолюция гласила: «Вся история, записанная в полевой книжке геолога Н., кажется слишком фантастичной и не вызывает доверия. Поиски не дали никаких данных, подтверждающих существование пещеры и белоглазых людей — альбиносов. Признать геолога Н. пропавшим без вести и погибшим. Поиски прекратить».

А если книжка не бред сумасшедшего? Если все это правда? Где же тогда геолог?

Быть может, Мавка и Кронид не погибли, а добрались до пещеры и укрылись в ней от бушевавшего огня, собрав туда и весь народ.

Возможно, кто-либо из белоглазых выходил на поиски геолога. Скорее всего это была Мавка.

Если так, то, конечно, геолог вернулся в подземелье. И под слоями забвения скрылось от нас навсегда все, что произошло потом...

История потерянного открытия

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ОТКРЫТИЕ. Торжественным было открытие в Санкт-Петербурге Горного училища. Праздники начались 28 июня 1774 года. Длились они много дней. В училище приняли тех, кто уже имел высшее образование и хотел углубить его. Большинство из них окончило Московский университет и твердо решило посвятить себя практической деятельности. В новом училище они хотели получить сведения, которые бы позволили им работать в любых отраслях горного дела и металлургии.

Преподавателей подобрали из числа тех, кто уже прошел большую жизненную школу и мог обогатить знания этих взыскательных студентов.

Одним из таких знатоков и был Александр Матвеевич Карамышев, окончивший Екатеринбургское горное училище, Московский университет и Упсальский университет (в Швеции). Под руководством самого Карла Линнея он защитил диссертацию о сибирских растениях и только что опубликовал научную статью в «Трудах Вольного Экономического Общества».

Начались будни учебы.

— Господа студенты! Сегодня я покажу вам созданное мной действие над горными породами.— Так начал очередную лекцию по химии и металлургии Александр Матвеевич.

— Оное действие сводится к приданию прозрачности любому горному телу. Не раз я задумывался на рудниках Урала над проблемой просвечивания тел. Изобретенный мной аппарат пока еще несовершенен. Но вот смотрите...

И Карамышев, быстро сбежав с кафедры, подошел к демонстрационному столу. Сбросив чехол с необычного аппарата, преподаватель установил перед ним кусок серой, невзрачной породы.

— Сей аппарат, господа, просветляет любую породу. В его фокусе я закрепил карбонат кальция, именуемый «известным шпатом». Оную породу я подобрал вблизи города Санкт-Петербурга...

Не было ни треска, ни шума. Казалось, даже сердца студентов перестали биться. От тишины заломило уши. На глазах студентов происходило удивительное превращение: сначала известняк стал пятнистым, затем белесым и, наконец, превратился в идеально прозрачное, как стекло, вещество.

Бурно аплодировали студенты своему преподавателю. А тот, смущенный произведенным эффектом, говорил о значении своего изобретения.

— Сие открытие, если не нам, то нашим потомкам зело будет нужно. Еще мала мощность оного аппарата. Но представьте себе химика и геогноста, вооруженных сим открытием. Я назвал сей аппарат «Просветитель». И металлург, и геогност, и химик усмотрят под землей руды металлов, увидят нутро доменных печей, поймут сущность реакций...

Долго и увлеченно говорил Карамышев.

Студенты не раз прерывали его речь дружными аплодисментами.

Расходясь с лекции, они горячо обсуждали открытие своего преподавателя. Радостно предсказывали большое будущее новому аппарату. Дружно решили содействовать усовершенствованию «Просветителя».

Туман давности закрыл от нас дальнейшее. Известно лишь то, что Карамышев нигде не публиковал данные о своем открытии. Густая тайна скрыла от нас причины происшедшего. Осталось совершенно неясным, почему Карамышев забросил свое открытие.

Даже будучи членом-корреспондентом Петербургской и Стокгольмской академий наук, он не возвращался к этой теме.

Со дня избрания в члены - корреспонденты (в 1779 году) и до своей смерти (1791 года) Карамышев не опубликовал ни одной строчки о «Просветителе».

Лишь в замечаниях и попутных дополнениях к книгам известных минералогов тех времен, пишет А. В. Хабаков, в «Очерках по истории геологоразведочных знаний в России» есть ряд упоминаний о трудах Карамышева и, в том числе, удивительное известие, будто «обер-бергмейстер Карамышев опытом при своих лекциях... доказал, что из всякого непрозрачного «известного шпата» можно удвоящий камень (то есть прозрачный исландский шпат) произвести искусством».

Кто знает, быть может, слово «Просветитель» пугало в ту эпоху кого-нибудь из «власть имущих»? В те годы крестьянская война под предводительством Пугачева, возможно, отразилась на всем, что связано с «просвещением» масс?

В общем, великое изобретение было утрачено.

ДОНОС ПОДСЫЛЬЩИКА. А может быть, дальнейшее происходило так.

«Я, известный Вашему Сиятельству, тайный подсыльщик, по кличке Лихой Вран, сего числа доношу...» — так начинался извет, или донос, сыщика, посланного в Горное училище в 1776 году обер-полицмейстером Санкт-Петербурга.

Лихому Врану было предложено полицией учредить тайный сыск о «Просветителе», якобы рожденном обер-бергмейстером Карамышевым в Горном училище. Требовалось уточнить: что сей «Просветитель» делать может и не будет ли от сего вреда великого государыне, нашей матушке.

Неопытный сыщик проник в Горное училище под видом господина студента. Всем своим поведением и обликом он выдал себя. Поэтому в его доносе следовали горькие жалобы.

«А еще доношу, что господа студенты, напялив на себя машкеры... не один, а сам третей, набежали... били меня, Врана безвинного, до полусмерти... приговаривая: «ты-де, тайный подсыльщик, до нас боле не ходи, а то получишь накрепко дубьем... и бросим тебя, подсыльщика, в Неву-реку...»

Разъярился пресветлейший обер-полицмейстер. Повелел вызвать к себе главного крамольника Карамышева, но так, чтобы сие тайною покрыто было. Вызвали Карамышева не в канцелярию, а в тайный дом петербургского мещанина, тоже одного из подсыльщиков.

— Ты обер-бергмейстер Карамышев? — спросил полицмейстер.

— Точно так.

— Дознано, что ты, господин учитель, похвалялся перед студентами своим «Просветителем»?

— Не делаю тайны из сего,— ответил Карамышев.

— А ведаешь ли ты, что твоим «Просветителем» ущерб может быть нанесен государству Российскому?

— Нет, неведомо мне это.

— А может ли твой «Просветитель» сделать стены прозрачными?

— Если бы усилить его, то может.

— Значит, и подсмотреть можно деяния не токмо человеческие, но и самой государыни?

Задумался Карамышев. Ведь вот куда повернули его

открытие! Мыслил он своим открытием пользу отечеству великую принести. А тут вот что получается.

Не раз после этого вызывали Карамышева на допрос. Дело о его открытии разрасталось. О деяниях сего крамольного учителя говорили шепотом. Боялись, как бы не дозналась государыня.

На тайном совете высших блюстителей решено было взять с крамольника клятву великую, что он забудет все связанное с «Просветителем». А машинку его треклятую, аппарат его мерзкий, бросить в реку Неву в присутствии обер-полицмейстера. Самого же Карамышева отстранить от Горного училища и отправить в Сибирь навечно. Дать ему там хорошее место для прокорма.

Вот так, неожиданно для всех, блестящий молодой ученый в 1779 году покинул столицу и занял место директора ассигнационной конторы в Иркутске, пробыв в этой должности десять лет.

Лишь за два года до его смерти, в 1789 году, ему разрешили заняться любимым делом, но и то только в Сибири. Занялся он поисками руд в зоне Колывано-Воскресенских заводов и императорского кабинета.

ИЗ АРХИВА ГЕНЕРАЛА. У многих моих друзей сохранились с времен войны любопытные реликвии. Одни собирали в те годы фотографии, другие коллекционировали редчайшие издания книг, третьи — рукописи о делах и подвигах людей.

Я люблю просматривать и разбирать фронтовые записки и сопровождающие их документы. Это сама жизнь.

Мой знакомый москвич, генерал-майор в отставке, Иван Иванович Христианов, предоставил мне для ознакомления весь свой архив.

— Посмотрите,— сказал Христианов,— там есть коечто и о ваших земляках-свердловчанах.

Действительно, самым интересным документом в коллекции генерала оказался черновик докладной записки в Комитет по делам изобретений, обнаруженный среди документов лейтенанта Брудова, Сергея Ивановича, убитого в первые дни войны.

На рукописи неровным, торопливым почерком было набросано: «Идем в бой. Если убьют — прошу переслать моей жене Тане. У нее хранится описание аппарата».

— Да,— сказал генерал,— искали эту Таню. Но рукопись вернулась обратно. Тани Брудовой в вашем городе не было. Так и остался этот документ у меня.

«Прошу Вас выдать мне авторское свидетельство,— писал Брудов,— на изобретенный мной аппарат «Интрагеоскоп», позволяющий просвечивать горные породы на глубину до 50 метров. Мое изобретение восстанавливает то, что было открыто в XVIII веке членом-корреспондентом Академии наук А. М. Карамышевым. Но секрет открытия утерян. Его «Просветитель» к тому же был небольшой мощности. Принцип устройства «Интрагеоскопа» и «Просветителя» основан на действии особого типа фокусировки магнитного пучка. После выдачи мне Свидетельства («охранной грамоты») я вышлю описание аппарата. Оно хранится в надежных руках, в запечатанном конверте».

Конечно, из такого краткого описания понять что-либо было невозможно. Мне думается, что по такой заявке Брудову не выдали бы авторского свидетельства. Возможно, он выслал бы описание аппарата, но помешала война.

К черновику записки было подколото несколько листочков, вырванных из дневника наблюдений. Они-то и раскрывают кое-что об изобретении Карамышева — Брудова.

С «ИНТРАГЕОСКОПОМ» ПО УРАЛУ. *Листок первый...* «В биологической партии, к которой во время отпуска я пристроился поваром, было привольно. Пока научный персонал отстреливал дичь, я мог вести свои наблюдения.

Начальный маршрут пролегал в окрестностях горы Калкан на Южном Урале. Лет шестьдесят назад здесь, в одной неглубокой закопушке, достали за месяц девять пудов самородков золота. С тех пор и доныне в этом районе не удалось найти ни грамма золота.

«Интрагеоскоп» просветил окрестности закопушки. Мне удалось засечь несколько скоплений самородков такой же и во много раз большей интенсивности.

Всего в двадцати метрах от закопушки-первооткрывательницы, на глубине от семи до десяти метров, находится гнездо самородков. По самым скромным подсчетам, в этом гнезде не менее ста пудов золота. Один из самородков после его извлечения будет самым гигантским в

мире. Он немного напоминает знаменитую «Плиту Холтермана» — самородок золота из рудника Хилл-Энд в Австралии. Как известно, «Плита Холтермана» была в длину 144 см, в ширину 66 см, в толщину 10 см.

«Калканский великан» (так я назвал его) имеет в длину 237 см, в ширину около метра и в толщину более полуметра. Ничего подобного никто никогда не видел нигде в мире!

Сколько всего золота я просветил «Интрагеоскопом»? Подсчитать трудновато. Во всяком случае я видел не менее тысячи пудов золота! Если его добыть, то доля процента от найденного покроет расходы на изготовление сотен таких же интрагеоскопов, как этот.

Думаю, что государство скоро получит хороший подарок...»

Листок второй... «Они не там закладывали скважину. По заявке геолога на месторождении «Заячий» должна быть медная руда. Рядом, в тальковом месторождении, действительно встречаются великолепные кристаллы медной руды — халькопирита. Содержание меди в такой руде около сорока процентов.

Скважину, оказывается, заложили прямо на выходах бурых железняков, на «железной шляпе». А железняки оказались передвинутыми грунтовыми водами. Это бывает часто. И буровая прошла мимо богатейшего скопления руды.

«Интрагеоскоп» выявил сказочные запасы меди. Линзовидная залежь медной руды достигала в длину 8 километров! Толщина линзы — более километра. Линза оказалась залегающей под углом в 70°. Всю глубину ее «Интрагеоскоп» просветить не мог. Еще маловата мощность этого аппарата. Если считать, что такие линзы залегают на половину длины ее, то залежь должна прослеживаться на четырехкилометровую глубину! Это месторождение будет крупнейшим не только в Советском Союзе, но и во всем мире.

Жаль, что у меня мало времени. Поварские обязанности отнимают значительную часть рабочего дня.

Испортилась сцинцилляционная приставка к аппарату. Временами поэтому ухудшается видимость. По приезде домой надо продумать, какой кристалл в сцинцилляторе будет улучшать видимость...»

Листок третий... «Как хорошо дома, в Свердловске.

Рассказал Тане о поездке. Передал ей описание аппарата, со всеми чертежами. Мне кажется, что у нее все это будет в большей сохранности.

Не удержался и прошел с аппаратом по Свердловску. Самое смешное в том, что нашел залежи медной руды под зданием геологического факультета Горного института!

Мне рассказывали, что студенты там бурили учебные скважины и однажды встретили прожилок медной руды трехсантиметровой толщины. Руду выкинули. И все.

Оказывается, руда залегает под зданием! К сожалению, во время моего маршрута в здании работали какие-то аппараты, ухудшившие поле зрения.

Вторую точку я обнаружил на плотине, в самом центре Свердловска *. В этом месте еще со времен заложения города располагался завод. Проникнуть на его территорию мне не удалось. Но руда здесь есть...»

ВНОВЬ УТРАЧЕНО. Каков же итог ознакомления с архивными документами? Дважды было сделано величайшее изобретение. И дважды оно было утрачено.

Ясно, что Карамышев и Брудов использовали какие-то не известные пока науке свойства магнитных полей. Именно с фокусировкой их связано, например, будущее всей энергетики мира. Только в магнитном поле можно удержать ядерные реакции, которые откроют миру новую страницу получения дешевой электроэнергии.

С фокусировкой магнитных полей связан и аппарат Карамышева — Брудова.

Конечно, все то, что мы знаем об этом аппарате, явно недостаточно для его реконструкции. Придется, видимо, открывать в третий раз.

Остановимся подробнее на открытии Карамышева.

Итак, допустимо ли в принципе, что почти двести лет назад удалось сделать открытие, сущность которого осталась тайной и для двадцатого века?

На первый взгляд, может показаться, что это невозможно. Восемнадцатый век и век двадцатый — какая потрясающая разница в уровне знаний и могуществе техники! И чтобы за двести лет ученые не набрели на принцип,

---

* Примечание автора. В наши годы в точке, указанной Брудовым, располагается «Аллея геологов». Здесь разбит парк. Выставлены крупные глыбы горных пород.

который использовал Карамышев... А открыв все это заново, вновь потеряли. Нет, это немыслимо.

Не будем, однако, спешить с окончательными выводами. Посмотрим вначале, а нет ли подобных примеров в других областях техники.

Вот уже триста лет, как существуют телескопы. Над их усовершенствованием думали поколения ученых, да и принцип их работы основан на оптике — одной из самых давних, хорошо разработанных отраслей физики. Тем не менее двадцать с лишним лет назад произошло выдающееся событие: советский ученый Д. Д. Максутов создал принципиально иной, чем раньше, менисковый телескоп. Но самым потрясающим оказалось то, что менисковый телескоп, как выяснилось, вполне мог быть создан... в семнадцатом веке! Об этом с удивлением писал сам Максутов...

Оптика вообще и теория телескопов в частности были, казалось, одной из наиболее «исхоженных» областей науки.

Другой пример. Гальваническому элементу немногим более полутораста лет. Но создать его могли еще древние египтяне — для этого у них были все необходимые материалы. Кстати, не так давно при раскопках в Месопотамии найдены устройства, подозрительно похожие на гальванический элемент...

Опыт истории показывает, таким образом, что открытия и изобретения, запоздавшие на века, не столь уж большая диковинка. В общем, такие случаи бывали.

Даже с Ньютоном, который, как выяснилось недавно, проглядел одну чрезвычайно важную закономерность.

На твердую плиту падает шарик. Падает и отскакивает, снова падает и снова отскакивает, но уже, естественно, на меньшую высоту. Закономерности, присущие этому процессу и зависящие, понятно, от материала соударяющихся тел, как раз и были описаны Ньютоном. Вычисленные им так называемые коэффициенты вошли затем в инженерные расчеты, и последующие поколения лишь уточняли найденные им значения применительно к вновь открытым.

Но, как это ни странно, никому в голову почему-то не пришла мысль: может быть, коэффициенты восстановления скоростей зависят не только от материалов, но и от формы соударяющихся тел?

Мысль простая и очевидная. Тем не менее на эту мысль исследователи набрели почти случайно! Однажды доктор технических наук Е. Александров столкнулся с непонятной ситуацией: новая бурильная машина была рассчитана и построена абсолютно безупречно, а работала тем не менее куда хуже, чем ожидалось. Начав выяснять причину столь странного парадокса (а подобные парадоксы, кстати, случались и раньше), ученый и не подозревал, что ему в конце концов придется пересмотреть классические работы Ньютона. Свое открытие Е. Александров сделал всего лишь два года назад...

Нет, Карамышев, безусловно, мог случайно набрести на метод, мимо которого прошли исследователи последующих веков! Это тем более возможно, что техника просвечивания тел — интроскопия — возникла совсем недавно. И не случайно, что перед Великой Отечественной войной вновь эта идея заинтересовала Брудова.

Здесь в пору развеять возможные недоумения, касающиеся научной стороны проблемы «видения сквозь камень».

Дело в том, что непрозрачных тел в принципе не существует. Когда мы говорим, что такой-то материал непрозрачен, это означает только одно — он непрозрачен для световых волн и, следовательно, для нашего взгляда. Только это. Туманная дымка непрозрачна для видимого света, но инфракрасные лучи пронизывают ее. Становятся прозрачными: человеческое тело — для рентгена, стальная пластинка — для гамма-частиц, земной шар — для нейтрино. Следовательно, задача сводится, во-первых, к оптимальному подбору проникающих излучений, а, во-вторых, к конструированию систем, преобразующих невидимые волны в зримое изображение.

Примером такого устройства может служить экран рентгеновской установки. Эти две задачи и решает не без успеха современная интроскопия, которая ныне может продемонстрировать опыты, даже более эффектные, чем эксперимент Карамышева.

Но раз это так, значит, нечего и огород городить? Пусть спят в забвении древние бумаги, нечего волноваться из-за какого-то странного опыта — двадцатый век, пусть с опозданием, и здесь все постиг.

Все правильно, за исключением одного существенного обстоятельства. До нас не дошли описания конструкций

аппарата Карамышева — Брудова. Имеется лишь упоминание о том, что в основу был положен принцип прохождения сквозь тела магнитных полей.

Магнитное поле широко используется для обнаружения в металлических изделиях «незримых» дефектов. Но чтобы магнитное поле делало прозрачной горную породу?! О таких опытах никто не знает.

Вот в чем загвоздка...

Разумеется, магнитное поле легко и свободно проходит сквозь известняк, да и любую горную породу. Но от этого она не становится прозрачной.

Что же тогда мог открыть Карамышев? Что лежало в основе опытов Брудова? Неизвестный нам эффект магнитного поля, благодаря которому в веществе горных пород происходит коренное изменение структуры и оно становится прозрачным?

Вряд ли. Вопрос «почему?» увел бы нас далеко в дебри кристаллохимии и термодинамики, и мы его обойдем. Здесь теория не то чтобы начисто запрещает столь привлекательное решение проблемы «видения сквозь камень», но делает его крайне маловероятным. Логичней предположить, что Карамышеву, а затем Брудову удалось каким-то способом создать систему, преобразующую пропущенный сквозь горную породу магнитный пучок в видимое изображение.

НАУКА И ПРАКТИКА. Что было бы, если бы этот аппарат стал известен науке еще со времен Карамышева? Я не ошибусь, если отвечу так: вся геология была бы иной.

Не секрет, что геология полна противоречий. Порой мы, проникая в недра, поражаемся раскрывшимся нам тайнам. Порой же удивляемся отсутствию информации по кардинальным вопросам строения Земли.

Практические достижения геологов огромны. Вскрыты богатейшие залежи ценного минерального сырья. Промышленность многих стран обеспечена полезными ископаемыми «по потребности». Но научные достижения в вопросах происхождения Земли, древних этапов ее развития, законов возникновения многих горных пород еще настолько противоречивы, что по всем этим проблемам ведутся бесконечные споры, высказываются гипотезы, взаимно исключающие друг друга...

Аппарат Карамышева — Брудова удалил бы много неясного из геологической науки.

В наш XX век, в эпоху покорения космоса, в эру проникновения в тайны строения атома, мы, геологи, часто ведем исследования так же, как и во времена царя Петра, рекомендовавшего при изучении залегания руд «наружный сыск и в ямы лазание». И мы, наряду с использованием сложнейших геофизических аппаратов, с применением буровых, роем шурфы, используя при этом только мускульную силу рабочих.

Да и наблюдения с помощью скважин — это точечные уколы. Скважина может пройти рядом с рудной залежью, и мы не узнаем об этом.

Есть, правда, сейчас у геологов скважные магнитометры, которые позволяют оценить присутствие некоторых руд в нескольких метрах (реже в десятках метров) от забоя скважины. Но все это было бы гораздо полнее, если бы мы могли видеть то, что скрыто от нас поверхностными наносами, растительностью и почвой.

Вот и ведутся многочисленные исследования, нередко повторяющие и перекрывающие друг друга. Часто в год на одну и ту же точку съезжаются десятки исследователей!

Как же восстановить изобретение Карамышева?

Мало надежды, что где-то в архивах лежат записки изобретателя. Нужно ли вообще идти по следам открытия Карамышева? Не напрасная ли это трата времени?

Нет, не напрасная. Ведь задача не в том, чтобы повторить работу. Важно совсем другое. У американского фантаста Реймонда Джоунса есть рассказ под названием «Уровень шума». В нем описан такой случай. Группе талантливых физиков сообщают, что некий изобретатель создал портативный антигравитационный аппарат. К сожалению, при испытаниях сам изобретатель погиб: с его смертью погиб и секрет великого изобретения. Первая реакция ученых: изобретения не было, оно невозможно, так как антигравитация запрещена законами природы! Им представляют документы, неопровержимо свидетельствующие, что антигравитация была открыта... Ученые лихорадочно начинают думать, где и что они проглядели в законах природы? И... открывают антигравитацию.

Подмечено психологически верно: несравненно легче

создать что-то, о чем уже было когда-то известно. Ведь если это что-то было, существовало, но почему-либо забыто, потеряно — значит, оно возможно. Как часто новое — это забытое или потерянное старое.

ОТЗОВИСЬ, ТАНЯ! Но, может быть, еще не все потеряно? Ведь в приписке Брудова сказано, что все чертежи и описание аппарата находятся у его жены Тани. Надо найти ее!

Мне, жителю Свердловска, найти Таню казалось несложно. Но, когда я пришел в дом Брудова, выяснилось, что в нем переменился (да не раз) состав жильцов.

Начались поиски. Адреса «выбытия» в домовой книге не всегда совпадали с истинным местонахождением прежних жильцов. Многих вообще не оказалось в живых.

После долгих поисков, описание которых заняло бы многие тома, удалось выяснить следующее.

— Да, действительно, жил в этом доме холостяк Брудов Сергей Иванович.

— Был он выходец из детдома. Родственников не имел. Знакомых назвать не можем.

— Работал учителем географии в средней школе (я побывал и там, но состав преподавателей также обновился. Из тех, кто был знаком с Брудовым, никто не мог рассказать мне о его увлечениях).

Кто-то из жильцов вспомнил девушку Таню, с которой иногда видели Брудова. Одна из старушек сказала, что Брудов и Таня «не венчаны».

Круг замкнулся. Найти Таню или получить о ней хоть какие-нибудь сведения не удалось.

Осталась единственная тоненькая ниточка: кто-нибудь — либо Таня, либо ее друзья или знакомые — прочтет написанное. Они увидят, что очень-очень важно для прогресса Человечества найти описание аппарата, изобретенного Брудовым.

Отзовись, Таня!

После первой публикации этой повести (в журнале «Вокруг света») я получил много писем. Читателей взволновала судьба изобретения. Они советуют, что делать дальше.

Вот пенсионерка из Читы Л. Сергиевская говорит: «Думается, что преподаватель Горного училища Кара-

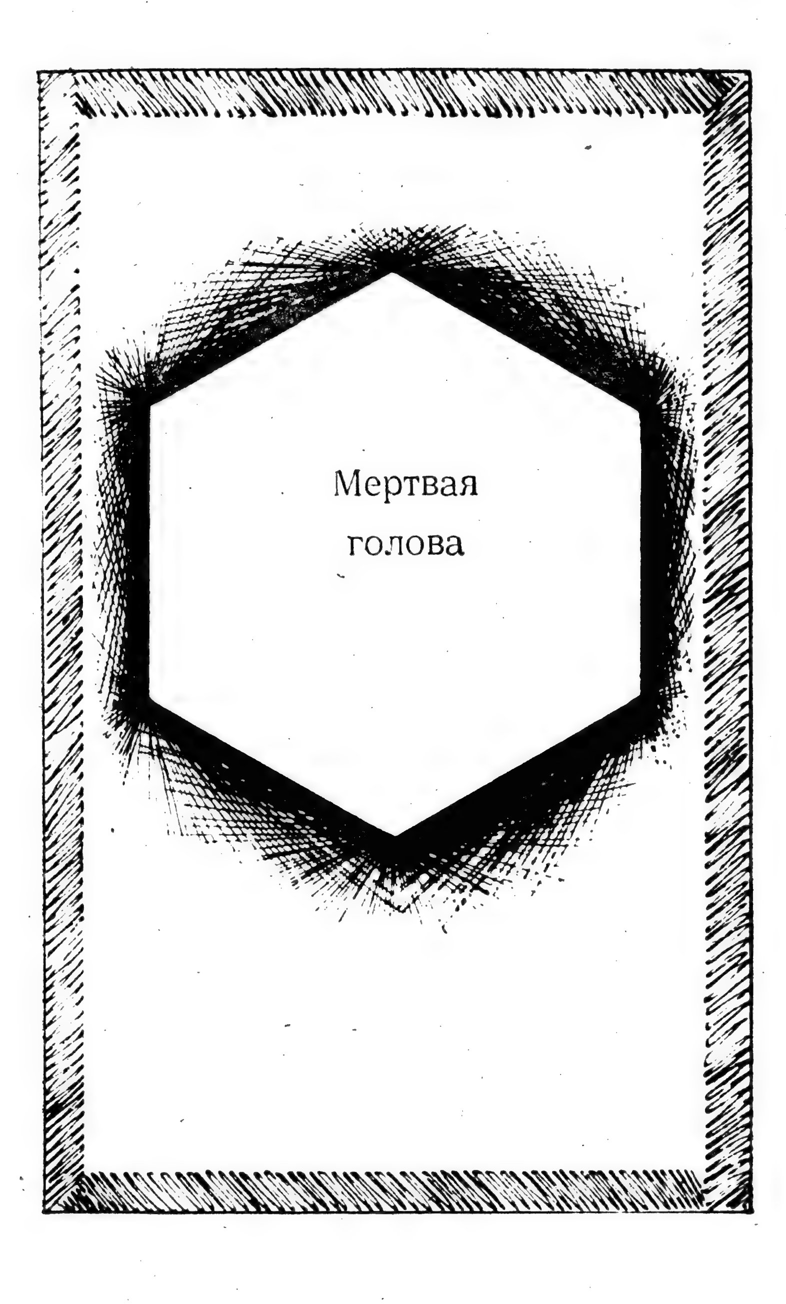
мышев задел за живое религиозное учение о незыблемости созданного богом мироздания... Поэтому, предположительно, следует искать бумаги в архивах духовного ведомства С.-Петербурга и Иркутска».

Другой читатель: инженер В. Синий, из Брянска, заинтересовался проблемой видения через горные породы потому, что он сейчас занят исследованием магнитного токо-вихревого метода для обнаружения дефектов в металле. Доработать прибор так, чтобы с его помощью просматривать горные породы, — несложно. Он считает, что магнитные потоки Брудовым преобразовывались в электрические сигналы, а затем посылались на люминесцентный экран.

Инженер Синий согласен, что «если изобретение было сделано, значит, оно может быть повторено. Значит, оно будет!»

Вот тогда мы и будем заново строить геологическую основу поисков и разведки месторождений полезных ископаемых. Их мы будем видеть без бурения скважин, прямо с поверхности почвы.

И, конечно, надо разыскать Таню.

Мертвая
голова

В руках у меня обычная записная книжка. Ее оставил в транзитном самолете мой попутчик — тоже геолог. Знакомясь, он сообщил, что зовут его Терентием Яковлевичем. Фамилию пробормотал невнятно. Сообщил, что едет в Восточную Сибирь. Куда? — сам не знает. Уточнит «точку приземления» после объезда ряда партий. Что ищет? — это не секрет. Золото. Он только что начал работать в золотой промышленности.

А дальше случилось вот что. Наш самолет из-за грозы приземлился в Казани. На аэродроме Терентий Яковлевич встретил своего знакомого, с которым рассчитывал поговорить в Иркутске. Поэтому он решил пока не продолжать полет, а выяснить с товарищем все, что его интересовало.

Уже в воздухе, далеко за Казанью, я обнаружил на его месте вот эту записную книжку. Конечно, ее надо вернуть. Но кому, как и куда? Не объявлять же в газетах или по радио о находке, называя человека только по имени и отчеству.

Мне, право, неприятно, но вынужден сознаться, что я заглянул в записную книжку, рассчитывая найти в ней нужные координаты. Полет был длительным, и у меня оказалось много свободного времени для изучения содержания книжки.

Нет. Никаких примет там не было. Если оставить книжку стюардессе, записки пропадут в комнате забытых вещей. А записи интересные. Наиболее значительные из них заслуживали публикации.

Это оказался дневник Терентия Яковлевича, по которому можно было проследить поиск метода, важного для народного хозяйства, а также моменты зарождения идеи, сомнения и находки...

Думаю, Терентий Яковлевич не обидится, если я опубликую его записки, не претендуя на авторство. Обязуюсь в любой момент возвратить ему записи.

Быть может, кто-либо, из прочитавших эти записки, пойдет тем же путем поиска, по неведомым тропам познания...

УДИВИТЕЛЬНАЯ МЕТАМОРФОЗА. Лето и осень 1964 года. Стремление записывать свои мысли возникало у меня не раз. Почти всегда от этого отвлекало обилие записей, которые приходится делать на работе, не рас-

ставаясь с авторучкой. В поле ведем дневник наблюдений. Зимой в камералке обильны записи результатов обработки. Поэтому все время откладывал на будущее свои записки.

И вот в начале отпуска (кстати, впервые в жизни летнего) здесь, в одном из районов Южного Урала, я наконец-то начинаю вести записи.

Поводом послужил... червяк, точнее гигантская гусеница, длиной сантиметров пятнадцать. Поймал я ее вблизи картофельного поля, на опушке леса, на листьях папоротника.

Гусеница была необычайно пестрая: желтая, зеленая, с темно-синими полосами-разводами. Осторожно я положил ее в коробку из-под папирос, выбросив осыпавшиеся остатки табака.

Только глубокой осенью я вновь подумал об этой находке. В сумерки раздался в комнате странный писк. Я подошел к окну, где у меня навалом лежали и образцы горных пород, и диковинные коренья. Звук шел из папиросной коробки. Оказывается, моя гусеница успела окуклиться, пройти все тайны метаморфоза и стать великолепной красавицей бабочкой. Своим писком она настоятельно требовала свободы.

Это была огромная ночница, с желтыми и черными разводами на темно-буром брюшке, крыльях и спинке. Привлекал внимание странный знак на спине бабочки. Там, между крыльями, отчетливо вырисовывалась мертвая голова, рисунок черепа, с глубокими глазницами.

И в голову полезла всякая чепуха, не предназначенная для научных записей. Вспомнились старые сказки о нечистых силах, охраняющих подземные сокровища. Может быть, вот я — человек второй половины двадцатого столетия — встретился с одним из «нечистых»?

Конечно, я понимал, что все это — чушь. Никаких «нечистых» не имеется в природе. Есть только стремление как-то объяснить непонятное. Оно и порождало во все века подобные сказки.

Ведь всем хорошо известно, что выходы на поверхность горючих самовозгорающихся газов породили те сказки, которые так великолепно описал Гоголь в своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки». А сейчас на месте всей этой чертовщины вскрыты богатые залежи необходимого для промышленности сырья. Вот и не верь после

этого «чертовщине»! Надо уметь только выделить главное от наносного.

А что если с этой точки зрения подумать немного о корнях сказок, о «нечистых», хранящих подземные сокровища? Не найду ли я в легендах какое-либо рациональное зерно?

ЗА ЛЕГЕНДОЙ. *6 января.* Любопытно, из справочников я узнал, что Мертвой голове не положено быть на Южном Урале. В СССР район ее обитания ограничен Предкавказьем и Закавказьем. Может быть, появление ее здесь связано с какими-то особенностями в строении почв и горных пород? Надо посмотреть.

23 марта. Оказывается, Мертвая голова действительно влияла на психику людей. В Западной Европе ее появлением пытались объяснять даже эпидемии.

Мертвую голову помещали, судя по легендам, в число той «нечисти», которая мешала охотникам за кладами. Эта бабочка якобы сбрасывает свои чешуйки в глаза людям, верящим в нечистую силу. Человек от таких чешуек, по одним данным, слепнет, по другим — засыпает.

В какой-то мере здесь отразились древнегреческие легенды о боге сна Гипносе. Его даже рисовали с крыльями бабочки на голове.

17 апреля. Я представляю переживания охотника за кладами. Вот он, наслушавшись рассказов о дьяволе — ловце человеческих душ, о чертях, ведьмах и чертенятах, начитавшись всего до отказа, отправляется в путь. Темная ночь. Только изредка сполохи освещают дорогу. Он ищет «разрыв-траву», которая укажет ему место клада.

А там... и воображение рисует скопление слитков золота, россыпи драгоценных камней... Они переливаются всеми возможными красками: васильково-синими, изумрудно-зелеными, малиново-красными...

Охотник за кладами уже видит перед собой все эти сокровища... Но вот его лица касается что-то мягкое, крупное... Оно пищит странно и необычно... Черт!.. Вспышка молнии — и в глаза бросается Мертвая голова со скрещенными внизу костями. Вот когда вымысел приобретает зримые черты. Конечно, в результате — шок и обморок.

2 мая. Для чего я обо всем этом пишу? Точно смакую. Словно сам собираюсь искать клад и, соответственно, настраиваю себя.

А почему бы и не поискать! Нужно только отбросить все наносное. В наши дни не до чертовщины.

Что во всем этом рациональное? Связь появления различных животных со скоплениями полезных ископаемых настолько бесспорна, что об этом знает каждый школьник. Еще теснее связь полезных ископаемых с растениями. В Западной Европе известны скопления золота в связи с зарослями жимолости...

5 мая. В том месте, где я поймал гусеницу Мертвой головы, были кустарники. Если мне память не изменяет, это была жимолость. А по справочникам Мертвая голова гнездится либо на картофельных полях, либо на дурмане, либо на жимолости! Ведь это прямое указание на связь с золотом! Придется проверять!

7 мая. Недалеко от места находки известна заброшенная точка. Лет 30 назад в ней выбрали десяток крупных, почти пудовых самородков золота!

Конечно, в наши дни это немного. Важен факт наличия золота. Нам сейчас нужно такое скопление, чтобы разрабатывать его с применением техники. Чтобы запасов хватило лет на 25. А это значит — надо иметь здесь не менее тысячи тонн металла.

9 мая. Сегодня пересматривал свои планы на лето. Добился у начальства разрешения пройти маршрут в зону скопления самородков. Конечно, я ни звука не говорил ни о Мертвой голове, ни о нечистой силе. Засмеют. Житья мне потом не будет.

СО СПЕКТРОСКОПОМ НА СКАЗКУ. *Июль, 1965.* Меняются времена, мне не нужно, как гоголевским героям, ждать очередного праздника Ивана Купала. В погоне за кладом я не должен пробираться в глухую полночь к таинственному цветку, растущему только в глубокой пади...

Охота за многими подземными сокровищами сейчас превращена в довольно утомительную и однообразную работу. В задачу нынешнего «кладоискателя» входит сбор прошлогодней травы и сухих опавших листьев. Можно вместе со всем этим брать немного и землицы. Таких проб надо взять тысячи. Отбирают образцы по

определенной сетке, намеченной на плане еще зимой в кабинете.

Отсутствие свободного времени заставило меня выбрать самый неудачный вариант. Мы с коллектором должны были отобрать образцы не по сетке (как это положено), а по крестовине, через 50 метров друг от друга. Центр крестовины я наметил в той зоне, где была поймана гусеница Мертвой головы.

В полевой лаборатории все собранные нами образцы сожгут в горелке спектроскопа. Разница в стотысячных долях процента содержания золота в пробах покажет, куда направить шурфовку. Для удобства все эти данные на плане обводятся линиями, соединяющими одинаковые значения содержания золота в пробах. Все это элементарно просто. И я с нетерпением стал ждать результатов анализа.

1 августа. Ну и чудеса! Пришел лаборант и сообщил, что спектроскоп «взбесился». Вместо стотысячных долей процента он стал показывать какую-ту несусветную чушь. Фон в пробах исчисляется сотыми(!) долями процента. Если спектроскоп не врет, мы наткнулись на богатейшее месторождение золота.

Придется ехать за новыми пробами. Семь раз отмерь, один раз бухни в колокол (так, кажется, гласит пословица, если я ее не переврал).

27 августа. Снова удалось побывать на нашей точке, которую мы для удобства зовем «Мертвой головой». Пробы отобрали по более густой сетке. Посмотрим, что будет.

15 сентября. Наверное, во все мои дела вмешался черт! Бешеные содержания золота в новых пробах повторились!

Срочно нанес на план все показания спектроскопа. Центр месторождения находится в зоне находки гусеницы. Здесь, страшно сказать, было несколько проб с содержанием металла в 0,1%!! Это значит, что сама трава и сухие листья — уже месторождение. Их можно сжигать, и получать золото из золы.

Наметилась еще одна особенность. Там, где по геологической карте происходит резкая смена пород, где конгломераты сменяются известняками, в пробах появились привычные стотысячные доли процента золота. Следовательно, вся золотоносность приурочена к мощ-

ным конгломератам, выходящим здесь на поверхность! Получается что-то похожее на южноафриканские золотоносные конгломераты Витватерсранда. В них столько золота, что половина мировой добычи этого металла в капиталистическом мире приходится на долю ЮАР. Разница с моей находкой в том, что витватерсрандские конгломераты дают максимальную золотоносность на глубинах в 2—3 километра, а у меня — приходи, нагребай золотоносную породу прямо с поверхности!

ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? *17 сентября.* Тысячи «почему» не давали мне покоя. Что произошло? Почему гусеница появилась в районе месторождения золота и кустов жимолости?

Какая здесь зависимость явлений?

И еще. Как я расскажу в экспедиции о происшедшем? Как я там все объясню? Ведь меня расспросят с пристрастием и потребуют дать ответ на вопрос — почему я не докопался до истины?

Нет, лучше я помолчу и займусь выяснением случившегося. Но для этого надо посмотреть месторождения золота не только на Урале...

1 октября. Продолжаю читать сказки.

В них бывает так. Взял человек цветочек, приложил его к земле и из развернувшейся кладовой черпал сокровища.

В сказках иногда для этой цели берут не цветок, а другие предметы. Водонос и мавр из известной легенды В. Ирвинга о завещании мавра зажгли свечу и прочли заклинания. Тут же открылась глубокая пропасть в скале. В подземелье оказалась кладовая сокровищ.

Мои сокровища каким-то образом связаны с местом обитания Мертвой головы. Событие произошло именно там.

Если бы я поверил сказке, ко мне в руки в ту ночь, точнее в сумерки надвигающейся ночи, залетел бы необычный огнецвет.

Вдруг появилось пламя, небольшое, но яркое. Это был настоящий огненный цветок, полыхавший и двигавшийся внутри куста жимолости... Я подошел ближе, но пламя отодвинулось от меня на прежнее расстояние. Еще несколько шагов — и я мог схватить этот огненный цветок... Только я приблизил руку, как пламя потухло...

Я оглянулся, и вдруг огнецвет коснулся моей руки. Это был эфемерный комочек трепещущего вещества. Вблизи огнецвет был небесно-голубым.

Снова «вдруг» цветочек вырвался из моих рук и, пролетев немного, упал на землю, прочертив небольшую борозду. Прочертил и исчез. Земля в зоне борозды расступилась. Образовалась канавка, глубиной в полметра. Земля в канавке странно светилась. А на осыпающейся части желтели небольшие комочки желтого вещества.

Я взял несколько этих комочков. Они были тяжелыми.

Золото!

Ну, а потом земля осыпалась, бороздка выровнялась. И местность приняла прежний вид.

Но все это — сказка. О таком, конечно, никому не расскажешь.

Жизненный код

НЕОЖИДАННЫЕ СИГНАЛЫ. Точка, точка, тире, тире...— каскад огненных вспышек... Перерыв в передаче... И снова на бешеной скорости лавина прерывистых бликов...

Машинально рука реагировала на сигналы. Принцип автоматизма, привычка к мгновенной реакции на сигналы морзянки, безразлично звуковые или световые... И вот в записной книжке запись русскими буквами, сочетающимися с цифрами невозможной абракадабры.

Что это? Сейчас в центре непонятного оказался я сам.

Настораживала сама обстановка. Я находился в пограничной зоне. Внизу, прямо подо мной, пролегала по долине реки знаменитая контрольная пограничная полоса. Возможно, она во всех странах однотипна. Неширокая зона распаханной земли. Перепрыгнуть через нее нельзя. Даже олимпийский рекордсмен обязательно оставит след. А дальше след возьмут пограничники... И все пойдет так, как в приключенческом романе.

Сигналы, записанные мной, были с того берега реки, из капиталистического лагеря.

Не успел я осмыслить происшедшее, как меня остановили властные слова:

— Стойте. С вами говорит старшина Овчаренко. Предъявите документы.

Коренастый старшина, как мне было известно, прибыл на днях на заставу, чтобы поделиться опытом по охране границы. Он видел меня в кабинете начальника. Несмотря на это, он внимательно сличил фотографию на пропуске с моей персоной. А потом, откозыряв и вернув документы, доверительно сказал:

— Иначе нельзя. Извините за строгость контроля. Служба. Тем более что на наших глазах произошло явное нарушение границы.

Я молча протянул пограничнику листок с записью сигналов, вырвав его из записной книжки. Лицо старшины осветилось радостной улыбкой.

— Записали, успели? Это хорошо. Кое-что и мы сделали. Засекли точку передачи. Не возражаете, если мы вашу запись приобщим к делу?

И не дожидаясь ответа, старшина спрятал в нагрудный карман мой листочек. Откозырнул. И мгновенно исчез.

Только тут я пожалел, что не оставил себе копии передачи. А потом подумал, что, пожалуй, хорошо сделал. Пусть это делают те, кому ведать надлежит. Я и так помог им своей записью.

ДВОИЧНИКИ И ТРОИЧНИКИ. Прошло два года. Пограничный инцидент с сигналами из-за рубежа забылся. И, может быть, память начисто стерла бы этот эпизод, но однажды ко мне на работу явился все тот же Овчаренко. Его принадлежность к воинскому сословию выдавали молодцеватая выправка, четкое формулирование фраз. Хотя одет он был в штатский костюм.

Овчаренко сообщил, что записанную мной шифровку передали лучшим шифровальщикам страны. Работа была невозможно трудной, и специалисты отказались что-либо сделать. Установлено лишь, что в основе кода заложена двоичная система, близкая к обычному коду, применяемому в счетно-решающих устройствах кибернетических машин. Близкая, но не тождественная, чем-то принципиально отличающаяся от всех систем, применяемых в каком-либо государстве.

Я смотрел на своего собеседника. Слушал. Невольно вспоминались подробности того эпизода, когда я был ошеломлен каскадом световых вспышек. Я ведь в то время интересовался какими-то минералами. И сейчас не мог вспомнить, какими именно.

А мой гость продолжал:

— Недавно на одном из участков дальневосточной границы произошло такое же событие. Установлено новое нарушение.

Овчаренко деловито развернул карту одного из участков Дальнего Востока. Установил нарушение границы рядовой сверхсрочной службы Анатолий Тюлькин. Он мгновенно бросился к месту нарушения. Оно оказалось на нашей стороне, тщательно обследовал место, откуда шла сигнализация, и обнаружил там только вот это.

Овчаренко передал мне тщательно завернутый в бумагу пакет. В нем оказался хорошо ограненный прозрачный кристалл обычного кальцита.

— Командование поручило мне,— продолжал Овчаренко,— связаться с вами, получить от вас определение породы и выслушать ваши соображения о происшедшем.

Не использован ли этот кристалл как своеобразный передатчик?

Овчаренко сообщил мне свой номер телефона и направился к выходу, уже у двери он бросил заключительную фразу:

— Да, запись шифровки из Дальневосточной зоны оказалась в другом ключе. Она смонтирована на троичной системе, абсолютно не применяемой ни в одной из шифровальных служб. Не заложен этот принцип и в кибернетических установках.

После его ухода я стал пересматривать свои записи первой встречи с Овчаренко. Вспомнил детали сегодняшнего разговора с ним, и мне стало ясно, что командование ошиблось, направив Овчаренко ко мне на консультацию. При чем здесь я, геолог, случайно записавший шифровку? Нет, надо выкинуть из головы все это, позвонить Овчаренко и сказать ему о моем отказе.

Я уже взялся за телефонную трубку, как под руку мне что-то подвернулось. Это был кристалл кальцита с места второй передачи. Надо его посмотреть, а потом звонить Овчаренко. Вообще-то и смотреть не на что: кальцит как кальцит. Разве только может привлечь его идеальная прозрачность? И все-таки я решил пока не звонить и еще раз взвесить все обстоятельства.

НЕ ИЗ КОСМОСА ЛИ? Сведения о таинственных сигналах получили гласность. Оказывается, мы с Овчаренко ошибались, думая, что сигнализация проводилась шпионами. За рубежом зафиксированы были подобные же передачи. Сигналы шли в зонах, далеких от государственных и иных границ. В печать попали даже записи шифрограмм, весьма сходные с двоичными и троичными системами уловленных нами передач.

Вся мировая печать включилась в публикацию фактов о новых передачах. Сигналы улавливались по всему американскому континенту, в Австралии, в Африке... Один из сеансов был записан даже в Антарктиде.

Замечена была даже одновременность некоторых передач, записанных разными людьми на различных континентах. В некоторых странах стали издаваться специальные научные журналы, в которых систематически освещались подобные факты. Им пытались дать объяснения.

Сначала была модной гипотеза, связывающая сигналы-вспышки с летающими тарелками. И сразу последовал град сообщений о том, что даже видели, как одна тарелка сигнализировала другой и та повиновалась сигналам.

Пыл этой гипотезы охладило сообщение одного немецкого фермера, описавшего вблизи Цюриха случай четкой светосигнализации, проводимой двумя трехлетними мальчиками, использовавшими для этой цели зеркала.

Главную гипотезу высказал американский астроном Аллан Куперман. Он сообщил о связи глобальной, межконтинентальной сигнализации с космическими явлениями. Ему удалось трижды наблюдать связь земной светосигнализации с ритмическими сигналами от далекой звезды.

Открытие Аллана Купермана вновь взбудоражило всю прессу.

— Это голос братьев по разуму,— пестрела одна группа заголовков на центральных полосах газет.

— Надо срочно раскодировать сообщения и послать ответ в космос на языке космян,— требовали горячие головы.

— Нет, не надо посылать им ответных сигналов!— возражали осторожные люди.— Они вышлют команды поработителей. Земляне не должны быть рабами космян!

Астрономы повели лихорадочные поиски. Устанавливались новые взаимосвязи сигналов. Чего только не писали в газетах!

— Обнаружена связь между появлением саранчи и сигналами.

— Больные ревматизмом и сложными полиартритами предсказывают время начала сигнализации.

— Установлена связь тихоокеанских цунами со светосигнализацией.

Выступали и шифровальщики. Иногда кибернетические установки давали решения, кажущиеся правдоподобными. Кто-то обнаружил связь шифра с текстом 187-й страницы романа Достоевского «Идиот»...

НОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ. Я продолжал все время думать о световспышках. Каждый новый факт заставлял глубже и глубже вникать в вопросы причинности этого

явления. Невольно пришлось встать на обычный путь осмысливания непонятного.

Каждый, кто пытался проникнуть в корень какого-либо вопроса, всегда начинал составлять картотеку. На форматный листочек выписываются по определенной системе все новые и новые факты. Затем происходит неизбежное: количество переходит в качество. Сами факты подсказывают обобщенный вывод.

И вопросы на карточках казались сначала стандартными:

Кто видел световспышку?

Когда она произошла?

Какие явления сопровождали событие?

Кто (или что) сигнализировал?

Записан ли код сигнализации?

Не отмечено ли что-либо необычное при записи?

Составление такой картотеки стало моим хобби. Так же, как любой коллекционер, я радовался пополнению своего собрания. Новый экспонат занимал должное место среди подобных ему карточек.

Само собой возникло стремление нанести на карту мира все точки световспышек. Сюда же специальными условными знаками я стал наносить и все, что сопутствовало световой сигнализации.

Сами собой выстроились на карте сигналы двоичников. Отдельный цвет получили троичники.

Первый из троичников лег на карте рядом со значком кристалла кальцита. Тут же легли и дополнительные данные о кристалле. Самым существенным из характеристик кальцита была система его естественной огранки. Кальцит принадлежал к так называемой тригональной системе. У него главной была ось третьего порядка. Это, значит, кристалл нужно повернуть вокруг его главной оси так, чтобы за период его полного обращения произошло трехкратное совмещение граней.

А там, где были сигналы двоичников, оказались кристаллы, имеющие оси только второго порядка!

Так ведь это и есть ключ к шифру!!!

Вот и пришло долгожданное качество, выросшее из накопленных фактов.

Не торопиться! Полученный вывод надо проверять, проверять и проверять.

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА. Все же я позвонил Овчаренко. Тот весьма охотно согласился встретиться со мной и посмотреть мое новое увлечение.

Попросил разрешения быть с товарищем.

Я с нетерпением ждал прихода гостей. В любом деле надо обязательно кому-то все рассказать. До сих пор я еще ни с кем не делился своими мыслями.

Товарищем Овчаренко оказался пожилой, высокий, немногословный человек. Он коротко кивнул, знакомясь, назвался Александром Ивановичем. Фамилию произнес невнятно.

Я немедленно приступил к демонстрации своей картотеки. Рассказал, как трудно добывать зарубежную информацию. Развернул карту.

Внимательно выслушав мой рассказ, собеседники отметили, что я их обогнал. Они тоже составляли картотеку всех случаев, и даже сразу отметили, что я пропустил два или три сообщения. Но вот этой неожиданной для них связи с кристаллографической огранкой они не учли.

— Ну те-ка, расшифруйте новый случай,— сказал Александр Иванович, передавая мне свою карточку с новой шифрограммой. — Только что передали по испанскому радио. Там, в Арагоне, зафиксирован новый шифр.

Арагона. Солнечная Испания. Только там встречаются удивительные кристаллы кальцита. Они имеют необычную даже для кальцита огранку. Это — двенадцатигранники. Такие кристаллы долго были загадкой даже для минералогов, пока они не доказали, что подобные кристаллы возникают в результате неоднократного двойникования обычных трехгранников.

И тут я пошел, как говорится, ва-банк. Не беря в руки протянутого мне листка, я как можно спокойнее заявил: — Наверное, в основе шифра здесь будет двенадцатиричная система?

Пришла очередь удивляться моим гостям.

— Представьте, так. Действительно, этот новый сложный код подчинен двенадцатиричной системе, — почти одновременно и хором ответили они.

— Ну, уж это прямо проверка боем, — добавил Александр Иванович. — Пожалуй, пора докладывать командованию.

Условившись о времени встречи, мы стали прощать-

ся. Задержав своих гостей, я подал им сросток кристаллов кальцита, взяв один из лучших образцов своей коллекции. Это был двенадцатигранник кальцита из Арагоны. После ухода моих собеседников я вновь и вновь стал перебирать листки своей картотеки. Мне было предельно ясно, что мы столкнулись с какими-то новыми, нерасшифрованными пока наукой загадочными явлениями природы.

Одним из вариантов расшифровки наметившейся связи кодированных сообщений с гранями различных кристаллов явилось предположение о том, что мы здесь встретились с проявлением жизненных сил природы.

КАМНИ ЖИВУТ! Жизнь! Она безгранична в своих проявлениях. Мы резко сужаем свои представления, когда говорим, что жизнь свойственна только белковым соединениям. Бесспорно, что среди «живых существ» жизненные проявления весьма отчетливы и хорошо всем видимы. Все живое существует за счет поедания других. Жизнь постоянно обновляется, и размножением активно занято все живое. Живые существа двигаются, чувствуют, реагируют на внешние раздражения...

Ну, а разве «неживая» природа мертва?

Камни живут! Они очень тонко реагируют на все изменения среды. Они поедают не только друг друга, но уничтожают и все мешающее им. Они активно размножаются, изготавливая себе подобных по готовым рецептам. Они борются за право существования, и борьба идет не на жизнь, а на смерть. В жестокой, бескомпромиссной борьбе выживает сильнейший. Они чувствуют, эти «мертвые» камни. Они любят и ненавидят друг друга.

Слюдоподобный мелкочешуйчатый минерал серицит уничтожает значительные массы медной руды, нужной ему не для пропитания, а для того чтобы освободить тесное жизненное пространство.

За право занять свободное пространство, освободившееся после смерти головоногого моллюска — аммонита, вступили в соревнование разнообразные минералы. В восточных предгорьях Урала победил минерал пирит, занявший место моллюска. В Кировской области массу моллюска заместил фосфорит. А в швейцарских Альпах тело моллюска заместилось слюдой и гранатом.

Можно писать поэмы и легенды о любви и ненависти в мире камня. Горный хрусталь и нефелин терпеть не могут друг друга. Там, где появился один, нет места другому. Зато горный хрусталь живет в добрососедских взаимоотношениях с кальцитом и полевым шпатом. Но бывает и так, что «добрые соседи», борясь за место в земной коре, торопясь занять его, в ожесточенной битве протыкают друг друга. Этот эпизод отчетливо отражен в так называемом еврейском камне — пегматите.

Нет! Камни живут! И сейчас мы встретились с новым их жизненным проявлением!

КРИСТАЛЛОМАГНИТНЫЙ ШИФР. Вчера меня вызвали в Москву на заседание. Оно проходило в одной из аудиторий физического факультета МГУ. Войдя туда, я увидел много геологов, географов, кристаллографов, геофизиков. Со всеми собравшимися я не раз встречался на заседаниях.

Председательствовал Александр Иванович. Вел протокол старшина Овчаренко.

После короткой вступительной речи Александр Иванович предоставил слово мне.

Слушали меня с большим вниманием. По аудитории прокатилась волна оживления, когда я начал говорить о связи типов шифра с кристаллической огранкой минералов.

Для меня, конечно, самыми интересными были высказывания в прениях. Не буду называть фамилий выступавших. Все это люди солидные — со степенями и звучными званиями. Любопытно, что все они в какой-то степени работали и над этой темой, коллективно разрабатывали ее с разных позиций. Сейчас настало время обменяться мнениями.

Кристаллограф, положительно оценив сделанное мной открытие (он так и сказал открытие), дал свою классификацию шифров. К двоичникам и троичникам (а после сообщения докладчика и к более высоким системам кристаллических огранок) он добавил сигналы, отраженные от блестящих поверхностей.

— Так же, как люди, — добавил кристаллограф,— одни преломляют в себе полученную информацию и выдают ее по своим способностям (двоичным или троичным); другие — блещут и, кажется, сверкают, подавляя

всех своим блеском, на самом же деле они только отражают чужие мысли.

С яркой речью выступил геофизик-магнитолог. Оказывается, ему удалось открыть новые грани шифра. Он установил тесную зависимость сигналов от магнитной жизни Солнца. Сигнализация возникает при совершенно особых условиях. Ее зафиксировали только во время магнитных бурь особой интенсивности. Магнитолог демонстрировал графики, убедительно доказывающие эту связь. Он предложил назвать новое явление кристалломагнитным шифром. Оказывается, он предсказал моменты появления сигналов. И председатель подтвердил, что проверка показала правильность его выводов.

Надо ли рассказывать, как мы все обогатились от такого взаимного обмена открытиями. Это было настоящее деловое заседание, показавшее всем нам, что мы — на правильном пути.

ЗНАКИ НА КАМНЕ. А из-за рубежа продолжался обильный поток лженаучной информации.

Весь мир облетело сенсационное сообщение журналистов ЮАР о необычайной шифрограмме, полученной от... господа бога! Даже видавшие виды журналисты многих других капиталистических стран и те встретили сообщение с насмешкой.

Журналисты же не унимались. Они организовали поездку в ЮАР покладистых «ученых», которые «авторитетно» заявили, что источник информации действительно имеет божественное происхождение. Они обнаружили, что шифрограмма была послана из точно зафиксированной точки, в которой явственно просматривался знак креста.

Тут уж зашумела почти вся пресса капиталистического мира.

— Бог указует людям, как жить, — пестрели заголовки корреспонденций.

— Только белым дано право понимать божьи знаки.

— ЮАР на правильном пути, это подтвердил сам Христос!

Стала совершенно очевидной причина журналистского «бума». В науку вмешалась политика. Правительству ЮАР необходимо было оправдать политику апартеида и фашистский режим страны.

Опровергнуть всю эту трескотню, не имеющую ничего общего с наукой, помогли сами же журналисты. Захлебываясь от восторга, они описывали место «божьего гласа», на котором решено заложить храм. Центральной точкой храма явился «божественный крест», который «вещал божью милость». Крупным планом была дана фотография «божьего знака».

Фотография оказалась очень четкой. Крест на ней получился великолепно. По этой фотографии все минералоги единодушно определили причину возникновения креста. Оказывается, двоичная шифрограмма передавалась двойником кристалла люсакита. В заключениях минералогов говорилось, что достаточно открыть любой учебник минералогии и увидеть там рисунок двойников люсакита.

Скандал получился мирового класса! Тут уже ополчились сами журналисты, они-то и раскрыли истинные мотивы неумелой лжеинформации незадачливых коллег.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД. Я подхожу к главной части своего повествования о кристалломагнитных шифрах. На последних заседаниях нашего совета выявились удивительнейшие аналогии. Их подметили биологи.

Главная сущность их высказываний сводилась к выявлению параллелей между живой и «неживой» природой. Им удалось вскрыть законы, управляющие наследственностью у минералов!

Это великолепное открытие века началось со случайных наблюдений, как будто не связанных с нашей темой. Одному из биологов (не могу пока назвать его фамилию) случайно попал в руки кристалл кальцита из Тетюхинского полиметаллического месторождения на Дальнем Востоке.

Кристалл, всего около десяти сантиметров по ребру, внешне единый и монолитный, состоял из тысячи маленьких зародышевых кристалликов. Такие же зародыши в массе были встречены во вмещающих этот кристалл породах.

И биолог задумался над причиной, создавшей это семейство зародышевых кристаллов. В библиотеке, когда он ждал нужные ему статьи, ему попал в руки журнал с сообщением иностранных ученых о таинственном шифре, передаваемом кристаллами.

Мелькнула мысль:

— А не связаны ли как-нибудь между собой эти явления?

Так было положено начало разработке биологического ответвления единой темы о шифрограммах. Эти исследования надолго стали ведущими на очередных заседаниях по расшифровке сигналов, идущих из минерального царства.

Вполне естественно, что одна из групп биологов взяла для разработки генетическое направление. Им удалось проследить связь между кристалломагнитным кодом и генетическим шифром— записанную во всей массе многих кристаллов.

По разработанной биологами гипотезе, в основе любой передачи наследственных признаков у кристаллов лежит сильное перевозбуждение кристалла под влиянием мощных магнитных (электромагнитных?) полей. У живых существ эти функции сосредоточены в определенных частях организма. Но принцип генетического кода остался тем же.

После разработки теории генетического кода стал совершенно реальным вопрос о практической проверке теории

ТАК ДЕРЖАТЬ! Недавно по всей нашей группе был объявлен конкурс на лучшее и кратчайшее название новой науки, родившейся благодаря трудам всего коллектива. Пока самым «кратким» названием было такое слово, которое сразу и не выговоришь. Попробуйте быстро сказать: «Кристалломагнитобиогенетическотехническая петрология». Сокращенно приходилось говорить: «КМБГТ-логия».

Расшифровывалось это длинное слово просто: кристалломагнито — подчеркивало зависимость шифра в кристаллах от магнитной жизни Солнца; биогенетическо — дали нам биологи-генетики, раскрывшие смысл наследственности кода; техническая петрология — это то новое, практическое, что родилось на базе коллективного труда.

Техники-петрологи — специалисты по искусственному изготовлению камней (петро — камень, логос — учение). Они направили все наши исследования по практическому руслу.

В идее все было очень просто. Надо было записать на видеофонную пленку очередную шифрограмму, а потом неоднократно ее повторять для получения искусственных кристаллов.

Практически можно написать десять приключенческих романов только о том, как мы охотились за хорошей видеофонной записью.

И вот запись готова! Закончены также приготовления к пробному эксперименту по искусственному получению кристаллов. Мы все понимали, что если опыт удастся, то это произведет техническую революцию. Мы сможем, не дожидаясь милостей от природы, изготавливать не только одиночные кристаллы, но и получать искусственно целые месторождения нужного нам сырья.

Для первого опыта была подготовлена кальцитовая среда. Удастся ли нам вырастить прозрачный кальцит?

Кто-то вспомнил, что на заре геологической науки, в XVIII столетии, преподаватель Санкт-Петербургского горного института Карамышев демонстрировал на своих лекциях искусственное получение прозрачного кальцита. Но потом секрет Карамышева был безвозвратно утерян.

Наконец наступила долгожданная минута. Все замерли.

Тонкий луч видеофона прорезал вечерние сумерки. Началась передача направленной шифрограммы.

И вот мы у приемной зоны. Издали видно, что там сверкают гранями какие-то крупные новообразования. Это друза великолепного прозрачного кальцита, чистейшего исландского шпата, огромной стоимости.

Победа!

Теперь не за горами получение искусственных кристаллов любого минерального сырья. Мы заранее условились, что следующими должны быть ограночные алмазы во много тысяч карат. Их мы изготовим без повышения давления до ста тысяч атмосфер и без высокой — в две тысячи градусов — температуры. Они должны ро- ... на поверхности земли на наших глазах так же, ...ко что полученный исландский шпат.

ОГЛАВЛЕНИЕ

■

ХУДОЖНИК В. НАГАЕВ

Малахов Анатолий Алексеевич. Знаки бессмертия. Редактор *[...]тицкая.* Художественный редактор *Г. Кетов.* Технический *Л. Голобокова.* Корректор *А. Богородская.* Сдано в набор 1[...] Подписано в печать 14/IV 1970 г. НС 16074. Бумага типогр. Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 7,4. Усл. печ. л. 7,14. Тираж 2[...] Заказ 25. Цена 34 коп. Средне-Уральское книжное издательс[...] Свердловск, Малышева, 24. Типография издательства «Уральск[...] рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

2(
альс
альски

34 КОП. ■ Средне-Уральское Книжное Издательство